

СВЕТЛАНА ЗАПАТА

ОТРАЖЕНИЯ
СВОБОДЫ

Саша Неродова не может похвастаться счастливым настоящим. Недавно ушедший из жизни последний связанный с ней родной кровью человек, незаконченный университет, съемная квартира и полная неопределенность в жизни. Радует только кот да возможность на остатки накоплений хоть немного развеяться на рок-фестивале.

Случайная встреча на этом фестивале открывает правду о существовании мира за гранью привычного, мира, в котором Затронутые, обладающие сверхъестественными способностями, веками живут среди людей, и веками решают собственные проблемы, привычные и знакомые каждому человеку.

Вот только в мире могущественных существ с силами, недоступными обычным людям, многие вещи совсем не такие, какими кажутся на первый взгляд, и Саше предстоит познакомиться с этим на собственном опыте.

Саша проснулась на закате. Отдаленные звуки музыки звучали сразу с нескольких площадок, но идти ни к одной из сцен не хотелось. Как и лежать в палатке. Не застегнутой вчера вечером палатке, теперь ставшей пристанищем кучи насекомых.

Девушка выругалась, вырывая из волос жужжащее нечто, нашедшее там свой приют несмотря на совсем небольшую длину прически, и на четвереньках выползла наружу. Близь рассвета водка с какими-то совсем отбитыми панками была определённо лишней. Мало того что она точно минимум раз свалилась прямо в кучу прелых листьев, пока шла по лесу до палатки, мало больной головы, так еще и настроение можно было описать как «черная чернота бесконечности». Хотелось выпить еще и напроочь забыться.

С некоторым трудом Саша нашарила у входа в палатку кошелек и телефон, чудом вчера не потерявшиеся, и отправилась на поиски алкоголя и съестного.

«Все эти рок-фестивали — только пьянка на природе» — так говорила мать, пока была жива. Саша спорила до хрипоты, но без толку. Никакого согласия — тогда. Теперь бы она согласилась с родственницей в этом вопросе. Почему бы и нет? Пьянка на природе — это прекрасно. Иногда ровно то, что нужно.

**

Александр Николаевич Серафимов, более известный среди своих знакомых просто как Серафим, наслаждался отпуском. С тех пор, как он согласился на не слишком привлекательное, какое-то отчаянное приглашение Новгородского и стал штатным помощником в оперативном отделе, пусть и с «уникальным графиком», на себя времени было куда меньше, чем хотелось бы. Такого бардака на краснодарских улицах Серафим давно не видел. Никогда, пожалуй — раньше-то этот город и городом назвать было сложно, а при советах сюда оперативников переводили со всей страны, не то в наказание, не то в поощрение. За первое говорила удаленность от Москвы и множество всякого нелегального транзита, за второе — теплое лето и зима, близкое море и в целом большое количество сотрудников на не самый тогда большой город. Были, конечно, пригороды и край, но там все было тихо и мирно. Почти всегда, за исключением разве что побережья.

Сейчас же в городе был бардак. Фееричный. И нельзя сказать, что Миша совсем уж не справлялся со своей работой. Просто дела нынче у Ордена шли не лучшим образом. Много работы, мало сотрудников, враз увеличившееся население, какие-то новые районы, похожие на современные бараки, где не то что ведьму — вампирский клан с патриархом спрятать можно так, что никто и никогда никого не найдет. А какое у этого всего Отражение...

Серафим встряхнулся. Опять работа в голову лезет. Он поехал на фестиваль отдохнуть, и он будет отдыхать. Хотя под вечер идти ближе к сценам не слишком хотелось. Было жарко и душно, и больше всего хотелось пойти куда-нибудь на небольшую лесную полянку под деревце и там вытянуться в полный рост, просто наслаждаясь покоем. Что он в общем-то и сделал, найдя нетронутый никем пяточок неподалеку от жилого лагеря. Идея провести рок-фестиваль прямо в центре краснодарских лесов была смелой, по его мнению. Но — почему бы и нет? Получилось же.

Он почти отрешился от мира, сосредотачиваясь на происходящем в захваченной с собой из дома художественной книге. Если верить аннотации, повествовала она о магах и волшебниках в современном мире, живущих бок о бок с людьми и скрывающихся от их

взглядов. Пройти мимо нее в магазине Серафим не смог. Читать, правда, времени не было — так и лежала пылилась до этого отпуска. Зато пригодилась здесь. И ему было глубоко плевать на то, как он, с по-рокерски длинной гривой темных волос, в футболке с символикой известной группы, черных штанах и берцах смотрелся в лесу с книгой. Как и на то, что человеку, наверное, должно было быть темно читать при таком скудном освещении.

Но дальше десятка страниц дело не пошло. Серафима отвлекло чужое присутствие. Точнее, отпечаток на Изнанке этого присутствия.

Совсем рядом с ним незнакомый колдун прошествовал куда-то глубже в лес. Один, по своим делам. Никаких нарушений. Да и не запрещал никто Обращенным на такие фестивали или еще куда ездить. Кто-то из местных орденцев все равно тут есть, следит за порядком.

Ну пошел и пошел. У него вообще-то отпуск. Пускай местные сами разбираются.

Но местные если и следили за порядком, то где-то совершенно не здесь. Серафим еще с минуту сидел на земле, прислушиваясь и к реальным звукам, и к своим ощущениям, потом выругался, убрал книгу в небольшой пространственный карман и нехотя поднялся на ноги. Надо присмотреть за колдуном. Так, на всякий случай.

Благо, идти долго не понадобилось. Через пару сотен шагов глубже в лес Обращенный спорил с какой-то весьма пьяной невысокой коротковолосой девушкой. Точнее, девушка пыталась спровадить его подальше, сидя в несколько нелепой позе на бревне и всячески демонстрируя свое нежелание находится в компании колдуна.

— Ты, красавчик, но ступай себе. Иди, иди, — девушка взмахнула рукой, едва не опрокинув стоящее рядом пиво. — Лес большой, там и...сиди.

— Почему же? Мне интересно ваше общество, — вблизи было видно, что колдуном оказался рыжеволосый худощавый тип с изъеденным оспинами лицом.

— А мне — нет, — отрезала девушка.

Серафим с интересом бросил взгляд на коротковолосую. Зачем она колдуну? Ответ стал понятен через пару секунд. Интересно, мироздание дожидалось его отпуска или это просто совпадение? Дочитать книгу в ближайшее время точно не выйдет.

— Но я все же настаиваю... — в тоне колдуна, определенно, есть угроза

— Вали отсюда! — девушка говорила четко и оказалась вовсе не такой пьяной, как Серафим думал вначале. Что-то щелкнуло, и в ее руках блеснуло лезвие ножа. — Пока плохо не стало.

— Слышь ты, курва... — начал было скалиться колдун, но прервался на полуслове, наткнувшись на барьер, поставленный Серафимом. Александр видел достаточно, чтобы вмешаться.

— Думаю, эта милая леди высказала свое отношение к вашему навязчивому вниманию, — Серафим чуть улыбнулся, рассматривая смену пробегающих эмоций на лице колдуна. А он ведь не на Становление, а на убийство шел. Урод — и я это мнение полностью разделяю.

Колдун кинул на него взгляд, пытаясь понять, кто перед ним. Серафим не стал ничего скрывать, любуясь тем, как наглое торжество сменяется трусливым подобострастием. Залетный? Он определенно не видел этого рыжего раньше. Не то чтобы Серафим был уверен, что лично знал каждого Затронутого в крае, но все же — любопытная деталь.

Наверное, его интерес оказался слишком явным, ведь лицо колдуна еще сильнее побелело, становясь похожим на лик свежесъеденной жертвы вампира.

— Понял, ухожу. Я ничего не сделал, прошу заметить, — пролепетал Обращенный, и тут

же едва ли не трусцой отправился восвояси.

— Леди, — девушка хмыкнула, внимательно осматривая Серафима с ног до головы. Нож она не убирала, поигрывая им. — А вам чего, сударь, надо?

— Насколько я могу судить, на такие мероприятия приезжают в том числе пообщаться с единомышленниками и найти новых знакомых, — отстранённо заметил маг, рассматривая ауру девушки более пристально. Удачный отпуск, мда. Потенциально она ведь сильный маг. А фактически... От счастья не ищут забвения в дешевом пиве, уж точно. Да и потенциал далеко не всегда реализовывался, без силы и знаний в нем не было никакой пользы.

Но что-то в этой девушке было. Открытость, наверное. Какая-то странная, иррациональная искренность, не только навеянная алкоголем, а просто существовавшая. И была где-то в этой открытости очевидная, ощущаемая боль. Что-то, что не давало просто пройти мимо.

По-хорошему он должен или предложить Становление сейчас или просто отдать ее на контроль, и пусть другие ордены разбираются. И второй вариант казался куда более привлекательным. Но с таким потенциалом... Втянут в подковерные орденовские игры. И Миша не помешает, как бы не хотел. А если попадет в наставники кто-то из молодых и амбициозных, кто решит на ее шее выехать? Да и в любом случае — или сожрут с потрохами, или вся наивность с открытостью выгорит, выжигая душу.

Вероятности прорисовывались все очевиднее и очевиднее. И сколько не приглядывайся — все одно.

Серафим тихо ругнулся про себя.

А ведь он просто собирался расслабиться. И здесь на фестивале, и просто в ближайшее время. Ближайшие несколько десятков лет, если быть точным. Но с судьбой не спорят.

— Знакомых значит, — девушка, пока он размышляет, вновь оглядывает его еще более напряжённым взглядом. Но потом все-таки чуть расслабляется и пододвигается в сторону, освобождая место рядом с собой. — Ладно, черт с тобой. Ты вроде нормальный парень, приятный, а не как этот рыжий урод. Пиво будешь? И учти, если руки распустишь, я тебе нож по рукоять в яйца запишаю.

Наверное, угроза вызвала бы негодование, не будь сама ситуация грустной. Девушку-то Серафим мог понять. И не мог не сожалеть, что за все время в отношениях между людьми так ничего и не поменялась. Будь готов защищать себя всегда и везде, и никак иначе.

— Не буду распускать. Обещаю.

— Вот и прекрасно. Налить есть куда или так будешь? — девушка похлопала по стоящему рядом пиву.

— Давай так.

— Лады, — она протягивает бутылку. — Меня Саша зовут.

— Интересное совпадение, — Серафим улыбается. — Александр. Или Серафим.

Девушка фыркает и достает откуда-то еще одну бутылку, из которой сама пьет так же, из горла.

— За знакомство, Александр.

— За знакомство.

Пиво — дешевое пойло, но, как ни странно, идет вполне неплохо.

— Вот и познакомились, — усмехается девушка Саша. — Вообще спасибо, что прогнал этого приставалу. Нехороший он человек.

Уж точно.

— Да не за что. Мне показалось, что он слишком настойчив.

— Не показалось... — хмыкает девушка и отпивает еще пива. — Он в прошлом году на этом фестивале уже ко мне подваливал, еле спровадила. Все хотел наедине остаться. И что ему нужно? Ничего хорошего, вот точно. Жуткий тип, словно в каком-то мазуте измазанный, хоть и не видно ничего, а чувствуешь гадливость, когда рядом. От таких нужно подальше держаться.

— Пожалуй.

— Сто процентов, — девушка еще раз усмехается. — Спасибо, в общем. Очень выручил. Ты давно вообще на такие мероприятия ездешь?

Настоящую цифру он называть не будет. Слишком сильно она противоречит внешности.

— Давно, но несколько лет не получалось выбраться, — дипломатично говорит Серафим.

— А. Да, бывает. Бывает.

— Ты похожа на ту, кто часто приезжает сюда. Играешь на чем-то?

— Играла. Раньше. Сейчас... иногда выбираюсь. Просто поразвлекся. А ты сам музыкант?

— Нет, — Серафим качает головой. Как-то он пробовал играть на гитаре, но все осталось на уровне любительских развлечений за закрытыми дверями собственного дома. — Наверное, просто атмосфера нравится. Здесь всем все равно, кто ты в обычной жизни.

— Это точно, — усмехается Саша. — Все равны. Здесь мы — это мы, словно за пределами этого леса с музыкой, песнями и далеким шумом моря ничего и нет, а? — она отпивает еще пива и неожиданно признается, не то самой себе, не то Серафиму: — Не хочу, чтобы это заканчивалось.

— Пиво?

— Да нет. И да. Ночь. Фестиваль. Через день все по домам разъедутся, — она отпивает еще пива, — и будто и не было ничего. Работа. Проблемы. И только одни воспоминания останутся, и те скоро исчезнут. Бессмысленная трата денег и времени эти все рок-фолк и прочие фестивали. На деле.

— Ну почему же?

— А черт его знает. Как-то так, и все, — девушка морщится. — Извини, но из меня плохой собеседник, честно говоря. Очень плохой.

— Все в порядке, — отмахивается Серафим. — Мне кажется, ты чем-то расстроена.

— Я же говорю — из меня плохой собеседник.

— Я не против услышать какую-нибудь грустную историю.

— И зачем тебе это? Здесь — особенно. Это фестиваль, сюда веселиться едут, а не чужое нытье слушать.

Серафим только пожимает плечами. Зачем врать, когда можно сказать правду?

— Ночь. Свобода. Сейчас, мне кажется, все становится более искренним, настоящим. Мы, вполне возможно, больше никогда друг друга не встретим, но я узнаю деталь правдивой истории чьей-то жизни. Кусочек той жизни, что обычно заперта где-то глубоко в душе. И, может быть, буду помнить, что чем-то помог прекрасной, но одинокой деве.

— Деве... — Саша хмыкает. — А чем ты поможешь, тетка?

— Пока не знаю. Но и ты мне ничего не рассказала.

— Да не о чем говорить, на деле. Просто, знаешь, я здесь бывала много раз. В этот приехала на все деньги оставшиеся от... Неважно. В общем, это не была простая поездка. И,

наверное, я чего-то искала, чего не нашла. Теперь все тут другое. Я другая. Я не подхожу, понимаешь? Вот эта свобода, воля, далекость от мира... Недостижима теперь. Мир во мне. Прошлое проникает из-за пределов этого места, и ни музыка, ни алкоголь, ничего вообще не помогает. Я все помню. Не могу забыть, и отвлечься тоже не выходит. Как Новый год когда вырастаешь — и елка, и мандарины, и оливье, и даже салюты, но вместо Деда Мороза и чуда ждешь только чека за вызванного аниматора да очередной семейной ссоры.

Саша допивает пиво и отбрасывает в сторону пустую банку, словно та виновата во всех ее бедах.

— Ты говоришь как человек, который пережил что-то очень сложное, — осторожно замечает Серафим.

Боль в словах девушки ощутима без всякой магии. Но лезть в ее разум напрямую попросту некрасиво, хотя некоторое эмпатическое влияние он себе все же позволяет. Даже если она откажется от Становления, то хотя бы, может, найдет утешение в этом разговоре. Он, в конечном счете, и правда способен помочь.

— Сложное... Извини. Это мои проблемы, ничьи больше.

— Ты можешь рассказать. Если хочешь.

Несколько минут девушка молчит, рассеяно проводя одной рукой по ладони другой. Потом все же произносит негромко.

— Ты странный человек, тезка. Что-то в тебе есть разом пугающее и восхищающее. Ты случаем не из ФСБ?

— Нет. Почему ты так решила?

— Я как-то общалась с одним оттуда. Похожее чувство.

— У тебя неплохая интуиция. Не совсем ФСБ, но близко. Но сейчас я не на работе.

— Было бы странно, если бы такой как ты мной заинтересовался по долгу службы, — усмехается Саша. — Слушай, ты на своей работе не устаешь слушать людей, у которых произошло что-то?

Серафим чуть склоняет голову, раздумывая. Но отвечает честно.

— Иногда — устаю. Но я знаю, что могу им помочь и знаю, как позаботиться о себе, для того чтобы были силы это сделать.

— Хороший навык. Полезный. Знаешь, а я ведь хотела стать полицейским. Помогать людям. Но отступила, а сейчас и поздно уже.

— Поздно?

— В университет МВД вроде после двадцати пяти и не берут, а мне недавно исполнилось. Да и просто... В общем, поздно.

— Ты говоришь как-то обреченно, что ли, — осторожно замечает Серафим.

— Обреченно? Да нет. Не знаю. Извини, — девушка с явным усилием качает головой. — Это все так, детские мечты.

— Все в порядке. Ты кажешься мне хорошим человеком, с которым случилось много плохого.

Саша пожимает плечами, не соглашаясь, но и не опровергая сказанное.

Несколько минут проходит в тишине, а потом Серафим ее нарушает.

— В начале разговора я сказал, что ищу единомышленников. Это правда. И я знаю, это прозвучит странно, но у меня есть предложение. И прежде чем ты возразишь — это не участие в каком-нибудь преступном деле, никакие не закладки или проституция, или еще что там могут предлагать одиноким девушкам. На работе я состою в одной из организаций

по поддержанию порядка, и люди вроде тебя нам бы оченьгодились. Жилье и питание обеспечим. Работа, конечно, не простая, и поучиться для ее выполнения придется пару лет, но ты справишься.

— Звучит как приглашение во что-то незаконное, уж извини.

— Знаю. Но и верить на слово не предлагаю.

— Да ну?

Серафим улыбнулся. Девушка опасалась его, но чувствовалось в ней и природное любопытство. Хорошо.

— Я хочу показать тебе кое-что, — он делает сложный жест рукой.

Саша заворуженно уставляется на переливающийся нездешним цветом ближайший куст, вдруг ярко засверкавший в темноте. Потом встряхивается, переводя на него взгляд.

— Что это? Наркотики? Ты мне что-то подмешал! Да я...

— Спокойно, — Серафим вкладывает чуть силы в слова, приглушая негодование и страх, вполне естественные в этой ситуации. — Ничего я не подмешивал тебе. Это не наркотики. Выслушай меня, для начала. Видишь ли, тетка — у нашего мира есть еще одна сторона. Изнанка, если хочешь. Некоторые могут попасть туда и увидеть немало чудес. Некоторые. Единомышленники. Как я. Как ты. Увидеть — и научиться самим творить чудеса. Такие же как это.

— Не наркотики... Ну-ну. Ни на какую Изнанку я попасть не могу, к твоему сведению, — девушка демонстративно поводит ножом, показывая, что ее определённо не стоит злить.

— Пока — да. Но у тебя хорошая интуиция. Ты чувствуешь людей, знаешь, какие они. Всегда могла знать, что произойдет или нет то или иное событие, хотя тебе и никто не верил. Да и ты сама себе не всегда верила.

— Откуда ты... Неважно. Черт. Это что — пойдём со мной, и я покажу тебе, как глубока кроличья нора?

Слова о собственной интуиции девушку явно зацепили, уменьшая скепсис.

— Вроде того. Я пойму, если ты не захочешь.

Несколько секунд Саша с нечитаемым выражением лица смотрит на Серафима. Она давно уже трезва. Как-то так всегда складывалось, что от влияния алкоголя Саша могла избавляться одним усилием воли. Теперь страх в душе борется с любопытством и затаенной надеждой. Надеждой на сама она не понимает что.

— Я расскажу тебе об Изнанке то, что смогу и что знаю. Но для начала тебе самой стоит на нее взглянуть, — Серафим вновь чуть улыбается, поясняя. — Хотя бы чтобы знать, о чем спрашивать. Это может быть непривычно и необычно, но вполне безопасно. И никаких наркотиков.

Саша несколько раз глубоко вздыхает.

— Страх... А знаешь, я не боюсь. Больше не боюсь... — и что-то в этих словах отдается тяжелой болью в груди. — И терять мне нечего. Скоро все разъедутся по домам, и никакой свободы. Что нужно делать?

— Просто повторяй за мной. Это не больно.

Серафим встает с поваленного дерева и делает шаг, пробивая Грань. В этот раз не только для себя.

Саша поднимается следом, несколько неловко и явно ожидая чего-то болезненного. Но сама делает шаг вперед. И этот Шаг не просто движение в реальном мире. По воле Серафима

она прикасается к Грани вслед за ним, проникая дальше, направляясь на Изнанку. И если для него этот контакт проходит почти незамеченным, то Саша замирает, чувствуя что-то совершенно новое, разом манящее и пугающее. Чувствуя прикосновение Грани.

Несколько секунд пространство вокруг нее подергивается рябью. Девушка вздрагивает, ощущая, как ничто тянется к ней, проникает в самую душу, вытаскивает на свет каждый прожитый миг, как холод из каких-то далеких глубин мира приближается и окружает со всех сторон, стараясь надавить, сжать побольнее, сломать ее как небрежно брошенную ветку.

Саша встряхивается, словно мокрый пес, отталкивая холод прочь, отталкивая ничто одной только злостью — и пониманием, что она злится. Она существует, и она злится. Ничто отступает, и девушка несколько растерянно оглядывается вокруг, замечая, что мир изменился, и совсем рядом стоит вовсе не обычный случайный знакомый, а некто, облаченный во множество ощущений, которые теперь доступны для понимания. Это целый сонм самых разных чувств, от едва понятных и ощутимых до вполне однозначных и поддающихся описанию, вроде беловатого, режущего глаза свечения по контуру тела мужчины или явно исходящего от этого непростого человека чувства подавляющей мягкой силы, сейчас словно бы дремлющей где-то далеко. И эти новые чувства готовы говорить Саше множество нового обо всем вокруг, о живом и о неживом, на языке, пока еще не совсем ясном, но уже чуть-чуть доступном для понимания.

Серафим усмехается про себя, видя, с каким интересом и страхом одновременно девушка рассматривает и его, и весь отраженный мир вокруг, пытаясь понять, что она ощущает, и приспособиться ко всему слышимому и видимому. Изнанка на Шаг от Грани почти похожа на реальный мир. Только здесь вокруг них лес постарел лет на двести, высоченные осины полностью заслонили собой небо, бутылки из-под пива исчезли без следа, а цвета всего и вся странно исказились, словно какой-то авангардный фотохудожник наложил на мир несколько фильтров собственного изобретения, углубив, уплотнив и изменив пространство. В отдалении Серафим чувствует быстро распадающиеся эмоциональные фигуры. Здесь они крайне нестабильны, хоть и яркие. Конкретно в этой точке леса ощутить их может только он сам, а не впервые попавшая в Отражение девушка. Но это не к спеху — потом покажет все и вся.

— А здесь можно... двигаться? — Саша рассматривает окружающие все еще со страхом и интересом, но интерес определенно побеждает с большим отрывом.

— Можно. Но пока не нужно, — Серафим кладет руку Саше на плечо, осторожно удерживая на месте, не совсем в физическом смысле. Из любопытства немало молодых магов проваливались слишком глубоко за Грань для того чтобы найти путь обратно. — Не торопись. Изнанка или Отражение — место, живущее по своим законам. Поначалу тебе не стоит долго находиться здесь и погружаться в глубины Отражения больше, чем на шаг. Глубже, чем сейчас, — поясняет он. — Ты научись со временем контролировать себя, а пока предлагаю вернуться в реальность, и я отвечу на все твои вопросы.

Саша кивает и оборачивает назад, словно пытаясь найти выход.

Серафим качает головой.

— Дверей здесь нет. Просто пожелай оказаться вновь в реальном мире и шагни. Шаг может быть вперед, назад или и вовсе в одних только мыслях. И не нужно бояться — у тебя получится. Это естественный навык. Инстинкт или рефлекс. Как всплывать со дна моря — достаточно только на секунду расслабиться, понять, где находится верх, и тело само подскажет, как туда устремиться.

Саша еще раз кивает. Несколько секунд она все еще стоит, натянутая, как струна, а потом прикрывает глаза, стараясь расслабиться, найти то, от чего можно оттолкнуться. Не сразу, и даже не через десяток ударов сердца, но ей все же удается. Саша замирает, проверяя догадку — и делает Шаг, исчезая с Изнанки и возникая в реальности.

Серафим возвращается следом за ней, наблюдая, как разом испуганная, удивленная, ошеломленная и обрадованная новыми ощущениями девушка осторожно озирается вокруг. Ее восприятие мира поменялось. У каждого из них оно меняется. И у магов, и у Обращенных. И этого не вернуть назад, и этот момент первого возврата после Становления не забыть. И не забыть появившиеся новые способы познания мира, даже если очень захочется.

Девушка выглядит сбитой с толку, и это естественно. Она привыкнет. Они все привыкают — со временем. Теперь Саша, как и любой Затронутый, всегда будет ощущать Изнанку. Она и так ее чувствовала, как и многие потенциальные маги, чувствовала собственным способом, ассоциациями и ощущениями, приходившими ей на ум там, где у обычного человека бы ничего такого в голове не возникло. Взять хотя бы «измазанного в мазуте» колдуна. Но теперь эти ощущения станут сильнее и четче, лишь поначалу дезориентируя. Как и многое другое, о чем нужно рассказать и чему нужно научить.

— У тебя много вопросов, Александра. Спрашивай, и я на них отвечу.

Ночь предстояла долгая.

И ему придется отвечать не только здесь и не только сейчас, но Серафим ничего не имел против.

Часть 1. Учение — свет. Глава 1

— Таким образом, мы получаем уникальную ситуацию. Римская Империя, благодаря большой доли государственной власти во всех своих общественных институтах, сумела не просто объединить Затронутых и людей под сенью собственных законов, но и обязать Затронутых интегрироваться в государственное устройство. До этого, разумеется, многие общественные объединения пытались сделать то же самое. Скажем, во времена Навуходносора...

Про шумеров было уже не так интересно. К тому же Саша безнадежно отвлеклась, удерживая своей волей в метре от себя в воздухе маленький бумажный журавлик с неразборчивыми надписями. Кто-то его запустил, явно поддерживая магией столь не предназначенную к полетам конструкцию. И к несчастью для этого кого-то плохо управляемый журавль едва не попал Саше, до того внимательно слушавшей лектора, в глаз. Ей, в общем-то, было плевать, чье это было послание и кому оно предназначалось, но просто так пропускать бумажную опасную для зрения птицу мимо она не собиралась. И теперь с упорством держала висящего в воздухе журавля на месте, несмотря на уже несколько попыток сдвинуть его в сторону от владельца, которого так и не удалось разглядеть, ведь направление магии среди больше чем десятка адептов рядом уловить так просто не удавалось. Но зато не так давно показанный Серафим простенький физический щит работал как надо.

— Может, отпустишь птичку? — тихим шепотом спросила сидевшая рядом светловолосая Аня. С ней единственной из группы Саша, не слишком любившая простую болтовню, успела пообщаться за прошедшее с начала занятий время. Аня была спокойной, неглупой и явно имевшей множество своих секретов. Сама себе на уме, как говорят. Пожалуй, это и вызывала в Саше наибольшую симпатию.

— Она твоя, что ли?

— Не, Азамата, — Аня кивнула на сидящего через два ряда парня не славянской наружности. — И он знает, что ты ее держишь. И злится.

— И пусть злится, — Саша пожалла плечами. Теперь журавлика она точно не отпустит.

Азамата она терпеть не могла, как и всю его нерусскую диаспору. И здесь они, словно испорченных школьных будней было мало.

Понятно, что в Ордене обучали всех вне зависимости от пола и национальности. Понятно, что магом быть мог кто угодно. Понятно, что надо было уважать будущих коллег по ремеслу. Но Саша ничего с собой поделаться не могла. Каждый раз, стоило ей посмотреть на Азамата, как она видела лицо того молодого кавказца. Той мрази, что без всякого раскаянья описывал на суде, как и куда бил ее отца. Просто потому что отцу не нравилась громкая музыка и танцы под окнами в полночь, и он не стал об этом молчать. Но, по мнению группы черноволосых парней, приехавших из в чужой город из своих селений, это было поводом избить одного русского. Всей своей национальной шайкой ублюдков.

Саша тяжело вздохнула, запихивая воспоминания куда подальше и сосредотачиваясь на лекции. Конечно, потом всю историю Ордена можно было бы прочесть в учебнике, но все-таки живой рассказ слушать было интереснее. Мария Михайловна, невысокая женщина лет сорока, статью похожая на закончившую филологический факультет поэтессу, желающую слагать пламенные стихотворения, а не вбивать в головы адептов-послушников прописные

истины, рассказывала действительно захватывающе. И Саше просто было интересно все, касающееся мира Затронутых. Сейчас в ее голове была настоящая мешанина из прочитанных книг, достаточно понятных, но все же неспособных объять необъятное, объяснений Серафима и собственных выводов. Помочь в этом разобраться мог бы кто-то из преподавателей. Хотя бы и Мария Михайловна. Но, увы, отвлекшись, Саша часть лекции безнадежно упустила. Оставалось только дослушать хоть что-нибудь.

— Таким образом, в семьсот шестом году в Константинополе было принято Перемирие и обеспечивающий его Закон. Закон, адепты, по которому мы с вами живем и поныне, пусть к нему написано немало поправок и уточнений. И создано все это, в первую очередь, уравнивает наше влияние на мир людей, не допуская повторения Великих Войн. Вторая задача Закона — изоляция мира Затронутых от людей. Сохранение втайне нашего существования. Есть у кого-нибудь предположения, зачем? Исходя из того, что вы сегодня узнали.

Несколько рук взмыли вверх. Саша предпочла чуть пригнуться за спиной впереди сидящего. В школе она терпеть не могла отвечать на что-нибудь, особенно у доски, сейчас ничего не поменялась. Но преподаватель ее маневр не оставила без внимания.

— Неродова?

Саша вздрагивает и теряет контроль над запиской, которая со скоростью хорошей пули пролетает через полкласса.

Лицо Марины Михайловны достаточно выразительно.

— Итак, ваш ответ?

Саша на автомате касается выбритых висков, на несколько секунд задумываясь.

— Для людей меньше соблазнов. Если я правильно понимаю, Орден имеет что-то вроде монополии на магию, сдерживая Обращенных и собственно волшебников от того, чтобы их действия не были замечены людьми и не вызвали глобальных волнений и войны, способной уничтожить всех на своем пути. Если люди узнают о нас, то наверняка захотят власти, которую дает магия. И коль магом можно только родиться, то популяция Обращенных увеличится, а им нужно пропитание из людей, и в итоге все равно получится война между Затронутыми и людьми, или просто всех против всех. А с нынешним уровнем развития технологий... В общем, людям проще о нас не знать.

Аня громко фыркает.

— Александрова, у вас, что добавить к ответу или в чем возразить? Нет? Тогда продолжим. Садитесь, Неродова. Ваша сокурсница права, господа адепты, пусть и употребляет она не совсем корректные термины. Исходя из полученной во время после падения Римской Империи информации, Затронутые постановили...

По руке Саши скатывается бумажка, опять отвлекая ее от лекции.

Она скашивает глаза — и разворачивает послание, написанное Аней.

Азамат злится и требует вернуть ему записку. И насчет монополии — в точку, Саш. Но вообще всегда есть альтернатива. Так, просто на всякий случай, чтобы ты не верила слишком сильно всему, что нам тут рассказывают. Это только часть правды.

Саша посылает соседке быструю улыбку. Аню в их группе сторонятся, хотя почему она еще не успела выяснить. Сама по себе Аня кажется приятным человеком, какой-то несколько наивной и светлой девушкой, из тех, что любят изображать вяжущими венки у какой-нибудь речки на пасторальных картинках.

И стоит Саше отвлечься на эту мысль, как кто-то направленным импульсом выдергивает

записку у нее со стола.

— Неродова! — грозный тон лектора заставляет ее проглотить ругательства от улетевшего прочь клочка бумаги. — На перемене уберете класс. Нечего мусорить. Итак, продолжим...

Остаток лекции Саша старается не отвлекаться, хотя довольно быстро теряется в изобилии дат и поправок к Закону. И не она одна. Краснодарское отделение Ордена Охотников, или даже в официальных документах часто просто Ордена, обучало адептов в довольно быстром темпе, не скупясь на количество вываливаемой на их головы информации. И в итоге сейчас два десятка начинающих жизнь в мире Затронутых волшебников почти одинаково не понимали, что от них хотят и к чему все это приведет. Впрочем, за пределами Ордена любое употребление магии, кроме бытового, было строжайше запрещено, так что альтернативы обучению здесь все равно не было.

Мысли Саши вернулись к нескольким интересным книгам, что дал ей Серафим. Там вскользь описывались все услышанные на нынешней лекции события. И величие Рима, поставившего Затронутых к себе на службу и объединивших их под эгидой собственных законов, и реки крови после его падения, и Великие Войны, в которых Затронутые вместе с ведомыми ими людьми едва не истребили вообще всех гомо сапиенс в Европе, Азии и Северной Африке, воюя между собой. Финалом Войн было Перемирие, отныне и впредь запрещавшее воздействовать на людской мир что магами, что колдунами, что оборотням с суккубами и с вампирами без уведомления друг друга. И проводившее черту, с одной стороны которой находились обычные люди, свободные от влияния Грани, а все Затронутые были с другой. Тоже своего рода Грань. Грань Закона, если угодно.

Интересно, если бы это не случилось, каким был бы мир, где Затронутые и люди жили, не скрываясь друг от друга?

Но едва Саша задумалась об этом, как задребезжал звонок. Как в школе.

— Все свободны. Неродова, я все еще ожидаю, что вы здесь уберете мусор.

Говорить о том, что бросала бумажки не только она, совсем уж по-детсадовски. Саше и остается, что кивнуть и подождать, пока все покинут класс. Хорошо хоть у них это последняя пара и она никуда не опоздает с этой уборкой.

Глава 2

Саша с любопытством оглянулась, выискивая глазами мусорную корзину. Бумажек накидали по всему кабинету немерено, но она же маг, так? Не так давно изученный телекинез ей давался легко. Правда, гордиться было нечем. Перемещение предметов, как она поняла, было самым первым навыком, которому обучали адептов, нужным больше для осознания собственной силы и сосредоточения на ней. Без большого практического применения, ведь чтобы, например, отшвырнуть хотя бы на метр в сторону взрослого человека, нужно было иметь большой резерв силы. Очень большой. Совсем юным адептам такое точно было не под силу, да и не только юным. Но для тренировки умения концентрироваться и направлять магию перемещение в пространстве чего-то нетяжелого неплохо подходило. Хотя, на удивление, не всем адептом это давалось легко. Те же Азамат или Аня даже лист бумаги, который Саша одним движением вчера на практике на метр подняла, не с первой попытки сдвинули на ладонь вверх.

Но силы мало, нужно и умение. Первая бумажка никак не хотела лететь в нужном направлении. Как и вторая. Но уже на четвертой дело пошло веселее — когда Саша поняла, что слишком много сил прилагала к левитации, запуская уже никому не интересные белые комочки в урну со скоростью выброшенного из пращи снаряда по не самой лучшей траектории.

— Развлекаемся? — раздался противно-знакомый голос от двери.

Восьмая или десятая, кто разберет, бумажка вышла из-под контроля на середине полета, набрав скорость пушечного ядра, и шлепнулась на пол в паре метров от урны, едва не сбив стоявший на подоконнике цветок.

— Тебе какое дело, Азамат? — раздраженно бросила Саша, — помочь пришел?

— Да нет, — парень был один. Видимо, оставил своих прихлебателей за дверью. — Любопытствую, никто не запрещал.

Ни дать ни взять — она опять в старшей школе. Там тоже был один такой здоровый громила-армянин и пара его подпевал. Что характерно — тогда один из подпевал был вполне себе русским. Просто гадом. Ну и у нее и тогда не хватало терпения молчать, когда нужно было.

— Ну тогда не мешай, — Саша отошла на пару шагов и потянулась силой за очередной бумагой. — Мне помощь не нужна.

Азамат хмыкает.

— Я смотрю, ты не понимаешь, что если лезть не в свои дела, то можно за это и получить? И что чужое брать нельзя, а?

Саша сжала кулаки, чувствуя, как внутри поднимается ненависть. Чистая, незамутненная ненависть. Как она хотела ударить того ухмыляющегося ублюдка в суде... И вот перед ней стоял еще один. Не тот — но похожий. Ухмыляющийся. Уверенный в своей безнаказанности.

Нужно было держать себя в руках. Но и молчать она не могла.

— Отвали. Ты своей запиской мне чуть в глаз не попал, дятел криворукий.

— Что ты сказала?

— Да что слышал, — Саша делает шаг в сторону, уводя взгляд от Азамата. Ну как похож на того урода...

— Заткни свою пасть.

— Сам заткни. Я тебе не звала сюда.

— Ворот кунем!

— Дружков своих? — обучение в самой обычной муниципальной школе с не самыми благополучными детьми в классе не прошло даром. Она знала, что именно значило это ругательство.

Удивленный взгляд принес недруга некоторое удовлетворение. А потом Азамат, видимо, осмыслив сказанное, разразился отборной бранью. Саша достаточно было услышать три слова рядом, чтобы остатки самообладания ее покинули. Эта тварь не смеет ничего говорить о ее матери. Никогда.

Она бросилась на Азамата, забыв о магии и о правилах приличия, чувствуя себя вновь вспыльчивой школьницей, только и умеющей, что кулаками доказывать свою позицию. В ярости Саша бросается на парня и врзалась в него, впечатывая в ближайший стол. В этот миг ненавидела Азамата и весь его род всем сердцем.

Удары сыпались куда попало. Кажется, она успела даже попасть в неприятно ощущаемый под пальцами глаз, пока ее не откинули в сторону, заставляя уронить ближайший стул и стол. Они сцепились, награждая друг друга тумачами и круша все вокруг. Удар Азамата пришелся в руку, она попала в жесткий мужской пресс, ответ в губу, еще удар...

Вдруг раздался резкий щелчок — и неожиданно Саша обнаружила, что Азамата рядом больше нет. Никого нет. Она болталась на высоте пары метров над полом, под самым потолком аудитории. Как и армянин, так же висевший над землей, только в другом конце теперь полуразгромленного класса.

— Горячие головы, что вы здесь устроили? — невысокий плотный лысеющий мужчина материализовался, кажется, прямо из воздуха в середине кабинета. Именно он удерживал их обоих над землей. — Учитесь вместе едва ли неделю, а уже сладить не можете? Висите пока, пойду ваших наставников позову. Пусть полюбуются.

Лицо Саши теперь горело не только от боли, Азамат успел по нему пару раз приложиться, но и от стыда. Сегодняшний день определенно не задался.

Это было унижительно. В основном потому, что все это времени они оба болтались между небом и землей. Лучше бы в угол поставили — там хоть точка опоры есть. Вторым аспектом унижения было то, что рядом стояли, помимо разнявшего их полноватого мужчины, патлатый несколько скучающий на вид Серафим в неизменной черной футболке, и высокий породистый армянин в дорогом костюме, чье лицо, наоборот, было строгим и серьезным.

А они вдвоем висели, как то самое в проруби, у всех на виду. Как два ребенка в детском саду — из тех групп, где воспитатель провинившихся в центр зала на стульчики ставит.

— Итак, вы утверждаете, что адептка Неродова напала на вас без всякой причины? — мужчина, который их и разнял, вел нечто вроде допроса, уже успев выслушать версии каждого, и теперь продолжая выяснять детали.

— Да, — Азамат говорил глуховато. Нос она ему подправила. — На ровном месте, психованная д... девушка.

Урод.

— Ваша версия? — мужчина обернулся к Саше. — Что побудило вас начать столь вульгарное выяснение отношений?

— По-другому не умею.

— Прискорбно. И все-таки?

— Имело место несколько неприятных высказываний, затрагивающих третьих лиц, — говорить из-за разбитой губы было не слишком удобно.

— Это так? — с интересом спрашивает мужчина у Азамата

— Да ничего я не говорил, она все придумывает.

— Это несложно проверить, — впервые за все время Серафим подает голос. — И мы будем избавлены от необходимости здесь находиться и вернемся к своим делам.

— Ну, я предполагал, что сначала стоит дать шанс на признание, — пожимает плечами лысеющий мужчина. Он так и не представился, но ведет себя как хозяин положения. — Но, думаю, Круг Правды правомерен. В мире магии, адепты, — он делает замысловатое движение, и Саша вместе с Азаматом вновь оказываются во власти тяготения. Удар по стопам не очень приятен. — В мире магии есть множество способов узнать истинность любых показаний. Круг правды — один из самых простых и эффективных.

Мужчина делает еще одно сложное и выверенное движение кистью, и прямо перед ним на полу появляется что-то, больше всего похожее на сверкающий обруч.

— Все просто и незатейливо — вы становитесь в круг и отвечаете на вопросы. Если солжете, то заклинание активируется и доставит немало неприятных ощущений.

— А принцип? — не утерпела Саша.

— Что?

— Принцип? — незаконченное образование все-таки дало о себе знать. — Ну детектор лжи ведь фиксирует проявление стресса, свойственного лгуну, но способного появиться и у говорящего правду. Это также работает?

— Нет, — мужчина неожиданно, мимолетно улыбается. И разъясняет: — Это ментальная техника, где ваши ответы соотносятся с вашими же воспоминаниями. Насколько могу судить — ни у одного из вас нет признаков амнезии, ни на кого из вас за прошедшее время не воздействовали ментальными проклятиями, Иссущением, и прочими несопоставимыми с Кругом Правды заклинаниями. Никто из вас не истощен, так что не вижу препятствий для использования данного заклинания.

— Но... — «как это возможно» Саша вовремя не дала себе произнести, понимая, что откровенно заигрывает с терпением этого властного человека.

— Это магия, адептка. Если у вас возникнет желание — вы можете написать о принципах работы Круга Правды доклад, когда будете разбирать основные направления магической науки.

А он только начинал мне нравиться...

Мужчина усмехается, словно способный услышать то, о чем она думает.

— Неродова, вы первым испытаете на себе действие Круга Правды. Познакомитесь, так сказать, на практике. Прошу.

Под взглядами всех собравшихся Саше хотелось провалиться под землю. Но вместо этого она глубоко вздохнула и шагнула в центр светящегося круга. Какая-то слабая завеса коснулась на миг и ее тела, и разума, приходясь неприятной липкой волной. И истаяла, словно бы опадая наземь, но не исчезая. На миг отступившая, но готовая вновь накрыть с головой при необходимости.

— Я задам вам несколько вопросов о произошедшем конфликте. Отвечайте правду и только правду, — теперь взгляд карих глаз проводящего допрос мужчины устался на нее, и

это, определённо, добавляет нервозности.

Саша кивает, показывая, что поняла инструкцию. Прикосновение завесы оставило какую-то тень на теле и разуме. Неприятную тень, словно бы щекочущую мозг изнутри.

— Вы первой начали драку с Азаматом Хачатряном?

— Да, — скрывать что-то было бы глупым.

— Почему?

— Он оскорбил мою мать.

— Ложь!

— Не вмешивайтесь, адепт. Вы все расскажете в свою очередь. Как именно это произошло, Неродова?

— Я осталась убирать класс. Азамат пришел. Он был недоволен тем, что на уроке я перехватила телекинетическим щитом попавшую мне по лицу его записку, и эта записка позднее оказалась утрачена. Мы заспорили. И он сначала оскорбил на армянском меня, а потом мать, указав на... совершение с ней непристойных действий. Я не собиралась это оставлять как есть.

— И полезли в драку.

— Я не знаю атакующей магии, — пожимает плечами Саша

— В нынешней ситуации — это меня только радует, — мужчина, ведущий допрос, бросает красноречивый взгляд на Серафима. — Итак, все более-менее понятно. Последний вопрос — вы испытываете немотивированное неприятие к Азамату Хачатряну?

— Немотивированное — нет.

— А мотивированное?

Саша морщится, ощущая, как щекотка в разуме усиливается каждый раз, когда она хочет открыть рот и сказать «нет».

— Да.

— Почему?

— Он лицом похож на убийцу отца, вот почему, — с явной злостью отвечает Саша. — Это имеет отношение к делу?

— Безусловно. Терпение. Или вы и на меня с кулаками кинуться хотите?

Саша оглядывает невысокую фигуру мужчины и качает головой.

— Не слишком хороший план.

Мужчина фыркает, и, кажется, Серафим не удерживается от короткой улыбки. Но в этом Саша не уверена.

— Вот и прекрасно. Покиньте круг, Александра. Азамат?

— Иду.

Стоит Саше выйти из зоны действия заклинания, как зуд в голове исчезает без следа.

— Итак, вы, Азамат, действительно оскорбили мать Неродовой упоминанием о своем с ней неподобающем поведении?

— Эм...ну...

— Да или нет.

— Да. Ну в смысле это не оскорбление было, просто фигура речи. И вообще — она моих друзей тронула первой.

— И как именно это произошло?

— Ну, я сказал...в общем, употребил нецензурное выражение, и...

— И пошло-поехало. Ясно.

— А нечего чужие записки трогать!

Мужчина чуть морщится.

— Последний вопрос — вы испытываете немотивированную или мотивированную неприязнь к Неродовой?

— Рожа у нее...неприятная. И руки длинные.

Саша фыркает. Присмирел кавказец в Круге, немало так присмирел.

— Покиньте круг. И так, Хачатрян и Неродова. Сегодня вы наглядно показали, что оба не умеете вести себя в не то что в магическом, а в пристойном обществе вообще. Я отчитываю вас, как неразумных детишек, хотя почему-то адепты на десяток лет младше способны вести себя подобающе, а вы — нет. Оба напишите и сдадите мне лично доклад о нормах этикета среди магов. До тех пор, пока вы не докажете, что способны сдерживать свои эмоции и не идти у них на поводу, распуская руки, на территории Ордена на вас будет наложен запрет на практическое использования магии. Будете теорию изучать, и только. Упражнения на развития контроля потоков допущены, остальное — нет. Для адептов, напоминаю, магия за пределами резиденции Ордена полностью запрещена. Даже бытовая. Если вы неспособны управляться с собой и своими кулаками, то давать силу вам в руки сейчас ровно то же, что выдать пулемет бабуинам.

— Вы не посмеете... — начал было Азамат, но мужчина только поднял бровь.

— Я не посмею? Ну-ну, — в следующую секунду Саша почувствовала, как на ее руках словно бы появились тонкие браслеты. Невидимые, но ощутимые. — Ограничение будет снято, когда ваши преподаватели и наставники подтвердят ваши успехи в самоконтроле. Удачной учебы — с этими словами кареглазый мужчина вышел вон из класса, до того одним коротким взмахом руки устранив причиненные дракой разрушения.

Азамат, явно злящийся, только зыркнул убийственным взглядом и тоже убрался восвояси. Вышел прочь и старший кавказец.

Саша же пошла за веником. Кто знает, может Марина Михайловна ее в следующий раз за неоконченную уборку еще и накажет. Ну или решит что и это тоже — плохой самоконтроль. Да нужно было чем-то занять и руки, и мысли заодно. На наставника она без стыда и глянуть не могла. И правда — как малолетняя дура. В школе она порой дралась наравне с парнями, паршивый характер сказывался, как и увлечение спортом и множество кумиров-боксеров и единоборцев, занимавшихся тем же, чем и отец когда-то. Но эти идиотские поступки осталось в прошлом. Точнее — она думала, что они осталось в прошлом.

Браслеты на руках чесались, словно настоящие, натирающие кожу знаки позора.

— Как тебе глава южнороссийских магов?

Серафим никуда не ушел, да и казался не слишком расстроенным или впечатлительным произошедшим. Он залез на одну из парт и теперь раскачивал ногами из стороны в сторону, разглядывая висящие около доски портреты выдающихся магов, половину из которых, вроде Василия Никифорова, Саша не знала вовсе, а вторую половину, как князя Потемкина никогда не считала волшебниками.

— Что? Глава кого? — вопрос несколько выбил Сашу из колеи.

— Местного отделения Ордена. Михаил Ефимович Новгородский собственной персоной.

— Не слишком русский для такого имени.

— Не слишком русский? — Серафим усмехается. — А ты его с Хачатряном-старшим не

пугаешь? Тот человек, что в костюме был — это отец красавца, которому ты испортила физиономию.

— А глава Ордена нас допрашивал? — с растерянностью спросила Саша, поднимая глаза на беспечного наставника.

— В точку.

— А по нему и не скажешь.

Невысокий полноватый мужчина производил впечатление человека властного, но не какого-то невероятно могущественного. Про Новгородского же за прошедшие дни она слышала краем уха, но все разговоры сводились к тому, что глава местного отделения Ордена был не только большим начальником, но и сильным магом. Одним из сильнейших не только на юге, но и в России вообще.

— Внешность обманчива, Саша. Очень и очень часто. Ладно, иди сюда.

Девушка выбрасывает последнюю бумажку в урну и почти подкрадывается к Серафиму. В своей неформальной майке и с хвостом волос, перетянутых шнурком, он не казался властным или жестким. Но кто знает? Насколько Саша сумела понять из книг — наставник, тот, кто проводит Становление, инициацию мага, несет за ученика ответственность и волен поощрять и наказывать на свое усмотрение. Любым способом.

— Стань ровно, если не хочешь ближайшие дни с синяками на лице ходить, — мужчина поднял руку и провел пальцами перед лицом Саши. — Так куда лучше. Все, свободна. Если есть желание найти информацию по этикету магов вне орденовской библиотеки — напиши вечером, я принесу завтра сюда пару своих книг. Или заеду, если время будет.

— И... все?

— А что ты хочешь? Я сегодня дежурю, но если есть какие-то вопросы — задавай, пока меня никуда не дернули отсюда.

— Да нет вопросов. Просто, я не знаю... Вас привлекли к этой ссоре. Отвлекли от дел.

Мужчина отмахивается.

— Нечего меня на «вы» называть, я этого не люблю. От учеников в особенности. Ты объясни — чего от меня нужно? Пальцем тебе погрозить? Зачем? Я не одобряю насильственные методы решения проблем, но понимаю твое недовольство. Азамату не следовало давать волю языку, тебе — кулакам. И вы оба это и так знаете. Записку не поделили... Вы теперь оба наказаны, оба получили дополнительную работу и лишние неудобства. Думаю, ты создала себе достаточно проблем, чтобы я их количество увеличивал еще. Разбейся с чем есть, если понадобится помощь — звони. Или пиши. Или свяжи задействуй, если получится. Вот и весь сказ.

Саше только и остается, что кивнуть в ответ, чувствуя еще большее смущение, теперь неожиданно смешивающееся с изрядной долей облегчения. Хоть что-то хорошее за сегодня.

— Итак, дамы и господа, предлагаю рассмотреть Закон с практической точки зрения, — по кабинету проползла волна шепотков. — Теорию вы уже разобрали со всех сторон.

Михаил Ефимович, еще две недели назад разнимавший в этом же кабинете стихийно вспыхнувшую драку, обвел глазами собравшихся. Адепты тут же затихли, как по команде. Хотя он и не представлялся полным титулом, и даже не упоминал свою фамилию, все собравшиеся ощущали в этом человеке силу и волю. И желающих нарушать в его присутствии дисциплину находилось немного. Но дебаты о законе и порядке как основах нравственности на прошлой неделе не прошли даром, расколов всех адептов на несколько совершенно несогласных друг с другом групп. И все они желали подтверждения своих выводов от авторитетного источника, взирая на впервые появившегося в классе нового лектора с затаенной надеждой.

— Да, это всегда вызывает много вопросов, и я предлагаю ответить на них, в первую очередь, вам, — Михаил Ефимович сел на приставленный к доске стул, еще раз оглядывая аудиторию. — А я буду записывать, — мел взмыл в воздух и завис, словно удерживаемый невидимой рукой. — Закон, как вы помните, запрещает как магам, так и Обращенным вмешиваться в дела людей без специального разрешения, уведомляющего остальное наше сообщество о своих намереньях. Баш на баш. Если, скажем, Орден помогает людям, то и Ковен дает волю своим членам. Если вампиры обращают нового члена семьи, то мы можем оградить от Охоты новые территории края. И так далее. Думаю, концепцию вы уже поняли — взаимное сдерживание. Никто не хочет давать другой стороне много влияния. А теперь представим, что будет, если взаимные ограничения не будут соблюдаться. Небольшой эксперимент, адепты. Встаньте.

Начинающие маги поднялись, нерешительно переглядываясь.

— Сейчас вы выйдете из класса и зайдете обратно по моей команде. И мы сыграем в небольшую игру. На ее время вы станете другими людьми — или нелюдьми. Каждый из вас получит лист, на котором будет описание вашей роли и ваших целей. На этом занятии вам нужно будет добиться своих целей исходя из вашей роли. У кого это получится — тот автоматически сдает мне философию Закона. Неродова, Хачатрян — подойдите ко мне, остальные — покиньте класс.

Взволнованно переговариваясь, адепты направились на выход. Саша, концентрируясь на том, чтобы не сильно меняться в лице, подошла к Михаилу Ефимовичу. Как и Азамат, старающийся держаться подальше и от нее, и от главы местного отделения Ордена. Парень вообще после драки вел себя тише воды и ниже травы, кажется, даже со своими друзьями рассорившись. Хотя если учесть, что Михаил Ефимович все еще не принял их доклады, каждый раз задавая вопросы, остающиеся без ответа — то, возможно, у армянина просто не было времени на колкости. Или браслеты портили ему настроение не меньше, чем самой Саше.

Михаил Ефимович оглядел обоих.

— Вы вдвоем получаете отдельное задание. Думаю, за прошедшее время вы ознакомились с теми отношениями, которые приняты в нашем обществе, немало прочли и сделали для себя собственные выводы. И теперь вы побудете в роли модераторов. Судий, если угодно. Ваша задача — не допустить оскорблений, и тем более попыток

насильственного решения конфликтов между участниками сегодняшней игры, если они возникнут. Вы нейтральная сторона, наблюдатели, чья единственная цель — недопущение хаоса. Усвоили?

Саша, не смотря на Азамата, кивнула. Что-то подсказывало, что это будет не так просто. А предчувствия ее редко обманывали.

— Тогда стойте пока здесь. Присоединитесь к игре, когда посчитаете нужным вмешаться в происходящее.

Одним движением Михаил Ефимович сдвинул столы так, что по возвращении в класс ученики обнаружили, что теперь могут сесть пятью небольшими группами. И перед каждым на столе оказался конверт. Саша видела, как повинувшись одному движению брови мага, целая кипа этих конвертов левитировала, разделяясь в полете и опускаясь на столы адептам. Спокойно, без единого падения и без видимого напряжения — в это время сам лектор рассматривал что-то в своих записях, лежащих рядом. Контроль и концентрация.

Не бумажки в мусорку кидать по одной, уж точно.

От размышления Сашу отвлек голос мага, легко перекрывший шум от занимавших свои места адептов.

— Прекрасно. Господа, с этого момента вы все находитесь в небольшом уездном городе, — голос Михаила Евгеньевича приобрел неожиданную глубину. — Часть из вас — Затронутые, часть — нет. У вас у всех — свои цели, и в конвертах перед вами лежит описание вашей роли и вашей цели. Так же вы все знаете, что недавно в городе произошел пожар, во время которого оказавшийся рядом маг использовал свои силы, чтобы спасти два десятка человек, которые должны были погибнуть без его вмешательства. Он нарушил Закон, но спас людей. И вы все об этом знаете, как знаете и то, что магия существует. Теперь ваша задача решить, что делать дальше. Неродова и Хачатрян представляют полицию, поддерживающую порядок в вашем сообществе. Все остальное — на ваше усмотрение. Дерзайте.

Адепты вскрывали конверты. Саша прислушалась к разговорам, заполнившим кабинет. Судя по всему, групп было не просто так именно пять. Одни оказались условными вампирами, другие — магами, третьи — колдунами, четвертые — оборотнями, пятые — самыми обычными людьми. Последние активнее всего переговаривались, и наконец один из них поднялся со стула. Это был худощавый подросток лет шестнадцати, чьего имени Саша так и не запомнила. Он, не отрывая глаза от лежащий перед ним бумаги, начал читать.

— Я, Гаврила Михайлов, выражаю признательность господам волшебникам за спасение моей семьи и друзей. И готов за это помогать им во всем, отдавая свою жизнь и свою честь.

— Прекрасно. Зачтено, — делает пометку на своем листе Михаил Ефимович.

— Я, Максим Миранчук, — встает следующий «человек», явно воодушевленный успехом предшественника, — уволенный с работы после того, как начальство отдало предпочтение пострадавшему в огне гражданину Михайлову, выражаю презрения к магам, из-за вмешательства которых я теперь не могу прокормить жену и дочь, и готов помогать кому угодно против них, отдавая свою жизнь и свою честь.

— Зачтено.

— Я, Иван Картаев, выражаю признательность господам волшебникам...

Саша усмехнулась про себя, анализируя происходящее. «Людей» было больше всего — восемь человек. И половина из них магов благоволили, а вторая половина — ненавидели, косвенным образом пострадав от спасения людей в пожаре. По-разному: получив на руки

инвалида без шансов на выздоровление, потеряв возлюбленного, ушедшего к «пострадавшему», но не погибшему, утратив работу, которую отдали кому-то из спасенных, или что-то еще в этом духе. Их задание было самым простым — прочитать написанное и тем самым выразить желание присоединиться к одной из групп Затронутых. Ничего сложного.

— Я, вампир Леонид, провожу Становление нового вампира из числа жителей, — говорит сидящий среди «вампиров» дородный детина из друзей Азамата, сверяясь с листом.

— Ничего ты не получишь, — из «магов» отвечает ему блондинка Екатерина. — Клыки убрал.

— Почему это? — кто-то из «вампиров» поддерживает сородича, — вам можно значит магией людей спасать, а нам почему нет? Одни вон плюсы — долго жить будет и все такое.

— Нафиг иди, кровосос — мы о людях заботимся.

— И мы тоже. По-своему.

— Ничего ты не получишь, — отрезает Катя.

— А мы его поддержим, — это уже кто-то из «колдунов», вроде, Николай зовут брюнета, — что это — вам можно магию творить среди людей, а нам — нет? Вы спасли их потому что так решили, мы будем ритуал проводить, потому что так решим. И вас спрашивать не будем, вы ведь нас не спросили.

— И мы, — оживляются «оборотни», — и мы с вами. Оборзели волшебники. Произвол!

— А ну-ка отвалите, Обращенные, вы ничего не получите... — отбивается Катерина.

— Почему это? Чем мы хуже?

— Вы людей едите!

— Так и вы вон — половине помогли, половине навредили, — ухмыляются «вампиры». — так что — Обращение. Нам новые члены семьи нужны. Мы так хотим.

— Да мало ли что вы хотите! — «маги» повыскакивали со своих мест. И к ним начали подходить и некоторые «люди».

«Вампиры», «оборотни» и «колдуны» тоже поднялись в полный рост. Говорить они начали уже все разом, яростно перебивая друг друга и доказывая всем и каждому право сделать то, что они хотят.

Саша двинулась поближе к центру событий.

— Эй, ребята, давайте не будем нагнетать...

— Тогда уберите этих кровососов отсюда, — вскидывается кто-то из «магов». Марина, кажется. — Заприте, изолируйте, господа полицейские, они тут на человеческую жизнь покушаются.

— Так что вам, магам, можно творить что хотите, а нам нет? По какому праву вы нам диктуете, что можно делать, а что нет? Вот возьму и съем.

«Вампирша» Аня подмигивает Саше и шагает к ближайшему «человеку» — и имитирует укус.

— Что?! Ах вы... Бей их, — Екатерина неслабо толкает «вампиршу» в сторону, — бей их, они человека сожрать хотят!

— Эй, вы, — Азамат растаскивает Аню и Катю. — Успокойтесь, девки. Сейчас все рассудим.

— И как же вы собрались это делать? — ехидничает Николай. — Магам тут можно тут творить что угодно, а мы так сразу вон пошли? Э, нет, так не выйдет.

— Мы вреда не приносим...

— Да ну? Вон что-то половина жителей вами не особо довольна. Да, парни?

Двое «людей», которые пообещали бороться против магов, кивают, засучив рукава.

— И что, их слушать что ли? Мы вон сколько спасли людей, — маги не сдаются.

— И что? А потом кто-то из них сопьется, переедет кого-то. На чье-то лечение уйдут деньги и время врача — и другой умрет.

— Да вы не понимаете...

— Кровососы!

— Убийцы!

— Беспредельщики!

— Им можно, а нам нет!

— Идите отсюда!

Гвалт нарастал, рядом с Сашей столпился уже весь класс, размахивая руками, крича, обвиняя и брызжа слюной.

— Тихо! — вопль был такой, какого Саша сама от себя не ожидала.

И никто не ожидал. В классе воцарилась тишина.

— Заткнулись все! Вы сейчас все передеретесь. Нам нужно выработать правила, чтобы они всех устраивали...

— Нужно, иначе мы так друг друга побьем, — присоединяется Анна, — и нам нужно право обратиться, за ваше вмешательство...

Гвалт начался вновь. Все заговорили одновременно.

— Запретить им вмешиваться...

— Выгнать кровососов прочь...

— Убрать оборотней отсюда!

— Сами валите, снобы!

— А вы...

— Она сделала человека вампиром...

— А вы куда смотрели?! Это не наши проблемы.

— Кто может нам помочь в следующий раз?

— Достаточно, — Михаил Евгеньевич не кричал, но тишина воцарилась мгновенно. — Оставьте свои конверты и записки из них на столах и выйдите из кабинета. Когда зайдете — мы продолжим.

Все два десятка человек потянулись к выходу, стараясь держаться теми же небольшими группами. Когда они вернулись обратно, все столы стояли на привычных местах, а лектор по-прежнему сидел на стуле. Мел парил у доски.

Все расселись, и Михаил Евгеньевич обвел адептов взглядом.

— Итак, господа. Я не просто так начал со «спасения группы людей от пожара». Как вы думаете, почему?

— Ну, это запрещено, — Николай чуть стушевался. Перед одноклассниками доказывать свое ему было явно проще. — И не всем людям понравилось. Неоднозначность последствий.

— Неоднозначность последствий, — эхом ответил лектор, не глядя на начавший сам собой записывать эти слова мел. — В целом — верно. Нам, господа адепты, не дано знать, как и чем обернутся наши поступки. То, что сегодня благо для одного, завтра — горе для другого. Это первая причина, по которой маги и Затронутые вообще не вмешиваются в дела людей. Нам не дано знать, чем это обернется. Ни нам, ни колдунам с вампирами, ни оборотнями и инкубами. Преимущество сегодня — трагедия завтра. Сегодня вы решаете подправить судьбу и спасаете пешехода от ДТП, завтра он убивает президента.

По классу пронесся смешок.

— А между прочим — реальная история. В США дело было. Мы не имеем права вмешиваться в ход вещей. Мы — не боги.

— А с пешеходом что — стоять и смотреть? — дернула головой Анна

— А были бы человеком — стояли бы и смотрели?

— Нет... Ну, не знаю.

— Вот именно. Поступайте так, словно у вас нет магических сил. Если вы готовы идти в горящий дом — идите. Как человек. Если как человек не готовы — то идите мимо. Вы — не Господь всемогущий и силы Грани не делают вас властителем мира. Но существу они не делают нас даже сильнее людей незатронутых, но это мы разберем позже. Сейчас уясните — у каждого своя судьба, даже если она ведет во тьму. Это сложно принять, — Михаил Ефимович обводит взглядом группу, и Саше кажется, что на ней он на секунду задерживается. — Но необходимо. Сила дает нам иллюзию всемогущества, но гордыня не просто так является величайшем из грехов — именно она приводит к самым ужасным злодеяниям.

Такое ощущение, что он что-то знает о ней такого, о чем Саше и не догадывается. Или это просто дурацкая мнительность.

— Думаю, неоднозначность любого вмешательства и его последствий вам понятна. Есть и второй момент — вы к нему сегодня не раз апеллировали. Особенно господа, ставшие на некоторое время «вампирами». Какой, кто подскажет?

— Прецедент, — в тишине голос Азамата слышен всем, хотя парень и бурчал себе под нос.

— Верно. Прецедент, — мел начал скрипеть, выводя это слово на доске. — Только громче в следующий раз, Хачатрян. Господа, как вы заметили: одно вмешательство порождает законный вопрос — а почему нам нельзя? Это как с детьми, да простят меня самые младшие адепты. У тех, у кого дети есть — думаю, вы знаете, что если ругаться матом в доме, то и ребенок вам будет подражать, и переучить его будет сложновато. Потому возникает резонный вопрос: если вам можно, то почему ему нельзя? Обращенные, да и многие маги, чего греха таить, довольно часто не стремятся к каким-то высшим идеалам, удовлетворяя только свои сиюминутные капризы. И они, смотря вокруг, задают резонный вопрос «а почему нам нельзя? Почему вы лучше нас?». И ответить на него нечего тем, кто нарушает Закон. Волшебники почти единым фронтом как-то пытались в свое время — и это была война на истребление, Охота всех на всех, во время которой никто не хотел уступать и подчиняться. Как не хотели сегодня отступать и вы, преследуя свои цели. Особенно когда к вам присоединились люди, готовые вас поддерживать, не так ли?

Поддержка людей — вывел мел на доске.

— И — никто из вас не был готов вот так сходу начать диалог в тот момент, когда полиция попробовала прекратить начинающую свару. Почему? Екатерина, Николай, Анна — вы были активны.

Аня пожалала плечами.

— Не до того было. Да и отступать не хотелось.

Остальные закивали.

— Инертность, — еще одно слово появилось на доске. — Она свойственно всем, господа адепты. В свое время Закон насаждали не только долгими уговорами, но и большой кровью. Далеко не все хотели договариваться. Даже когда заходила речь об истреблении и

возможности от него спастись. Прибавьте к этому то, что сейчас у нас «людей» было меньше половины. А в реальности их гораздо, гораздо больше. И у них есть собственное мнение, с которым нельзя не считаться. Они могут поддержать того, кто им по душе — или начать охоту на ведьм, воюя со всеми, кого боятся, без разбора. А, как вы думаю, сами знаете, это в человеческой природе — бояться того, кто сильнее. Мы сами от этого несвободны, опасаясь тех, кто могущественнее, старше и выше по положению. А что говорить о незатронутых, для которых даже самый последний оборотень будет обладателем огромной силы, властителем недоступных возможностей? Если сегодня о существовании Затронутых узнают, то мы для мира будем вовсе не супергероями, а суперзлодеями. Это еще одна причина, по которой мы обязаны придерживаться Закона. И по которой магия вне Ордена запрещена. Ковен так же жестко следит за своими членами, как смотрят за своими и не входящие в него вампирские кланы и стаи оборотней. Никому не нужна война с людьми — иначе нас просто не станет.

— Но ведь можно заниматься магией вдали от людей, — поднимает взгляд на лектора Анна.

Михаил Ефимович качает головой.

— Тайное становится явным. Всегда. Потому не стоит даже пробовать скрываться — все равно кто-то об этом узнает. Даже если вы уверены, что это не так. Даже если точно, на сто процентов уверены, что это не так. Вопрос лишь времени, но все тайное становится явным.

Звонок заканчивает длинный, по ощущению Саше, и весьма эмоциональный урок.

— Становиться явным, как же, — негромко усмехается Анна, пока остальные собирают вещи и задвигают стулья. — Маловато вы о реальности знаете, господин волшебник.

Но Михаил Ефимович ей не отвечает — он уже покинул класс, оставив на доске только несколько слов.

Неоднозначность последствий.

Прецедент.

Поддержка людей.

Инертность.

На миг Саше показалось, что это какое-то послание. Ей — только что она должна была из него понять, было совершенно непонятно. Словно в этом всем было какое-то еще дно, какое-то еще измерение. Но какое — яснее не становись, сколько она не смотрела на написанные аккуратным почерком слова. Хотя, быть может, она хотела увидеть то, чего не было.

В дверь позвонили. Саша сверилась с часами — кто-то пришел раньше. Хотя ничего удивительного. Когда выяснилось, что у нее, одной из немногих на курсе, есть собственная, пусть и съёмная, но квартира, в которой не живут ни родственники, ни братья с сестрами, ни партнер или партнерша, интерес к ее персоне возрос многократно. Вполне продуманный такой интерес. Впрочем, сама Саша против не была. Не слишком, по крайней мере. Пока. Сегодня был второй раз, когда у нее по инициативе Ани организовали нечто среднее между вечеринкой и дружескими посиделками. В прошлый раз все прошло вполне неплохо — пили в меру, общались, играли в домино и шашки. Аня жульничала, неизменно переставляя фигуры телекинезом, Коля с Катей ее ловили каждый, наверное, десятый раз, а Саша только посмеивалась про себя, перехватывая почти все остальные попытки щитами с самым невозмутимым лицом. Несмотря на формальный запрет магии вне Резиденции Ордена, на деле небольшое колдовство проходило без всяких последствий.

Сегодня должны были прийти еще и Андрей с Мариной. От последней Саша была не в восторге, но все-таки отказываться в приглашении не стала. Может все не так уж плохо обернется.

Анна пришла первой. Подруга — насколько Саша вообще могла считать кого-то своим другом. Конечно, за те два месяца, что они общались, прочной дружбы не срослось еще, но взаимной симпатии пока было достаточно. К тому же Аня, явно зная немало сверх того, что рассказывали лекторы, частенько помогала во всем разобраться.

Запрет использования магии на территории Ордена с Саши не торопились снимать. И это при том, что вела она себя если не образцово, то близко к тому. Глава Ордена все-таки принял несчастный доклад по этике, но для снятия браслетов потребовал обоим «драчунов» получить поручительство кого-то из магов, готового подтвердить обретение самоконтроля. И в отличие от Азамата, который просто прошел по учителям и, как говорят, некоторых почти на коленях умолял подписать заявление, у нее были остатки самоуважения. Ни к кому на поклон Саша идти не собиралась. Решат, что она не опасна — снимут браслеты. Нет — она унижаться не будет. И точка. Пока потренироваться и на свежем воздухе можно было. За пределами Ордена пусть магия и была запрещена Законом, но на деле, как оказалось, это никем не отслеживалась. По крайней мере, по словам Анны. На учебе браслеты пока никак не сказывались. Для теории магические умения неважны, а они пока одну теорию и изучали. По большей части.

— Привет. Мы сегодня будем пиццу? У меня пара промокодов.

— Заказана, — отмахивается Саша.

Аня обожала пиццу. Любую пиццу. И сегодня Саша вполне могла позволить себе угостить и ее, и остальных — стипендия пришла всего пару дней назад и пока не была ни на что потрачена.

— Я первая, так? Прекрасно, — Аня прошла в гостиную и плюхнулась на диван. Подруга положила рядом с собой немалых размеров пакет и начала в нем копать. — Смотри, что я принесла.

— Настольная игра? — Саша с некоторым подозрением повертела в руках коробку, извлеченную подругой.

— Ну уж лучше чем шашки левитировать, — отмахивается Аня.

— Ты уверена, что мы правила осилим? — как-то давно Саша играла во что-то похожее, с такими же даже макетами поездов. — Тут их побольше, чем в шашках.

— Расслабься. У меня и запасной вариант есть, — Аня достала из пакета еще одну коробку, теперь поменьше.

— Дженга? И как в это играть?

— Увидишь. Будет весело, гарантирую.

— Только если ты не будешь швыряться фигурками в окно, — Саша вспомнила, как ловила костяшки домино в опасной близости от стекла.

— Расслабься. Пиво есть?

— Ага.

— Ну тогда чего же мы жнем? Погнали! Остальные подтянутся. Заодно объясню, как играть, коль ты даже не в курсе.

Благо, правила были простые. И играть было действительно весело.

В первый раз башня рухнула после того, как Саша вытащила из нее пятый брусок. Второй раз — после третьего бруска. Саша послала Ане предупреждающий взгляд, но та невинно пожалала плечами. Третье крушение башни состоялось ровно после того, как Саша вытащила из нее второй брусок. Предупреждающий взгляд перерос в негодующий.

Перед четвертым заходом пришлось прерваться, пропуская пришедших в гости товарищей, перебрасываясь с ними приветствиями и выдавая пиво. Идея поиграть всем коллективом была принята на ура уже после первой бутылки.

— Ты мухлюешь! — потянувшись на свой ход к деревяшкам, краем глаза Саша заметила, как один из брусков в основании башни начал двигаться, хотя Аня к нему и не прикасалась.

— Да не в жизни! Это спонтанная левитация!

— Если это «случайная левитация», то я — китайский факир, — усмехается Николай, получивший прозвище «колдун» после той памятной игры на лекции. — Мухлюешь, Аня.

— Что это? Я приношу в игру интерес, — подмигнула уже прикончившая две бутылки пива Анна.

— Да ну.

— Ну да. Мы маги — или кто? Объявляю новые правила — теперь мы не будем касаться брусков руками. Только левитация. Николай, ваш ход, прошу!

— Ты серьезно? Нам запрещено применять магию вне Резиденции Ордена.

— Блииин, — Аня замахала пивом. — Ну не будь скучным, а? Кому от этого плохо... Какие непредсказуемые последствия, что там начальник всего и вся писал? Мы кому-то на голову бруски уроним? Так никто не живет под Сашей, верно?

— Ага.

— Ну так и сам посуди — что тут такого? Все мы маги, как-никак. Никакого раскрытия тайны. Да и нам учиться надо, так почему не сейчас? Вперед! Тому, кто вытащит больше всех брусков в этот раз, я лично мотнусь за пивом!

Саша переглянулась с Николаем. Тот только пожал плечами.

— Почему бы и нет, а? — и потянулся магией вытаскивать ближайший брусок. Неловкое движение — и все рухнуло.

— Дженга! — грянуло со всех сторон.

— А ну-ка, — Аня потянулась собирать башню телекинезом. — Помогайте, товарищи!

— Ладно, — Катя присоединилась, как и Саша с Андреем.

Марина потягивала пиво у окна, проигнорировав приглашение.

— Поберегись, — Николай сделал сложный жест, пытаясь собрать все дощечки разом — и все вновь рухнуло под всеобщий хохот.

— Вперед!

Саша засмеялась сама, когда уронила в очередной раз недостроенную башню. Кажется, задачка получилась сложнее, чем она думала. Кто-то призвал пиво из холодильника прямо на пол, где они возились с башней. Кто-то левитировал перед собой пиццу, кто-то — кажется, неугомонная Аня — вытащил кота из-под шкафа, и тот принялся носиться за летающими перед носом частями башни, в погоне не раз и не два пытаясь допрыгнуть до зависших в воздухе кусков съестного.

Все шло хорошо. Они даже сумели кое-как дважды собрать башню и трижды ее разрушить, до тех пор, пока в дверь не постучали.

Решив, что это заказанная доставка с пивом и пиццей, Саша, последний круг просто наблюдавшая за игрой товарищей, с неохотой поднялась, согнала уставшего и наевшегося кота с коленей и пошла открывать.

За дверью обнаружился вовсе не курьер, а Серафим собственной персоной. Вот кого в гости точно никто не ждали. Саша едва не закрыла дверь инстинктивным жестом, понимая, что попалась.

— Я что, настолько плохо выгляжу, что ты меня на порог непустишь? — наставник с явным любопытством разглядывал ее ошарашенное лицо.

— Да нет, заходит... заходи. Тут просто... в общем, мы тут развлекаемся.

— Думаешь, я не знаю, как это? — маг с любопытством оглядел Сашу, почти сразу вспомнившую, что они не так давно на спор закинули левитацией на люстру несколько определённо неуместных там вещей и густо покрасневшую. — Расслабься, я вообще-то книгу тебе заехал отдать, ты же сама просила.

После четвертой бутылки пива Саша уже и забыла, что вчера и правда договаривалась о встрече.

Маг извлек словно бы из воздуха небольшой том.

— А что это вы тут шепчетесь? — Аня возникла в коридоре так внезапно, что Саша вздрогнула. — Это твой друг? Познакомишь?

— Э... — Саша с запозданием поняла, что никто из собравшихся не видел Серафима в Резиденции Ордена. Да и вообще не видели, скорее всего. Он не приходил на лекции, и как-то так сложилось что и во время учебы они не пересекались.

— Александр, — просто представился Серафим.

— Аня. Может, присоединишься к нам? — Аня явно уже успела просканировать вошедшего и убедиться в его даре, хотя Саша и чувствовала, что большую часть потенциала наставник скрыл, как обычно. — Ты адепт или маг? А, какая разница? Пицца, настольные игры — мы как раз думали поиграть командами.

Судя по выразительному взгляду, Аня всерьез рассчитывала затащить Серафима на посиделки.

— Ну если вы настаиваете, юная леди, — с некоторой иронией улыбается маг, оставляя Сашу только хлопать глазами.

— Настаиваю.

Саша не успевает и слова сказать, как Аня утаскивает наставника в гостиную. Тот, правда, не сопротивлялся. Она осмотрела книгу в руках — и решительно отложила ее на холодильник. Потом разберется. Серафим, играющий в дженгу — оно того стоило.

И не только в дженгу, как выяснилось. Ближе к двенадцати Николай нашел ее «Героя Гитары» и под мелодичные и не очень запыленные они дождались вызванных соседями полицейских. От них пришлось откупаться пивом. И обещанием вести себя тихо. Но играющий на гитаре Серафим — в неизменных черных штанах и футболке... Просто прекрасное воспоминание. Словно опять они встретились на том фестивале. А говорил, что ни на чем не играет.

Саша даже предпочла проигнорировать явные заигрывания Анны с её «другом» и сделать вид, что не заметила ее выразительных взглядов. Сам наставник разберется. Тем более что он, кажется, не обратил на Анины попытки внимания. Или сделал вид, что не обратил.

Потом был черед домино. Стекло опять чудом осталось цело, и только хозяйка квартиры вздохнула с облегчением, как ни с того ни с сего в голову Марине с Андреем пришло желание попасть Вспышкой в кота. После первой же попытки рассвирепевшая Саша едва ли не за шиворот вытолкала их обоих из дома. Боню перепившие живодееры чудом не подожгли, хотя и уверяли, что не собирались попадать в него. Но намеренье в Отражении было уж очень четким... Желая развеяться после неожиданной ссоры, Аня с Катей поддержали идею немедленного похода в магазин, из которого пакеты левитировали. Совсем чуть-чуть. Хотя позднего прохожего плывущие на уровне пояса полные кульки с продуктами, кажется, смутили. Так, что он с криком врезался в ближайшее дерево.

Потом Николай вспомнил, что приносил с собой фанты...

После построения пирамиды из книг, защиты Бони от вооружившейся зачем-то зеленкой Анни, решившей сделать из него леопарда, декламации стихов собственного сочинения и чего-то еще, потонувшего в веселом дурмане, ближе к рассвету Саша обнаружили себя сидящей на кухне и разглядывающей чашку с чаем. Серафим сидел напротив. Из гостиной доносился храп Николая и тихое дыхание Анны. Катя уехала на такси с полчаса назад.

В голове царил кавардак, но Саша худо-бедно соображала. Алкоголь легко выветривался — так для нее всегда было, любого опьянения хватало минут на двадцать. Но сегодня она просто старалась веселиться. Наверное, впервые с тех пор, как...

Она мотнула головой, чувствуя вновь навалившуюся тупую боль в груди.

— Неприятная особенность алкоголя — он поднимает со дна памяти то, что нам не хотелось бы вспоминать, — перемена ее настроения от Серафима не укрылось.

— Извини.

— За что? Я просто отмечаю этот факт. Может показаться, что с тобой что-то не так, но это простая физиология. У твоих друзей воспоминаний меньше — и они не будут ими терзаться.

— Они мне не друзья. Наверное. Пока знакомые.

— Ну у знакомых, — маг пожал плечами. — Позволь подытожить сегодняшний день, Саш. И дать тебе совет.

— Не нарушать правила Ордена и не пользоваться магией?

— Ну тут тебе решать. Но, да — я позвал тебя на разговор именно за этим. Идем на Изнанку.

Саша с некоторым сомнением посмотрела на Серафима. В Отражение им в принципе пока было запрещено ходить вне Резиденции. А ей именно в этом отношении еще и отчаянно не хватало практики — из-за дурацких ограничений. Даже на пару с Аней Саша не

рисковала соваться на Изнанку, несмотря на все уговоры подруги.

— Расслабься. Вы уже нарушили половину дисциплинарного уложения для адептов сегодня по десятку раз, и радуйся, что тот прохожий, что видел ваши шалости с левитацией, был в стельку пьян и все равно забыл все за минуту. Идем, я за тобой присмотрю.

— Ладно.

Саша стает из-за стола — как и сам Серафим.

— Ты помнишь то ощущение на фестивале, — это не было вопросом, наставник просто констатировал факт. — Теперь ты и так все время чувствуешь Изнанку. Ощущаешь ее. Сделай Шаг, желая увидеть Отражение. Это не будет так, как в прошлый раз, Грань тебя не тронет. Попробуй.

Саша вспоминает тот летний вечер — и делает шаг вперед, желая приблизить смутное ощущение глубины мира, теперь позволяющей ей ощущать чужую магию и разлитые вокруг эмоции и воспоминания. Она и правда чувствует Отражение постоянно, и с каждым днем это ощущение, кажется, только усиливается. Сегодня это был теплый, мягкий дурман веселья, летающий вокруг. Беззаботного веселья тех, кто верит, что сможет свернуть горы и пока не получил опровержение этого от мира.

Саша желает усилить эти ощущения, приблизиться к их источнику — и шагает за Грань, оказываясь на своей же кухне, но теперь уже на Изнанке. Здесь цвета изменились, став глубже, темнее и ярче разом. И около стола, и рядом с плитой, и в коридоре, везде, настолько хватало взгляда, в воздухе плавали здоровенные цветные пятна, похожие на плоские мыльные пузыри. Внутри них цвета были еще более странными и еще более нереальными, и, как Саше казалось, если прикоснуться к такому пятну, можно было увидеть и ощутить что-то действительно сильное. Невероятное. На этом сюрпризы не заканчивались. Стены вокруг почему-то оказались сложены из камней, которым место было в кладке рыцарского замка, а не хрущевки. Некоторые пятна неподвижно растекались по камням, словно кто-то пролил на них краску, или вовсе стер цвета, ведь некоторые шары оказались насыщенного черного цвета. Словно порталы куда-то в никуда.

— Что это? — она указала на большое пятно в углу. Оно было разом черного, красного и приятно-лилового оттенков.

Серафим стоял рядом. Здесь, на один Шаг за Гранью, вокруг его тела была видна словно бы изрядно потускневшая белая оболочка. На фестивале она была куда ярче. В несколько десятков раз. Саша, да и любой уже из адептов, могли ощутить такую часть отпечатка, ауры, если говорить не совсем правильными, но распространенными терминами, отличающую Затронутых от людей и без погружения на Изнанку. Но если верить книгам, меняться она не должна была, особенно в Отражении.

— По большей части я скрываю свою силу. Это решает много вопросов, поверь, — отвечает Серафим сначала на незаданный вопрос. Потом указывает на пятно. — А это — отпечаток эмоций.

— Они реальны? — раньше Саша такого и не видела. Но и на Изнанке она побывала всего-то раз до этого момента — пока обучение ее было в большей степени теоретическим. Адептам давали свыкнуться с изменившимся миром вокруг.

— Как видишь. Человеческие эмоции на Изнанке не слишком долговечны, и в местах вроде того леса, где люди раз в год собираются поиграть музыку да поразвлечься, исчезают почти сразу. Но если эти эмоции одного или нескольких человек повторяются из раза в раз в одном месте, или очень сильны — то может получиться что-то вроде этого, — Серафим

указал на дальний угол кухни, где под потолком находилось что-то, похожее на мерзкий черный кристалл, росший прямо из центра черного же пятна.

— Отвратительная штука.

— Она рождена из вины. Впрочем, я думаю, тебе такое украшение интерьера ни к чему, — Серафим сделал замысловатое движение левой рукой, и кристалл, резко подвернувшийся белой дымкой, начал таять, вместе с пятном вокруг, — я хотел показать тебе кое-что другое.

Маг взмахнул ладонью в сторону стены, и Саша начала замечать два ряда ярких странных прожилок внутри камня. При взгляде на дальний ряд прожилок браслеты на руках начали неприятно зудеть, и она непроизвольно потерла запястья.

— Ты ощущаешь связь. Хорошо. Уловители находятся в каждой квартире каждого адепта. Они фиксируют использование магии, Саша. Правила Ордена — это не просто рекомендации.

— Они... Орден подсматривает за нами? — звучало по-детски, но Саша поняла это уже после того, как сказала.

— Скорее — следят за нарушениями своих же предписаний.

— Но мы... Никто не пришел сюда в прошлый раз.

— Значит, тогда вы не превысили лимит чувствительности уловителей.

— Но и сегодня никого не было.

— Ну прямо-таки никого, — усмехается Серафим

— Вы должны были остановить нас?

— Прекрати обращаться ко мне на «вы». Я ведь просил. Нет, я пришел потому, что собирался занести книгу. Хотя вы и правда были близки к тому, чтобы активировать на эти плетения. Но я не слишком желаю увлекательных бесед с коллегами. Так что, — Серафим чуть повернул руку, и ближний к Саше ряд прожилок в камне засветился. — Не знаю как ты, а я не в восторге, когда за моими действиями следят. Можешь понять, как это работает?

Почти минуту Саша рассматривала светящиеся нити, пытаясь подобрать нужный образ, а потом кивнула, когда поняла, что и как.

— Хорошо. Тогда задание — я использую здесь левитацию... пусть вот этого, — любимая чашка Саши на изнанке была почему-то неожиданно нежно-розового, но приятного цвета. — Повтори это плетение. Рассей след моей магии.

И кружка поплыла по воздуху. Несколько секунд ничего не происходило, а потом Саша ощутила, как вокруг нее появляется какое-то светящееся и слишком правильное для естественного объекта облако, наполненное словно бы тонкими паутинками. Она сделала движение рукой, представляя, как внутри облака паутинки распадаются и меркнут, сливаясь с миром вокруг.

Со второго раза свечение мигнуло и распалось на части, развеиваясь.

— Хорошо. Принцип ты поняла. Еще раз.

Во теперь разорвать паутинки удалось с первого раза.

— Отлично. Возвращаемся.

Саша медлит с Шагом, разглядывая кухню. Кристалл в углу исчез, а цветные облака куда-то уплыли. Она возвращается с каким-то затаенным сожалением — расцветенная пятнами Изнанка ей нравилась. Что было в этом... таинственное. И увлекательное. Словно место, где можно найти истину и ответы на множество вопросов, и все это не покидая собственного дома.

— Еще насмотришься. В следующий раз, когда решите развлечься, разбивай остаточные следы. Иначе будешь иметь много увлекательных бесед с Михаилом. Возвращайся, — Серафим каким-то образом, кажется, находился разом и на Изнанке, и в реальности.

И как это возможно? Впрочем, научится.

Саша шагает — и только потом понимает, что именно сказал Серафим. Несколько секунд она осмысливает услышанное. И осторожно уточняет.

— Я правильно понимаю, что вы... ты не против?

— Против я, не против... Вы все равно будете развлекаться. Думаешь, я не знаю, каково быть адептом? Так хоть тренировка есть и польза. Только больше никаких Вспышек в живых существ. Узнаю что занимаетесь чем-то опасным, хоть боевым, хоть ментальным, хоть ритуальным, на Изнанку лазаете или еще что, то тогда вот это, — маг указывает на вмиг занывшие браслеты, — будет мелочью. А я узнаю. Не уверена, опасно или нет то, что хочешь со своими друзьями опробовать или сама — спроси у меня. Доступно?

— Доступно, — Саша кивает. Они и правду едва квартиру не спалили. И кот на нее обиделся — и по делу.

— И насчет последствий — я не собираюсь рассказывать о ваших развлечениях. Я никогда не поддерживал эту политику всеобщих запретов. Да и ты достаточно благоразумна, чтобы останавливать своих заигравшихся товарищей.

«Отвали от кота, падла!» — пронеслось в голове у Саши. Да, благоразумна. Пожалуй.

— Но что бы я не считал — это не делает такие выходки легальными. И всех, кто в них участвует, не желающими сдать ближнего своего.

— Вы... ты хочешь сказать, что кто-то может сдать нас?

— Да. Например кого-то, кого ты едва с лестницы не спустила.

— Эта курица хотела поджечь кота! Потому что он ей, видите ли, не понравился и шипел, когда она его за хвост дергала! — возмущению Саши не было предела.

— Последствия, Саша. Непредсказуемые последствия. Ладно, я намерен отправиться домой и выспаться хоть немного. Я давно так не веселился, но и от веселья можно устать.

— Приходит... приходи еще, — она никак не могла избавиться от привычки называть на «вы» наставника.

— Приду, вполне возможно. Покажу, как у нас развлекались. Да и электронная эта гитара с игрой мне понравилась. Ладно, бывай.

И Серафим покидает квартиру, оставляя Сашу на кухне переваривать услышанное.

Когда на следующий день ее, Аню, Катю и Колю вызвали на ковер к Михаилу Ефимовичу, то обнаружив там Марину, никто не удивился. Как и «строгому дисциплинарному внушению». Хотя, при том, остальным блокировать силу глава южнороссийских магов не стал — ввиду того, кто урон никому не причинили. Но по два реферата дополнительных получил каждый.

— Ябеда, — пробормотала Аня, когда они все покинули не только кабинет, но и резиденцию Ордена. — Самая натуральная.

— Ага, — Саша кисло посмотрела вслед удаляющейся Марине. Знала бы — эту котоненавистницу на порог бы не пустила.

— Ладно. С этими докладами... Но до воскресенья я думаю, допишу все. Катя предлагала повторить дженгу и добраться-таки до той большой настолки. Собираемся?

Саша вспомнила то самое красно-черно-розовое пятно эмоций — почему-то с отголосками приятного чувства в груди. К тому же потренироваться в «разрывании нитей»

удастся. Как правильно именовалось показанное наставником воздействие, она понятия не имела — в книгах про него ничего найти не удалось. Но получилось же! А как называется — значения не имело.

— Собираемся.

— По рукам. А Марина пусть сидит дома со своим кавалером.

— Ага, — Саша улыбнулась, вспоминая утреннего сквозь сон мурчащего Боню.

А этой ябеде точно никто мурчать не будет. И поделом.

— Катя опоздает, — Саша морщится, перечитывая сообщение. — Не меньше чем на два часа. И зачем мы договаривались в шесть собраться, если все будут к восьми?

— Большинство людей не слишком пунктуальны, — Аня только пожала плечами, отправляя в рот очередную порцию чипсов. — И, боюсь, наши товарищи из их числа.

Саша только фыркает.

— Каждый раз, когда кто-то опаздывает, мне хочется отменить все и заняться чем-нибудь вместо бесплодного ожидания.

— Ну так давай отменим, мы ведь не обязаны их ждать, — Аня захрустела следующей чипсиной. — Будем сами до вечера смотреть кино и играть во что-нибудь. Или просто смотреть кино. Или отправишь меня домой и будешь развлекаться в свое удовольствие.

— Это не красиво. Да и к тому же... Мы за неделю решили, что хотим вместе отметить этот Новый год, выбрали дату, сошлись с трудом на сегодня. Глупая идея все переносить.

— Глупая. Но если ты хочешь — то почему нет? Ты ведь никому ничего не должна.

Саша только отмахнулась.

— Ладно, зря я начала этот разговор. Подождем. Будешь? — Саша кинула Ане коробку с Дженгой.

— Нет, вдвоем скучно. Не говоря уже о том, что ты наловчилась ронять башню даже без взгляда в ее сторону каждый раз, когда я только думаю начать ходить. Давай тогда посмотрим чего-нибудь. Или в карты сыграем.

Саша повернулась к окну, за которым шел дождь. Привычный зимний краснодарский дождь. Ленивое настроение, нахлынувшее на нее после генеральной уборки всей квартиры перед нынешним сабантуем, требовало чего-то с как можно меньшим количеством усилий. А для просмотра кино надо было не только призвать пульт со шкафа, но еще найти что-нибудь кроме привычных предновогодних комедий без грамма юмора, заполонивших экраны. К тому же на драмы не было настроения, как и какие-нибудь очередные красивые боевики без единой мысли в голове у сценаристов. В последнее время она нередко коротала время, наблюдая за приключениями спасающих мир супергероев в разноцветных костюмчиках, неожиданно ощутив желание поближе познакомиться с творениями «Марвел» и «ДС», проигнорированными в последние пару лет. После очередной зубодробительной теории магических полей или бессмысленной с ее-то браслетами практики самое то было смотреть за чем-то не слишком умным и достаточно красочным.

Но сейчас ни к какому кино душа не лежала.

— Вижу по лицу, что фильмы тебя не прельщают, — Аня с хозяйским видом взмахнула рукой, призывая колоду карт, лежащую почему-то в углу комнаты на полу. И как они вообще там оказались? — Ты в преферанс играть умеешь?

— Умею, но вдвоем в него тоже не шибко интересно будет. Давай в дурака тогда что ли.

— Серьезно? Нам ведь не по десять лет. Ладно. Хочешь, научу тебя карты читать?

— Что? — Саше показалось, что она ослышалась. — Чему научишь?

— Карты читать. Это вроде гадания, только можно на любой вопрос ответ получить, не только про будущее.

— Игральные карты, как и гадальные, не содержат настоящей магии. Во всех учебниках так говорится.

— Пф, — Аня отмахивается. — Ты их читай больше. Хорошо, давай покажу, как это работает, если не веришь. Ничего опасного, не надо будет ничего прикрывать от всевидящего Ордена, так что расслабься. Это может и не магия в академическом смысле... Но это работает. Давай про тебя расскажу что-нибудь?

— Позолоти ручку, дорогая, — усмехается Саша. — Ладно, валяй, коль хочешь. Мне любопытно.

— Сейчас, — Аня берет чипсы и вместе с колодой карт опускается прямо на пол. — Я тут буду, на диване нет места.

— Ладно, — Саша садится напротив, складывая ноги на турецкий манер. — И что ты про меня рассказать сможешь?

Аня принимается задумчиво тасовать карты.

— Хочешь, про семью расскажу?

— Давай.

— Без проблем, — она еще несколько раз перетасовала карты, перемешивая их, как Саше казалось, с какой-то любовью. — Про прошлое давай, смешивать все не стоит. Да и к тому же рассказав что-нибудь про будущее, я ничего тебе не докажу, пока оно не наступит. Смотри.

Аня начинает выкладывать карты по одной три друг под другом, потом еще три рядом, потом еще три, и потом еще.

Саша чувствует, как от карт и от самой Ани исходит в Отражении слабое-слабое волнение, разом и похожее на творение магии, и на что-то совершенно от нее отличное. Словно мироздание вокруг дергает за какие-то тонкие нити, издающие слабое колебание и затрагивающие эти колебанием другие нити, а те третьи, а те...

— Прости, Саш, — Аня отвлекает ее. Выглядит она смущенной и виноватой разом. — Я не знала.

— Что такое?

— Я не знала, что твоей семьи нет в живых. Извини.

— Расслабься, все в порядке. А как ты поняла? — такой информацией Саша с подругой не делилась. Да и ни с кем не делилась, хотя и подозревала что Серафим, например, про нее знает больше, чем говорит.

Аня вместо ответа указывает на последний ряд карт, где один под другим лежит пиковый туз, дама и король.

— Могильные вороны. Пики всегда несчастья, а те, что выше десятки — смерть или смертельная болезнь.

— Занятно, — Саша рассматривает карты. — А черви значит тогда любовь?

— Не обязательно именно любовь. Отношения как таковые — дружба, симпатия, наставничество, просто новое потенциально полезное знакомство. Бубны — победы над врагами или недругами, крести — успехи или удачи в делах и работе, но порой могут и неудачи предвещать. Это общее, нюансы чувствовать надо. Не спешить, ощутить колоду, задать вопрос, понять, когда готов ответ. А потом просто карты в ряд выкладываешь. Сколько рядов — про столько человек речь идет. Или если не знаешь о каком количестве людей спрашиваешь, то выкладываешь медленно, почувствуешь, как достаточно будет. Чет — мужчина, нечет — женщина в первом столбце, дальше в ряд важные события. Вот тут смотри — у твоего отца был успех в делах, знакомство, потом опять отношения уже более серьезные, думаю, речь шла о свадьбе. Потом победа над врагом, и вновь успех — думаю,

речь идет о конкуренции в чем-то профессиональном. А потом...

А потом в ряд лежала шестерка пик, десятка пик и туз пик.

— Черная полоса будет неплохим определением, — Саша улыбается уголками губ. — Надо признать, это действительно впечатляет — она скользит взглядом по картам — конечно, в некотором роде мы все равно подгоняем увиденное под то, что хотим, но все же. Кто тебя этому научил?

— Знакомые отца. У нас в деревне немного развлечений, знаешь ли.

— Люди?

Аня качает головой.

— Нет. Но это другая история. Уверяю, мы ничего не нарушаем. Я иногда так развлекаюсь, просто чтобы время занять. Главное — держать в голове вопрос точный и позволить колоде тебя вести.

В дверь постучали.

Саша поднялась на чуть затекшие ноги и пошла открывать, гадая, кого могло принести в самом начале восьмого.

— Сюрприз! — на пороге обнаружили Катя с Колей. — А мы все-таки пришли раньше! Вот и подарки.

В руки Саше вручили большой пакет. Пока она думала, насколько вежливо будет открыть его на месте, как Катя скинула с себя туфли и прямо в куртке отправилась в гостиную со вторым пакетом в руках.

— О, так вы гадаете? Научишь?

— Без проблем. Тем более что еда все равно будет теперь к восьми.

— Ничего страшного, мы принесли с собой, — Коля, в отличие от подруги, все-таки раздевается в прихожей. — Но если вы и правду гадаете, то почему бы не попробовать вместе?

— Ладно, — Аня машет рукой, сгребая одним движением карты. — Садитесь тогда ближе. На какой вопрос хотите узнать ответ?

Саша улыбается, видя азарт на лицах друзей. По крайней мере, что бы ни было в прошлом, в настоящем они собирались праздновать наступающий Новый год в один день с католиками, отмечающими свое Рождество. Веселиться, пить глинтвейн и может все-таки посмотреть какой-нибудь глупый фильм. Потом достать дженгу, что-то не поделить, заставить предметы летать по всей квартире, восстанавливать разбитое и сломанное, гладить и подкармливать кота...

Чтобы не было в прошлом — настоящее ее вполне устраивало.

Уже глубокой ночью, проводив гостей и убрав следы разгоревшейся ближе к полуночи схватки на левитирующих одеялах, в которой из них четверых никто не вышел победителем, Саша бросает взгляд на колоду карт, почти сразу оставленных валяться на полу этим вечером. Что-то там они себе нагадали... какая разница? Она в этом не участвовала.

Но сейчас любопытство все же берет верх. Саша садится на пол и достает колоду, не спеша перемешивая карты.

Что ждет ее в Новом году?

Колода в руках, кажется, теплеет, и Саша явственно ощущает, что больше мешать не нужно. Она извлекает первую карту — шестерка крестей. Десятка бубен. Валет бубен. Десятка пик. Десятка бубен. Семерка червей.

Саша фыркает, откладывая карты. Сплошные сражения вперемежку с какой-то

напастью и дружба в конце. Прямо сценарий для глупого фильма из тех, что она смотрит в последнее время. Но, благо, она не супергерой, да и врагов столько не найдет, чтобы побед столько одержать. Не с дураком Азаматом же бодаться? Глупость какая. Будущее не предопределено, а люди вовсе не болванчики, что действуют одним-единственным способом.

А все эти предсказания — полная ерунда.

Светлана Николаевна обвела глазами адептов.

— Сегодня, господа, у нас не привычная лекция, где я рассказываю, а вы записываете. Вовсе нет. Сегодня, как мы с вами договаривались в прошлый раз, вы будете рассказывать мне и отвечать на мои вопросы. Мы с вами занимаемся почти два полных семестра, и если для стойкой выработки практических навыков, — ее взгляд задержался на Саше, все еще щеголявшей с браслетами, — этого недостаточно, то для понимания хотя бы общей теории магии — вполне. Потому начнем. Хочу знать, что именно вы усвоили. Вы сами распределили заданные мной вопросы или каждый готовил все и сразу?

Саша выругалась про себя, лихорадочно припоминая прошлое занятие с этой милостивой, но весьма строгой нравом женщиной. Выходило не очень хорошо. Вчера она с Аней, Николаем и Катей почти до утра развлекались телекнетическими бросками. Сначала это было похоже на какой-то странный футбол, где каждый пытался забить «гол» в импровизированные ворота, а потом, когда всем наскучило, бросать предметы стали уже друг в друга, выставя щиты. Стало куда веселее тогда, когда выяснилось, что Ане тоже знакома техника разбивания остатков плетений, и Саша стала в два раза меньше внимания уделять «маскировке» их развлечений от Ордена и в два раза больше — сложным фигурам пилотажа подушек и одеял. Под конец у нее получилось даже писать карандашом на бумаге — это потребовало большого сосредоточения, но все же, все же. У нее получилось. Как и кинетический щит. Как и все остальные заклинания, которыми они развлекались. Как и то, что на их ежедневных встречах по пятницам показывал наставник. Хотя браслеты откровенно удручали — на практических занятиях в Ордене приходилось с трудом подавлять тоску. Самыми разными способами — и не все из них нравились преподавателям, которые явно считали, что ограничили ее в магии за дело.

С такими темпами браслеты исчезнут не раньше, чем она закончит учебу.

— Неродова?

— Да, — Саша встрепенулась, понимая, что безнадежно отвлеклась от рассуждений преподавателя на собственные мысли.

— Вы какой вопрос готовили?

— Я... секунду, — Саша принялась лихорадочно искать в памяти момент, когда эти самые вопросы распределялись.

Пауза затянулась, и неизменно сидевшая рядом Аня толкнула ее в бок, указав на спешно сделанную запись в своей тетради

— Общие принципы взаимодействия с Отражением, — излишне бодро отрапортовала Саша, надеясь, что ничем не выдаст своего замешательства.

И зачем она взяла этот вопрос?

— Прекрасно, прекрасно. Тогда с вас и начнем. Сейчас я составлю список, кто за кем идет — и готовьтесь отвечать. У нас с вами сдвоенная пара, времени всем хватит.

Саша села на место с тихим ругательством.

— Ты не готова? — Аня говорила едва слышно, почти не разжимая губ. — Хочешь, дам конспект?

Саша качает головой.

— Нет, я не смогу разобрать твои записи. Ладно, что-нибудь придумаю.

— Тогда напишу опорные слова, идет?

— А тебе самой не надо готовиться?

— А я в конце буду, с моей-то темой, — отмахивается Аня. — Успею.

— Спасибо.

— Друзья должны помогать друг другу.

Саша бросает в ответ короткую улыбку.

— Неродова, выйдете к нам или будете отвечать с места?

— С места, если можно.

— Тогда можете начинать, — Светлана Николаевна, расположившись за столом лектора, чинно сложила руки перед собой и приготовилась внимать.

Саша вдохнула поглубже и скосила глаза на Аню, быстро писавшую на пустом листе большими буквами опорные слова. Еще раз улыбнулась, на сей раз про себя, и начала отвечать, собирая в памяти разрозненные образы из подсказанного подругой, запомненного на лекциях, прочитанного в книгах, услышанного от наставника и выведенного самостоятельно.

— В разных традициях обучения магии термины применяются различные, но общий итог одинаков. Отражение, или Изнанка — это пространство, примыкающее к доступному для всех живых существ миру и во многом образованное эмоциями, чувствами и переживаниями этих живых существ. Как живущих сейчас, так и умерших. Некоторые исследователи предполагают, что Изнанку можно считать коллективным бессознательным нашего мира, этаким ноосферой, но не абстрактной, а имеющей пространственное воплощение. При этом Изнанка не воспроизводит наш мир один в один, и в этом ее опасности и возможности разом, — Саша лихорадочно вспоминала вопросы, которые сама задавала в памятную ночь Становления Серафиму и ответы мага, — попасть в Отражение может только Затронутый, тот, кто однажды оказался на Грани, разделяющий наш привычный мир и Изнанку. Но взаимодействие с Отражением для вампиров, колдунов или оборотней ограничены, как и для инкубов и суккубов. Они — Обращенные, и каждый их вид использует собственные возможности, дарованные Гранью. Эти возможности заданы формой Преломления Обращенных, разом и дающей силы, и ставящей ограничения. Предположительно, это происходит потому, что сама форма, само Преломление диктуется Гранью исходя из особенностей коллективного восприятия живых и их страстей. В этой теории оборотни рождены отношением к природе и страхом перед ней, вампиры — страхом перед смертью и потерей крови как потерей жизни, колдуны — жадной познать и подчинить мир своей волей, а инкубы и суккубы — плод отношений людей с собственной сексуальностью и страхами в этой сфере. Предположительно, именно поэтому Преломление, оно же чаще в европейской терминологии Обращение, может пройти любой человек, если найдется тот, кто захочет сделать из него Затронутого. Именно поэтому численность Обращенных жестко контролируется — они способны создавать себе подобных десятками и сотнями, и в истории были случаи, когда не знающие ничего о том, кто они есть, молодые вампиры или оборотни устраивали массовые беспорядки, совершали преступления и ставили под угрозу раскрытие нашего мира. Магом же может стать только тот, кто предрасположен им быть, и потому магов всегда во много раз меньше, чем Обращенных. Все Затронутые черпают силу после Становления или Обращения из Изнанки и мы способны ощущать ее постоянно и воспринимать мир не только человеческими органами чувств, но и иными способами. Но и здесь существуют различия. Скажем,

оборотно понадобится нюх для того чтобы определить Затронутого, суккуб будет ориентироваться на эмоциональное поле, а маг сможет просто ощутить отпечаток, ауру.

— Достаточно, — Светлана Николаевна поднимает руку, останавливая Сашу. — Хорошо, общую теорию вы нам изложили. Как насчет собственно взаимодействия с Отражением и его ограничений?

Здесь у Саши не было такой уверенности в правильности запомненного. Но, увы, идея с блохой, подсказанная одним старым анекдотом, себя не оправдала.

Саша скашивает глаза на лист, исписанные Аниной рукой.

— Взаимодействия и ограничения, — в горле уже пересохло, но она старается говорить уверенно. — Итак, взаимодействовать с Изнанкой можно двумя путями. Первый — косвенный путь. Это зачерпывание силы и манипуляция ей. То, что мы называем магией. Возможно это и на Изнанке, и в реальном мире. Можно зачерпывать силу и сразу формировать ее в плетения воздействия мгновенного, известного так же как заклинания, или отложенного, называемого проклятием, эффекта. Можно использовать для формирования сложного плетения направляющие рисунки или слова — получится ритуал. Можно вложить плетение в предмет — и это будет артефакт. Причем последний вариант адаптируется и для пользования людьми, незатронутыми. В этом случае при должном умении предмет своими плетениями и контурами сам будет зачерпывать силу из окружающего мира. Но маги и колдуны применяют артефакты с осторожностью — постоянное присутствие предмета, Затронутого Изнанкой, способно вызвать нежелательные последствия для тела и разума.

— Например?

— Самые разные. Изнанка — отражение в том числе и эмоций. А эмоции бывают не всегда позитивными. И артефакты являются некими...проводниками Отражения, что ли. Влияние и его сила зависит от намерений создателя артефакта, и могут и вовсе отсутствовать. Но в некотором роде из-за самого факта Становления Грань всегда хоть немного, но влияет на Затронутого. И это влияние усиливается тогда, когда сам носящий и применяющий артефакт решает оказаться на Изнанке ради исследования окрестностей, побега из опасного места или каких-то своих целей. Для этого нужно заступить за Грань на Шаг — и мир вокруг измениться. Это и есть второй путь взаимодействия с Отражением — прямой. В Отражении, за Гранью, одни двери откроются, другие закроются, даже некоторые типы защит могут оказаться на Изнанке бесполезными. Но нужно быть осторожным, в этом есть и сложности. Например, можно слишком углубиться и потерять себя, свою личность в результате провала в глубины Изнанки или большого увлечения образами Отражения.

— Увлечение образами Отражения? Как это? — с некоторым любопытством спрашивает Коля.

Саша ругается про себя. Мстит за вчерашнее позорное избиение подушкой, не иначе. В книгах про потерю себя не из-за притяжения Глубины, а из-за увлечения образами Изнанки ничего не говорилось. Но наставник рассказывал о подобной опасности.

— Неродова, поясните своему товарищу этот момент? — Светлана Николаевна взирает на нее с благодушным интересом.

Саша кивает. Отступить-то некуда.

— Изнанка... Ее влияние на эмоции и чувства может быть самым разным. На Глубине возможны галлюцинации, иногда можно увидеть мертвецов или что-то еще... другое, это, наверное, многие знают. Но и даже на первом Шаге, например, в тех местах, где были, скажем, сражения — там можно увидеть следы произошедших событий. Ощутить кусочек

прошлого, пережить что-то вроде... эмоционального слепка. Но это прошлое останется в вас и изменит вас. Если слишком увлечься — можно потерять разум, забыв, кто ты есть на самом деле.

— Вы опираетесь на чьи-то исследования? — с некоторым любопытством спрашивает Светлана Николаевна.

— На собственный опыт. И не только мой, — Саша передергивает от воспоминаний.

На исходе второго месяца обучения, когда и она только пробовала касаться Отражения и исследовать собственные чувства, изучая Изнанку, но не Шагая, она пошла изучать дом, где во времена оккупации города было гестапо. Так, острых ощущений захотелось.

Кошмары изредка, но все же снились ей до сих пор. Притом что Серафим, при очередной встрече скептически ее оглядевший и прочитавший пространную лекцию на тему «не нужно лезть куда не надо» помог запрятать увиденное в глубины разума и избавиться от большей части пережитого. А то по-прежнему бы любой тени боялась.

— Занятно, — кивает Светлана Николаевна. — Впрочем, такие случаи потери личности из-за эмоциональных слепков действительно бывают, но они крайне редки — для подобного вы сами должны обладать хорошими способностями к эмпатическому слиянию, которое иногда в старых работах именуют еще «чувствительностью». А это редкость, очень большая редкость.

Эмпатическое слияние. Тоже самое говорил Серафим. И как раз о том, что Саше стоит опасаться этого самого слияния и не лезть без нужды в места эмоционально заряженные. Редкость. Выходит — ей просто повезло получить себе такую вот способность.

— Слияние может помочь вам изучить многое в Отражении, — Светлана Николаевна продолжила объяснение: — Но если применять его бесконтрольно, то, действительно, чужой опыт и воспоминания могут затмить собственный или вызвать, по меньшей, мере раскол личности из-за противоречий между усвояемым прошлым и реальным прошлым. Но куда важнее другой аспект опасности прямого взаимодействия с Изнанкой. Расскажите?

Важнее... Сашу тот факт, что Отражение хранило в себе воспоминания, способные врезаться в разум и поглотить его, пугал больше всего остального. Но была, действительно, и иная опасность.

Кидаться подушками друг в друга силой мысли было здорово. Это было... Саша даже не могла толком описать, как. Словно вдруг обрел крылья, и, воспарив в небо, понял, что всю жизнь о нем мечтал. Но, как и взлетев слишком высоко можно было опалить перья, так и Грань таила в себе и секреты, и опасности.

— Да. Вторая важная вещь, которую нужно помнить при прямом взаимодействии с Отражением: без должного опыта в нестабильном эмоциональном состоянии или просто случайно, увлекшись или задумавшись, можно сделать слишком широкий Шаг и провалиться в Глубину. Изнанка неоднородна, и каждый следующий Шаг открывает новые грани и отдаляет вас от привычной реальности. Изнанка при этом будет меняться все сильнее и сильнее, давая новые возможности — и при том глубины Отражения будут притягивать вас все больше, давить и не отпускать. Маг или колдун, ушедший глубоко, может просто забыть, каков реальный мир, и раствориться на Изнанке. Само Отражение разрушает и наш разум, и наши тела. На Глубине мы способны видеть и слышать иллюзии, и если погнаться за ними, то можно оказаться неспособными отыскать дорогу назад.

Светлана Николаевна кивает, подхватывая объяснение и подводя итог сказанному:

— В отличие от эмпатического слияния, которое довольно большая редкость, хотя

опытные маги и колдуньи опасаются его и поэтому не применяют направо и налево ни эту технику, ни многие артефакты, которые сами по себе усиливают чувствительность, затеряться в глубине Отражения может любой, а для новичка эта опасность возрастает в разы. Поэтому за Грань многие даже обученные маги предпочитают отправляться с напарниками, а для адептов вроде вас это обязательное условие для Шага. Уяснили?

Разноголосый гул согласия наполняет кабинет.

— Вот и прекрасно. Добавлю только, что Закон накладывает ограничения на применение сил Грани, и поэтому за пределами Ордена и прямое, и косвенное использование магами Отражения запрещено. С последними ограничениями для прошедших обучение, но покинувших Орден магов разрешены чары, входящие в список бытовых, и только вне видимости людей и только в собственном доме. А список этот небольшой. Все остальное — запрещено. О чем бы ни шла речь. Нарушение Перемирия — опасно и губительно, и провоцирует нестабильность и внутри сообщества Затронутых, и во взаимоотношениях с людьми. Если вы узнаете, что кто-то нарушает Закон, то должны немедленно рассказать кому-то из обученных членов Ордена. Ясно?

Вновь аудитория отозвалась согласием.

Но Саши не укрылась то, что Аня поджала губы и промолчала.

Светлана Николаевна тем временем кивнула Александре.

— Что ж, Неродова, благодарю, вы в достаточной мере охватили тему. Продолжаем.
Николай Вихровский.

— Спасибо, Ань, — шепотом говорит Саша подруге, на чей конспект поглядывала все это время.

— Сочтемся. Особенно если ты не будешь, как эти бараны, вестись на поводу и бояться магии за пределами благостного Ордена как чумы, — Аня скривилась.

— Так мы сами тренируемся у меня дома, — Саша пожала плечами.

— Это детские шалости, — фыркает Аня, — баловство. Я про другое.

— Про что?

— Расскажу потом, ладно? — Саше показалась, что подруга пожалела о сказанном. В последнее время она вообще довольно часто ощущала словно бы отголоски чужих невыраженных эмоций. Но Аня об этом точно не знала, продолжив: — это не то чтобы великая тайна, да и все-таки, ты нормальная, но, в общем... Когда будет на то момент хороший — расскажу. Идет?

— Идет.

— Просто пообещай, что не побежишь с доносом сразу же, как узнаешь, что кто-то посмел вне Ордена, никому не мешая, использовать магию.

— Заметано, — улыбается Саша.

Аня может и странная, но, пожалуй, Саша может назвать ее другом. По крайней мере, на это можно надеяться. Если у нее есть свои секреты... Что ж, всему свое время.

А пока стоило послушать отвечающего свой вопрос Колю. Сегодня — последнее занятие перед неотвратимо надвигающейся первой оперативной практикой.

— Приехали, адепты, — голос Олега Васильевича вырвал Сашу из дремы. Она поморщилась, чувствуя, как от неудобной позы затекла шея, и вылезла из машины.

На это практическое задание их отправили втроем: ее, Аню и Азамата. Лучшего варианта, видимо, не нашлось, хотя Коля просился третьим вместо армянина, но тщетно. Их куратором оказался молодой на вид лысый оперативник, больше всего похожий разом на «братка» из нулевых, и на опера из того же времени. И ездил он на дряхлом уазике. Если учесть, куда именно они забрались, то уазик был, объективно, прекрасным выбором.

Саша вытащила рюкзак и накинула на плечи. Мало ли куда идти придется. Сейчас они вчетвером стояли в ночной темноте на конечной остановке местного автобусного маршрута. Асфальтированная дорога здесь заканчивалась, как и следы цивилизации. Впрочем, все равно едва ли был какой-то смысл ехать дальше в лес за этот и так не самый населённый хутор. Саша не удивилась бы, если бы узнала, что автобусы сюда уже много лет как не ходят — слишком маленькой и полузаброшенной выглядела деревня, в которую они прибыли. Хотя откуда-то дальше по грунтовке доносилась веселая музыка, скорее уместная в каком-то баре, чем в сельском поселении, что вызывало еще больше вопросов. Всего полтора с лишним часа от города, а такой медвежий угол. Даже нормально работающие фонари в округе можно было посчитать по пальцам.

— Итак, зачем мы здесь? — оперативник обвел всех троих взглядом.

— За практикой, очевидно, — буркнула Саша. Шея все еще болела, и это место ей было не по душе. Совершенно. Непонятно только почему.

— Конкретнее? Кто-то из вас прочитал дело, пока мы ехали?

— Здесь местные видели странное животное, — нехотя, словно делая товарищам-неучам одолжение, ответил Азамат. — Точнее — не местные, а отдыхающие на турбазе.

— Спасибо. Коротко и емко. Хоть кто-то озадачился целью нашей поездки. Итак, адепты, идем и слушаем меня, — с этими словами оперативник поправил собственный рюкзак и, сверившись с чем-то в телефоне, зашагал по грунтовой дороге на выход из поселка, почти сразу свернув на какую-то небольшую тропинку. — Орден получает дела, в которых нужно разобраться, тремя разными способами — предсказания, переадресация и самотек. С первым, думаю, понятно — несколько штатных предсказателей есть во всех отделениях Ордена. С переадресацией тоже все просто — это дела, которые попадают к нам от полиции, медицинских работников, МЧС или военных. Во всех этих структурах на верхах есть посвященные, которые знают, что всякую чертовщину лучше сплавить нам. И наконец, последний вариант — самотек. У нас есть пара карманных желтых изданий. Большинство обращений туда — та еще ерунда, но некоторые подлежат проверке. И сейчас мы будем работать по одному из них. У местного районного отделения Ордена мало людей и много проблем, так что работаем мы, городские. Официальная легенда — начинающие туристы, приехавшие отдохнуть от суеты большого города, если кто спросит. Уяснили?

— Вполне. А что мы, собственно, делать должны? — Саша с любопытством вертела головой.

Кажется, она была на фестивале где-то недалеко отсюда. Наверное. Леса начинавшиеся у подножий кавказского хребта казались ей какими-то невероятно древними и похожими друг на друга, словно бы бывшими некогда единым большим лесом, существовавшим

испокон веков и хранившим силу поколений.

— Проверить поступившую информацию, и если дело по нашему профилю, то разобраться с ситуацией, — чуть пожимает плечами оперативник.

— Странное животное на туристической базе? Медведя что ли искать будем? — Анна с задумчивостью оглядела последние деревенские домики.

Дорога вела в лес, и музыка доносилась откуда-то спереди, из-за густой заросли деревьев.

— Может, и медведя. Очевидцы, трое побывавших здесь туристов, рассказали, что это какое-то странное светящееся создание, страшное и полностью подконтрольное кому-то на базе. Они все в разное время сбежали отсюда, бросив все пожитки и деньги. В полицию обращаться не стали, не то из стеснения, не то из опасения, что им никто не поверит. И если один или два раза еще может быть случайностью, то три, как говорят наши друзья-криминалисты, уже серия.

— Звучит как какая-то ерунда, — шепнула идущая рядом Аня на ухо Саше, и это не укрылось от внимания оперативника.

— Возможно. Но из ерунды, дамы, складываются поистине масштабные события. Напомнить вам положения Закона, по которым люди не должны вовлекаться в мир Затронутых?

— Нет, спасибо, — пробормотала Саша, несколько пристыженная.

— Вот и славно. Итак, адепты. Сейчас заселяемся на базу, жить будем как и все, в палатках, внимания не привлекаем, и ищем здесь Затронутых. Если речь идет о звере — то, скорее всего, кто-то из оборотней решил заработать. Но нужно проверить и другие варианты, возможно дело и в чем-то другом. Сканировать, надеюсь, ауры все умеют? Вот и прекрасно, — заключил под нестройный хор согласий оперативник, — С базы не уходить без моего разрешения, не разделяться в парах. Работаем так — Азамат со мной, девушки — вдвоем. На Изнанку не заходить без меня. Вообще. Ищите не только Затронутых, но и любые артефакты, любую магию вообще, или что-то необычное на ваш вкус — это может помочь, даже если и будет казаться ерундой.

— Так сейчас там половина спит народу, а половина на дискотеке где-то на базе отдыха неподалеку, наверное, веселится, — фыркнула Аня.

Из-за каких-то дел куратора отправились они в путь на закате, и теперь только свет мобильных телефонов разгонял темноту

— Ну и к лучшему. Так, держите это, — Олег Васильевич достал из кармана три кулона на тонких цепочках и протянул их адептам. — Если что узнаете или не так пойдет — используйте сигналки. Надеюсь, принцип активации ясен?

— Да, — все трое были единодушны.

— Вот и прекрасно. Не терять — иначе не зачту практику. И прочитайте хотя завтра с утра файл дела, что ли, как освоитесь. Мы скоро будем на месте, постарайтесь вести себя адекватно.

Спустя буквально десяток минут хода оперативник свернул на еще одну узкую тропинку и направился к полутемным воротам, отделяющим кусок леса. К ним с другой стороны вела разбитая донельзя грунтовка, но судя по глубоким ямам — тут и уазик мог бы не пройти.

— Кто-нибудь брал с собой средство от насекомых? — Саша пристукнула уже третьего кровопийцу на подлетах.

— Нет, — несколько удрученно отозвалась Аня

— Значит, надо искать этого странного ручного медведя поскорее, пока нас не сожрали совсем не ручные комары, — резюмировала Саша с тяжелым вздохом.

Разместились они быстро, не прошло и десятка минут после почти бесшумного открытия неожиданно автоматизированных ворот, ведущих внутрь. Вся турбаза представляла собой огороженную поляну в лесу, на которой стояло два наспех сколоченных домика администрации, место для палаток с одного края и место для гулянок — с другой. Сейчас тут было совсем немного неспящих туристов, и музыка, несмотря на мощные колонки, молчала. Зато с соседней базы доносились звуки «дискотеки нулевых», немало раздражавших и так напряженную Аню.

— Уверена, никаких документов на землю нет. Просто пришли, огородили, и теперь деньги берут, — поморщилась она.

— Ну хотя бы есть душ с туалетом, — флегматично пожала плечами Саша, осматривая выделенное им место в импровизированном кемпинге.

— Лучше б фонарики налобные были — ставить палатку в потемках с телефоном в руке паршивое развлечение.

— Можем лечь спать под открытым небом, тепло ведь.

— И веселить мужчин и кормить комаров? Нет уж. К тому же — мы тут не одни, — Аня показала на еще четыре палатки на удалении друг от друга. — Нечего позориться.

Саша тяжело вздохнула. Ставить палатки без света она умела, но не любила.

— Может, осмотримся для начала?

— И потом ставить палатку уставшими? Не уж. Не дури, Саш. Или ты не справишься?

— Вот еще.

— Ну тогда вперед.

Саше осталось только тихо выругаться. Спорить с Аней, которая что-то решила — себе дороже.

— Ладно, я пока прогуляюсь по базе и поищу Затронутых. И осмотримся, и спать где будет.

— Разделение труда в действии.

— А то ж, — усмехнулась Аня. — Не скучай.

— Соскучишься тут, — пробормотала Саша, наощупь вставляя дугу в предназначенный ей паз.

Палатку она, обливаясь потом и отгоняя от себя мошкарку, собирала минут пятнадцать, не меньше. Затащила внутрь рюкзак и отправилась искать Аню. Ну или неприятности — несмотря на вроде бы обычные ощущения от Отражения вокруг, что-то все-таки ей в этом месте категорически не нравилось.

Не то чтобы за время, прошедшее с начала октября, когда она с остальными новообращенными адептами Ордена вошла впервые в кабинет для занятий, Саша научилась чему-то значительному, по крайней мере, по собственным меркам. Было много теории, как магической, так и внезапно — самой обычной, из целого комплекса разных наук. Много занятий на развитие энергетической системы, непонятных и похожих на какие-то восточные медитации. Из практики всего понемногу, от исцеления до простейших щитов, да и то лишь на самом примитивном уровне. Но все ведущие занятия преподаватели и все книги говорили об одном — себе и своим предчувствиям стоило доверять.

А ее предчувствия уверяли, что здесь надо разобраться побыстрее, и побыстрее из этого места убраться. А для этого стоило хотя бы бегло осмотреть территорию собственными

глазами.

Саша неплохо видела в темноте даже без всяких фонариков, и телефон доставать не стала. Пока, несмотря на затянутое облаками небо, ориентироваться в окружающем мире она могла вполне пристойно. Да и в одном из дальних административных домиков горел свет, освещавший большую часть поляны. Но все же, когда около колонки с водой рядом с чьей-то палаткой из кустов резко вылезло что-то яркое, она едва не заорала от ужаса. «Что-то» же заорало. Детским голосом.

— Я тебя напугала? — Саша взяла себя в руки первой. Она присмотрелась. «Что-то» на проверку оказалось девочкой лет семи на вид в разноцветном парео и с покрашенными в яркие цвета косичками. — Извини, я не хотела.

— Я от неожиданности, — тряхнула головой девочка. — Слышала что кто-то ходит, подумала — вдруг Барсик нашелся?

— Барсик? — ей просто не могло так повезти.

— Ага, кот мой. Рыжий, большущий и умный. Все команды знал. Подумала — может кто нашел и принес.

Вряд ли сбежавшие туристы испугались бы кота.

— Если я увижу, то обязательно поймаю его и отдам тебе, — улыбнулась Саша

— Не поймаете, — погрустнела девочка. — Барсик в отцовом ошейнике был. Он только ко мне шел, только меня понимал. Вот только, — она понизила голос до шепота, — чудовище его съело...

— Чудовище?

— Да, самое натуральное. Глаза огромные, шкура темная, рычит...

— Мария, не пугай гостей, — женщина средних лет шла от домика администрации, подсвечивая себе путь мощным фонариком. — Нет никаких монстров, у тебя просто хорошая фантазия.

— Но Барсика же кто-то съел! А кто, если не чудовище?

— Твой кот сбежал в лес, доченька. Простите ее.

— Ничего страшного, — Саша качает головой и мельком кидает углубленное сканирование вокруг.

И замирает, всматриваясь и прислушиваясь к ответу. Ни мать, ни дочь Затронутыми не были. Но странное, словно бы смазанное, присутствие Отражения вокруг них было ощутимо. Раньше такого Саша не ощущала никогда от людей.

— Пойдем, Мария. Простите еще раз. Удачного отдыха. Вы ведь только приехали и поставили палатку в кемпинге?

— Верно.

— Меня Елена зовут, если что понадобится или захотите узнать, где тут лучший клев и лучшие достопримечательности в окрестностях, то все расскажу и покажу.

— Наверное, лучше при свете дня.

— Безусловно, — женщина потянула за собой ребенка, оставив очень, очень задумчивую Сашу около колонки с водой.

Что-то она нашла. Только что?

— Это артефакт, — Аня слушала подругу, сидя в палатке и подсвечивая себе телефоном какую-то пухлую записную книжку, которую листала. — Я такое видела уже. У нас... В общем, я видела такое. Так на людей может артефакт подействовать. Ты говоришь, они не Затронутые?

— Совершенно точно, — Саша после разговора с девочкой не поленилась, сходила к административным вагончикам поближе и все там осмотрела.

— Конечно, замаскироваться могли. Мы-то не слишком опытные. Но разве что если это маги или колдуны, вампирам или оборотням такое не под силу. Какой-то артефакт на оборот, что бы человеку зверем стать? Но я такого не слышала никогда.

— А все эти «прыгнуть через воткнутый топор»?

— Это проклятие ликантропии, оно по-другому ощущается. Мерзкая, кстати, вещь, прилепляется и к Затронутому, и к человеку, и делает его псевдо-оборотнем, потом проблем не оберешься. И снимать тяжело. Но артефакт...

— Может, утром с девочкой поговорим еще раз, Ань? Что сейчас гадать? Или Олегу Васильевичу расскажем.

— А что рассказывать? Что ты пообщалась с местными, и эти местные подозрительные? Да ну — он и сам заметит. Но поговорить с девочкой стоит. Она первая про чудовище речь завела. Да и если обычный лесной зверь сожрал ее кота, то тогда странно это все.

— Странно?

— Ну сама посуди, Саш. Какой хищник будет пугать людей — и задерет кота? Волки — тут нет их, одни шакалы, но они к людям не сунутся, трусливые больно. Медведь? А кот ему зачем тогда? Разве что домашний пес какой, натренированный.

— Мало ли что пьяным почудилось. И к тому же... ты книги читаешь?

— Бывает, — Аня морщится. — К чему ты клонишь?

— Да есть одна книга. Там человек выдрессировал крупную псину, мазал ее фосфором чтобы напугать одного джентльмена.

— Интересная теория. Прирученное животное. Если это и правда артефакт... Думаешь он связан со зверем?

— Не знаю, — Саша покачала головой. — Но рассказать надо сейчас. Нечего время терять.

— Эй, Саш, не гони коней. Мы ничего с тобой пока не видели. Ни артефакт, ни зверя. Может тебе и показалось что — я вон вообще ничего не почувствовала, признаюсь. Но у тебя такие вещи лучше получаются. Завтра расскажем, сейчас спят там все поди, — Аня указала головой на палатку мужчин, где уже не горел свет. — Утро вечера мудренее. Да — нам нужно вести себя как туристы, а не как следователи-новички, читающие много книг, помнишь?

— Ладно, — Саша поморщилась. — Твоя правда. Завтра тогда поговорим.

Но разговора не удалось. Утро Саша банально проспала, а Аня без нее ни о чем сообщать не стала. И выбравшись из палатки, Саша обнаружила, что, наскоро перекусив, мужчины отправились куда-то «изучать окрестности», а девушкам Олег Васильевич поручил остаться на базе и присмотреть за происходящим.

Аня, чуть подумав и поковырявшись в наскоро сваренной на общем костре каше, предложила отправиться на самостоятельную «разведку», не то из стремления произвести впечатление на оперативника-куратора, не то просто не желая сидеть на базе.

— А зачем, Ань? — Саша с недоумением уставилась на подругу.

— Ну сама посуди — если есть зверь, то будет и логово. Найдем — и дело с концом.

— Но нас Олег Васильевич здесь оставил.

— Ага, чтобы Азамат все раскрыл под его чутким руководством и получил зачет, а нас

опять опустили на его фоне. Ты что, не знаешь, что Хачатряну будущее оперативника пророчат? Его папаша-то руководит оперотделом в Ордене. Вот и натаскивают. А на нас плевать. Сидите на месте и скучайте.

— Да ну, — поморщилась Саша. Подругу иногда заносило. — Просто кто-то должен следить за тем, как здесь дела обстоят. Да и это искажение ауры...

— Пф. Скучно, как в могиле. Ничего здесь не измениться. Пустая трата времени. Посмотрела я на этих мать с дочкой — ничего не вижу. Или не дано, или привиделось тебе вчера.

— Да нет же, — что-то подсказывала Саше, что стоит остаться. — Что-то есть. Ты ведь сама уверена, что артефакт это, с ними связанный.

— И? Уверенности моей мало. Надо логово найти. Артефакт если где и есть, то не здесь — я бы его точно почувствовала. А без него это все — ощущения да предчувствия. Как у гадалки, знаешь. Нам доказательства нужны. И их надо найти, если хотим Азамата уделать с его папашей.

— Слушай, Ань. Я понимаю твоё рвение, но хочу остаться здесь. Куратор дал задание и я остаюсь. Хочешь — иди, я тебя прикрою, без проблем. Но пока я — пас. Возможно, это — проверка и мой реальный шанс избавиться от браслетов.

— Или проверка того, будем ли мы как дуры сидеть здесь или сделаем что-то стоящее. После короткого колебания Саша только покачала головой.

Одна из вещей, которую повторял Серафим почти каждый раз, когда они встречались на «дополнительных занятиях», как сама Саша окрестила пространные разговоры, и не только разговоры, о магии и жизни, было «доверяй предчувствиям».

— Что ты такая упрямая стала? Я не видела в тебе этой покорности авторитетом весь год учебный, и за это ты мне и нравишься. А теперь что?

— Не в покорности дело. Предчувствие.

Теперь Аня качает головой.

— А у меня нет никого предчувствия. Но если ты хочешь, чтобы я с тобой осталась...

— Не нужно, — обременять кого-то Саше точно не хотелось. — Поступай как знаешь, я прикрою тебя, если понадобится.

— Да нет, я тут посижу с тобой.

— Как хочешь.

Правда, хватает Аню примерно на час — она проходит по территории базы два широких круга и возвращается к Саше, сидящей около палатки.

— Слушай, я так не могу. Хочу что-то делать. У нас бы... В общем, я не привыкла сидеть сложа руки.

— Иди, Ань.

— Ладно, я только вокруг пройду по-быстрому и вернусь.

— Иди. Я тебя не сдам.

— Спасибо, Саш! Я скоро.

Саша кивает. Аня явно воодушевляется, пристегивая к поясу нож и заправляя в потайной карман какой-то простенький атакующий амулет. И, помахав на прощание, отправляется куда-то к выходу с базы.

Саша сама еще с полчаса рассматривает окружающее Отражение, на котором не происходит ничего, пытаясь понять, что ей не дает покоя. А потом взгляд останавливается на дочери хозяйки этого места, все в том же ярком парео. И в голове зреет идея.

Оглянувшись по сторонам, Саша направилась к девочке, игравшей в зарослях около колонки, прихватив с собой яблоко. Что-то подсказывало ей, что искать нужно было в этом направлении, а не где-то в окрестностях. И это «что-то» становилось настолько сильным, что проигнорировать его не удавалось.

— Здравствуй, — она подходит ближе к девочке и присаживается на корточки, не желая нависать. — Извини, что напугала тебя вчера.

— Здравствуйте, — девочка выглянула из-за стены густой растительности и продолжила несмело: — мне мама не разрешает говорить с незнакомцами. Вчера случайно получилось.

— Меня Саша зовут. Тебя Мария, так? — девочка кивнула, не сводя с нее заинтересованного взгляда. — Вот мы и знакомы, верно? Хочешь яблоко?

— А давайте. Вы красивая. И яблоко красивое.

Саша улыбнулась.

— Только вы грустная, — откусывая большой кусок изрекает девочка. — Это из-за чудовища? Вы его видели?

— Да нет. А покажешь?

— Не могу, — по-детски растерянно пожала плечами девочка. — Дядя Толя сказал, что оно приходит, когда хочет. И за кем хочет. Вон дяде Толе не нравился мой кот никогда... И он был рад, когда оно за бедным Барсиком пришло. И ошейник съело, а ошейник мне папа подарил, меня Барсик всегда слушался, шел куда я скажу, мурчал когда захочу. А теперь — ребенок немного комично развел руками, — ни ошейника, ни Барсика. Только чудовище и осталось.

— Мне жаль, что ты потеряла кота.

— Мне его папа подарил. Как и ошейник. А потом папа уехал на Север — и все. Только кот остался, — с грустью в голосе сказала девочка.

— Я постараюсь найти ошейник и кота, если смогу. И отдам тебе. А не подскажешь, этот дядя Толя — он как выглядит?

— Большой, здоровый и страшный. Да вон он, к нам идет.

По спине пробежал холодок, но Саша развернулась, натянуто улыбаясь. К ним и правда приближался здоровенный и страшный бугай. На его фоне оперативник Олег Васильевич был образцом благородства и элегантности. Здоровенный мужчина, лысый, как коленка, с явно сломанным ухом и носом, с татуировками на руках. Выглядел он так, что мог бы пугать детей своим видом. И не был Затронутым, но словно бы был измазан по уши чем-то черным и липким, вроде мазута, в Отражении, замаран в нем куда сильнее, чем девочка и ее мать. Как точно это ощущалось, Саша не могла бы описать. Но она чувствовала, что все именно так.

— Мария, я тебе сколько раз говорил — не приставай к отдыхающим! — выпалил бугай. — Иди к себе. Надеюсь, она вас не разозлила?

— Нет, дядя Толя, мы говорили про чудовище, что Барсика съело.

— Нет никакого чудовища. Не выдумывай.

— Извините. Мы просто поговорили, — чуть улыбнулась Саша.

Бугай оглядел ее с головы до ног.

— Нечего тут разнохивать, журналистка. Нечего.

— Я не журналистка.

— Вы все так говорите. Вот я и заявляю — нет тут ничего интересно. Катитесь по своим

делам и не приставайте ни к кому здесь. Никакого чудовища нет. Валите отсюда, и не надо под туристку косить — мозгов нету для этого. Чтобы я здесь больше вас не видел, — с этими словами бугай развернулся и почти бегом устремился прочь.

Волнение и злость мужчины были ощутимы даже для Саши, не закончившей еще магического обучения.

Так что последние его слова она предпочла проигнорировать. Вот только... Как заставить говорить этого Анатолия? Бугай, отступивший было к административным постройкам, теперь буквально сверлил ее взглядом. Такой проклясть и без способностей Затронутого может.

Надо найти остальных. Она чуть покачала головой, отодвигая идея использовать артефакт для экстренной связи. Пока ничего срочного. Саша потянулась за телефоном и поняла, что сеть здесь ни черта не ловила. Она выругалась про себя и отправилась на поиски места, где будет хоть какой-нибудь сигнал. Ну или Аню или Олега Васильевича с Азаматом — в зависимости от того, кто раньше найдется. В теории как с помощью Отражения найти кого бы то ни было Саша знала, но на практике еще не доводилось пробовать. И сейчас, пожалуй, не самое хорошее время для такой пробы.

Саша вышла с базы через калитку, ведущую в лес — туда и отправились все остальные. Но куда бы они не пошли, видно вокруг базы никого не было. Вообще никого, ни в реальности, ни в Отражении. Несколько тропинок разбежалось в разные стороны, и Саша после короткого колебания выбрала левую из них. Просто что бы начать хоть с чего-то. Она перешла вброд небольшую речушку, совсем скоро вынырнувшую из леса, и взяла курс на ближайший покрытый лесом холм, в надежде, что с него хоть что-то будет видно, а в идеале — и сеть будет ловить.

Саша почти закончила не самый быстрый подъем, когда сзади послышался треск веток. Кто-то приближался, ломая сушняк с силой, достойной лучшего применения. Она обернулась, вглядываясь в ряд оставшихся за спиной кустов. Никого и ничего не было видно.

— Эй, кто там?

Ответа не было. Никакого. Хотя приближаться кто-то продолжал, сокращая дистанцию.

— Азамат?

По спине пробежал холодок неприятного предчувствия. И — страха. Что-то темное ломилось через кусты, вовсе не похожее на человека.

Саша коснулась Изнанки разумом, пытаясь понять, кто же это — и обомлела. Она увидела существо, и ноги приросли к земле. Сквозь кусты продирался медведь. Самый настоящий медведь, которого от Саши не отдели привычно-прочные стены клетки в зоопарке. Зверь, шедший на четырех лапах, не сильно уступал в росте ей, стоявшей на двух. По его морде и шерсти тянулись длинные полосы Отражения, словно бы обволакивавшие существо.

Фосфор — мелькнула ненужная, неуместная догадка. Хотя и не слишком далекая от истины.

Массивную шею зверя обрамлял тонкий, почти игрушечный, ошейник. Вот только на Изнанке этот ошейник жил своей собственной жизнью, и тянущиеся от него полосы с одной стороны впивались прямо в голову зверю, а с другой — уходили куда-то в сторону и вниз, теряясь за рекой.

Зверь шел прямо на Сашу.

— Эй, — она выставила перед собой руки. — Я тебе не враг.

Медведь взревел, выдираясь из кустов. Он явно не был настроен на мир с двуногим, набирая скорость для атаки.

Саша лихорадочно перебирала в уме, все, что приходило в голову. С ее умениями напасть на эту тушу было смерти подобно. Телекинез такого зверя не возьмет, а пока она будет его усыплять — превратиться в отбивную. Кинетический щит от такого веса и скорости бесполезен.

Зверь взревел еще пуще и, миновав кусты, еще больше ускорился.

Бежать — куда? На дереве не спрячешься...

Медведь приближался.

На Изнанку без меня не заходить.

Даже опытные маги не уходят в Отражение без напарника.

Саша оглянулась на приближающегося медведя.

Выбора не было.

Она сделала Шаг. В первый раз без куратора, наставника или хотя бы без напарника, способного вытащить, если что-то пойдет не так.

И тут же поняла, что унесло ее слишком глубоко. Это было не привычное Отражение первого Шага. Мир слишком сильно изменился. Краски не исказились, а стерлись, вокруг теперь высился лес, словно бы весь состоящий из вековых дубов без единого листка, а речка превратилась в узкое ущелье, заполненное туманом.

Медведь был и тут. Бронированный, с шипами на шкуре, с озлобленной мордой и светящимися красными глазами, он медленно двигался, словно бы попал в кисель. Но двигался, приближаясь. Впрочем, Изнанка, несмотря на все отличия, все же была в некотором роде слоем реальности, и некоторые животные могли существовать и в ней каким-то только им доступным образом. Хотя то, почему медведь здесь не только превратился здесь в чудовище, но и явно видел ее и собирался атаковать, оставалось вопросом. На который определенно не нужен был ответ прямо сейчас.

Хорошо хоть теперь она могла убежать от потерявшего в скорости зверя, и дальше думать было некогда. Саша рванула обратно, вниз по склону, к реке-ущелью. Здесь, на Изнанке, она видела цепь-поводок, которая с помощью ошейника связывала медведя и хозяина, таившегося где-то неподалеку, судя по всему — в реальном мире. Кожаная полоса на шее медведя стала дымчато-стальной, вросшей в шкуру зверя, и стащить голыми руками нечего было и думать.

Оставалось надеяться, что разорвать связь с другого конца будет проще. Ну или отобрать хотя бы артефакт у владельца чудовища выйдет. И верить, что успеет она это сделать до того, как Изнанка, уже сейчас давящая на разум, сожрет сознание целиком.

Саша рванулась по холму что было сил, стараясь не провалиться дальше. Она и как вырваться-то отсюда слабо понимала, а уйти глубже... Шансов вообще не будет.

Ноги несли ее вниз, а сзади существо медленно, но неотвратимо ломало деревья, несясь по ее следу.

Цвета вокруг поблекли, исчезли. Спустя всего десяток вдохов и выдохов Саше начало казаться, что цветов вообще нет и не было никогда, что вся яркость мира — одна иллюзия. Она чудом не скатилась вниз кубарем, запнувшись о какой-то здоровый корень, и едва не упала в то самое ущелье с неизвестно чем, потеряв контроль над своим телом. На миг весь мир расплылся, и Саша словно бы расплылась вместе с ним, только огромным усилием разума возвращаясь себя себе. Конец «поводка» был близок, но мир выцветал и выцветал,

словно бы затмевая собой память о реальности. Отражение обволакивало ее со всех сторон, вцепившись в разум и явно желая оставить здесь навсегда.

Саша мотнула головой, осматриваясь, и, наконец, нашла цель за огромным, прямо-таки исполинским дубом. Здесь, на Изнанке, виден только был силуэт человека, размытый на такой Глубине. А вот конец цепи-артефакта в его руке светился, словно живой. Но перерезать его с помощью магии не было сил. Саша остановилась, чувствуя нехорошую тяжесть во всем теле. Изнанка засасывала ее, словно болото. Она попробовала сделать Шаг — ничего. Еще раз — ничего. Мир выцвел, и все знания, все понимание о иной, цветной и живой реальности, стремительно исчезали из ее рассудка.

Она не выберется. Никогда. Останется здесь. Навсегда, в этом месте...

Воспоминание пришло само собой.

Как всплывать со дна моря — достаточно только на секунду расслабиться, понять, где находится верх...

Тогда, сразу после Становления, она в первый раз вернулась с Изнанки. Отражение в итоге отпустило, а ведь она так же с трудом тогда искала путь в далекую реальность.

Саша вздохнула, прикрывая глаза, стараясь отрешиться от мира вокруг. Реальность была. Саша о ней помнила. Саша ей принадлежала. Она к реальности вернется — надо было только понять, куда именно возвращаться. Где было то дно, от которого нужно оттолкнуться, и где та поверхность, к которой нужно было плыть.

Тело само подскажет, как туда устремиться.

Тогда у нее получилось. Получиться и сейчас. Надо просто сделать Шаг.

И Саша Шагает, расслабляясь на секунду, засекая направление и отталкиваясь, позволяя подхватить себя силам, господствующим в этом месте. Подхватить и нести наверх, из серой глубины к свету и цветам.

Мир резко бьет по глазам и ушам, когда вокруг вновь торжествуют реальность во всем великолепии солнечного света, жары, мошкеры, зелени и журчания реки.

Бритоголовый бугай Анатолий с открытым ртом таращится на нее, появившуюся из ниоткуда, и Саша готова расцеловать этого реального человека. Но вместо этого она резким телекинетическим импульсом вырывает у него из рук розовый поводок-рулетку, в реальности не присоединенный ни к чему, а в Отражении — управляющий медведем. Она только что нарушила Закон. Но у этого человека в руках артефакт, и он им пользуется, так что...

Бугай, ощутив пропажу, приходит в себя. И с коротким криком ярости бросается на нее, желая отобрать потерянное. Саша теряет равновесие, и они вдвоем валятся прямо в холодную горную речку. Она отплевывается от попавшей в рот противной на вкус воды, отбиваясь от рук бугая, когда неизвестная сила буквально откидывает его в сторону. Саша поднимается на ноги, замечая, как Азамат жестко зафиксировал мужчину борцовским приемом в крайне неудобной позе, а из леса к ним бежит и куратор, и Аня, зачем-то размахивающая руками.

Несмотря на холодную воду, стекающую по волосам и насквозь промокшую одежду, Саша улыбается. Свое первое дело она, по крайней мере, не провалила.

— И что будет с этим Анатолием? — спрашивает она уже в машине по пути в город, продолжая жевать очередной сладкий батончик, хоть немного восстанавливающий энергию. Короткое пребывание на действительно большой глубине Изнанки выжрало из нее все силы, но любопытство высосать не успело. — Он хоть и человек, но ведь присвоил артефакт, и

когда понял что к чему, то начал натравливать медведя на людей и грабить их.

— Он — человек, как ты уже заметила, — пожимает плечами Олег Васильевич, крутя руль. — Память подправят и ему, и семье, да отпустят с миром. А вот отца девочки, оставившего опасную игрушку, ждет лишение силы — если его найдут, конечно, на Севере или куда он там на деле отправился.

— Но ведь он просто отдал ей поводок на кота. Он даже не знал, что ее отчим провернет. Где этот Анатолий, кстати, взял медведя? — при допросе Саша не присутствовала, и теперь хотела разобраться в произошедшем.

— Он отдал работающий артефакт человеку, неспособному его контролировать. Хотел, не хотел... Это нарушение Закона, Неродова. И то, что Анатолий оказался нечист на руку и стал использовать найденный артефакт в своих целях, то, что он нелегально добыл спасенного у браконьеров медведя никак не меняет первопричину. Не было бы ошейника — не было бы ничего из этого.

— Ну он ведь не мог знать, что все так обернется.

— Непредсказуемость последствий, — негромко говорит Азамат с переднего сидения.

Саша фыркает — но спор заканчивает. Ее клонит в сон, но она слышит, как Аня рядом бормочет.

— В этом и есть Закон — лишить силы вообще всех и дело с концом. Никакой свободы. Не то что...

Но что именно — Саша не успевает разобрать, засыпая. Сон полон смутных видений и страха, полон тянущейся к ней бесцветной глубины Изнанки. И она не до конца уверена, только ли это воспоминания.

Глава 8

— Итак, какую, по вашему мнению, я должен выставить оценку за практическое задание? — Михаил Ефимович обвел заинтересованным взглядом всех троих адептов, сидящих на небольшом диванчике для посетителей в своем кабинете. — Я хочу услышать мнение каждого.

— Ну, с заданием мы справились, верно? — Аня загнула пальцы, словно бы считая. — Справились быстро, никто не пострадал. Артефакт из-за которого весь сыр-бор изолирован, наш куратор зачистил воспоминания о нем у людей, все в порядке. Я думаю, зачет мы точно заслужили.

— Азамат?

— Ну, мне добавить вроде нечего, — пожимает плечами парень. — Все по существу.

— Александра?

Саша вздыхает про себя, понимая, что вопрос с подвохом. Хотя с каким — понять сложно. Соображает она не слишком резво. После короткого побега по глубокому Отражению сил ни на что не осталось, а все отдых после не принес облегчения, кажется, только увеличивая обволакивающую разум усталость.

— Наверное, мне бы хотелось присоединиться к товарищам. Но, думаю, если вы задали этот вопрос, то, значит, все не так однозначно. И мне бы хотелось услышать ваше мнение.

Михаил Ефимович усмехается. Несмотря на небольшой рост, создается ощущение, что он возвышается над их троицей, сидя за массивным деревянным столом.

— Что ж. Я действительно спросил вас не просто так. Я ознакомился с отчетом каждого из вас. И говорить сейчас буду именно с вами, без куратора. И задам я всего несколько вопросов, отвечать на которые мне не нужно. Просто подумайте. Первое — почему вас изначально разделили на пары? Второе — почему Александра и Анна не поделились своими наблюдениями ни с кем? И, наконец, последнее — почему так получилось, что один из вас остался лицом к лицу с диким зверем, контролируемым недоброжелательно настроенным элементом, тогда как никто из остальных не находился не то что рядом, а хотя бы в зоне прямой видимости?

— Осмотр территории был предложением Олега Васильевича, — Азамат чуть хмурится.

— Не сомневаюсь. Но ведь он взял с собой только одного из вас. Только одного — и дал остальным четкое предписание. Чтобы вы понимали, господа адепты, — Михаил Ефимович откидывается на спинку внушительного вида кресла. — Подавляющее количество смертей на оперативной работе в Ордене происходит, когда кто-то оказывается один на один с опасностью в той ситуации, когда этого можно было избежать. Вам говорили не предпринимать ничего самостоятельно. И не раз и не два во время обучения. Работать в парах, страховать друг друга. Объясняли?

— Объясняли, — вздохнула Саша.

Она и так понимала, куда дует ветер. Поганое предчувствие поселилось где-то в глубине души в тот момент, когда Олег Васильевич передал просьбу-приказ Михаила Ефимовича зайти для разговора.

В школе ее вызывали к директору пару раз. В институте — к декану. И ничем хорошим это никогда не заканчивалось.

— Вам говорили, и говорили много раз — напарники не разделяются. И если — если, я

подчеркиваю, это все-таки случилось — поодиночке никто никуда не лезет. Говорили?

— Говорили. Но ведь цели-то мы достигли, — не сдается Саша. — Задание выполнено.

Сидеть молча она не хотела. Аня не желала ничего дурного, да и в итоге — они все сделали, и сделали быстро.

— Ценой риска и нарушения инструкций, — Михаил Ефимович прищурил глаза. — Ценой превращения простой ситуацию в смертельно опасную. Ценой риска одиночного пребывания в Отражении дальше первого Шага. Ценой нарушения Закона, применения магии к человеку и раскрытия перед ним тайны существования нашего мира. Или, Александра, у тебя была идея, как объяснить свое появление из воздуха и телекинез? Я не думаю. И в итоге — вы предполагаете, что цена быстрого разрешения ситуации того стоит?

— Нет, но...

— Никаких «но». Практику будете сдавать заново. Все трое. И если еще раз сделаете то, что сделали — я лично оставлю вас на второй поток. Свободны. О дате повторной сдачи вас известят.

Из кабинета они убираются почти бегом.

— Вот он мелочный, а? — морщится Анна. — Мог и просто засчитать. Все же нормально получалось.

Саша только кивает.

Азамат пожимает плечами. Выглядит он раздосадованным, хотя и не удивленным решением начальства.

— Он так это видит. Мы должны подчиниться, — парень морщится и выплевывает явно сдерживаемые до того слова, — вы должны были подчиниться, дуры. Вам же сказали, что делать, так нет, приключений захотелось. И что теперь? Пересдавать, и там еще шайтан знает как сложится

— И куда приводит слепое подчинение? — хмыкает Анна, сама распаляясь. — И кто тут дурак?

— Без разницы. У меня нет желания спорить, — Саша сама бы с удовольствием сбила спесь с зарвавшегося Азамата, возомнившего себя пупом мира. Но в другой раз. — Давайте просто пойдем домой.

Тем более что, как бы то ни было, им действительно было велено не разделяться. Анна и Азамат смотрят друг на друга без единой крохи тепла во взглядах. Но хотя бы нового конфликта не происходит, и они просто расходятся по домам.

И, к сожалению Саши, на выволочке от Михаила Ефимовича история с несданной практикой не заканчивается. Вечером ее пробуждает из ранней дремы стук в дверь. За порогом стоит Серафим, разозленный донельзя. Внешне это не видно — привычные черные штаны, привычная футболка, на сей раз с «Королем и Шутом», привычный же хвост из длинных волос. И цепкий жесткий взгляд, пробирающий до костей.

— Ты что творишь? Жизнь не нужна? — с порога бросает наставник.

— Что? — Саша соображает даже после короткого сна на собственном диване не слишком хорошо, но пропускает гостя в комнату. — В чем дело?

— Сядь. И слушай, — Серафим взглядом пригвозждает Сашу к дивану, показывая, что лучше не спорить и сам принимается ходить по гостиной. Еще одна нотация не заставляет себя долго ждать: — ты какого демона полезла на рожон? Зачем рисковала? Ты понимаешь, что если бы вы имели дело с настоящим оборотнем, ваше разделение вас бы и убило?

— Как будто останься мы с Анной вместе что-то бы поменялось, — буркнула Саша, в

поисках хоть какой-то поддержки набрасывая на плечи плед. Разозленный наставник откровенно пугал.

— Олегу я уже высказал все, что думаю, о таких методах обучения. Он, кажется, забыл, что имеет дело с необученными новичками первого года, а не с равными себе оперативниками. Но сейчас я говорю с тобой и о тебе. Куда ты полезла?

— Узнать хотела. И узнала, — спорит Саша из чистого упрямства. — И нашла того, кто все это затеял.

— Не ты нашла, а он тебя. Ты головой думаешь вообще? И какого черта ты без поддержки на Изнанку залезла? Ты понимаешь, настолько опасно Шагать в одиночку туда без нормальной подготовки? Вам же запретили это! Я запрещал тебе делать это самостоятельно, и не один раз. На тот свет захотелось?

Саша насупилась. Отчитывающий ее Серафим выглядел почти совсем как брат в свое время. Она завернулась в плед плотнее и предпочла молчать. Молчание было золотом в большом количестве ситуации. А теперь ей просто хотелось, чтобы Серафим ушел.

— Вас как новичков не отправляют на минимально опасные задания, и ты и там ухитрилась найти приключений себе!

— Извините.

— Что? — кажется, Серафим опешил.

— Извините.

— Зачем ты извиняешься?

— Ну вы же меня ругаете. Я хочу извиниться. За что-нибудь, — она еще плотнее заворачивается в плед, хотя уже и некуда.

Серафим качает головой и садится на кресло рядом. Саша тут же отодвигается в сторону и едва не падает на пол.

— Успокойся, — говорит наставник уже мягче. — Я не причину вреда. И извиняться передо мной не надо. Только перед собой. Ты рисковала своей жизнью, хотя так этого и не поняла. Все могло закончиться очень и очень плохо.

— Да, знаю, этот медведь...

— Я говорю не о медведе, Саш. Я говорю о твоём решении отправиться на Изнанку в одиночку. Ты не воспользовалась артефактом связи когда появился зверь. Не стала пользоваться им даже когда поняла, что оказалась куда глубже, чем нужно. Да, я это знаю. Ты не стала описывать в отчете куда именно Шагнула и как глубоко, — это не было вопросом, а было, очевидно, утверждением, — но отправившись на Изнанку в эмоционально неуравновешенном состоянии, ты потеряла контроль над длиной Шага. И не стала возвращаться сразу же. Ты понимаешь, что едва не осталась там навсегда?

Саша хотела было поспорить, но тон Серафима был слишком серьезным и глубоким.

— Откуда вы знаете...

— «Ты», Саш. Я — твой наставник, и способен ощущать происходящее с тобой. Но возможности моего вмешательства ограничены. Я не всемогущ. Как и ты сама. Зачем Шагнула в одиночестве? И зачем осталась на Глубине? Ты ведь понимала, что ушла дальше, чем нужно. Почему все это время не использовала амулет, который тебе выдал обученный оперативник как раз для таких случаев? К тому же ты связь ощущаешь и со мной и можешь позвать без всяких заклинаний. Но ты предпочла героически со всем справляться в одиночку. Вот зачем?

Ощущает она эту связь. Как слабое дуновение, но все-таки. Но звать — для чего? Все же

нормально вышло. Она и не думала как-то тогда даже о таком варианте, зачем отвлекать?

Саша пожимает плечами. Тогда было слишком много эмоций. Сейчас они выгорели, и осталась только усталость и глухое раздражение от непонятно зачем затеянного разговора. Да, она была неправа. Но сколько можно?

— Не подумала, — врать сил не было.

— Вот в этом и проблема. Ты понимаешь, что была в шаге от того, чтобы остаться за Гранью просто из-за этого «не подумала»?

Саша только отводит взгляд. Спорить не хотелось. Да и нечего ей было сказать. Те мгновения страха, когда привычный мир начал растворяться под напором Изнанки, смыкавшейся над головой темными водами, отдаляющими берег реальности со всей ее жизнью и цветами в бесконечное далеко, она точно долго не забудет. Никогда не забудет.

— Простите.

— Прекращай извиняться. Я хочу знать ответ.

— Да нет у меня его! — резко выпалила Саша. Усталость окончательно стерла все самообладание, и постоянные вопросы уже превысили лимит ее терпения, и в обычное время не особо небольшой. — Нету. Решила, что так лучше будет, вот и все. Что я могу сказать? Да, это было ошибкой, но теперь уже поздно что-то менять! Нас и так из-за этого отправили на пересдачу всех троих! Я ошиблась, могла остаться там. Да, я знаю, я чувствую, черт побери! Что еще нужно?

— Успокойся.

Наставник говорит неожиданно тихо, и Сашу словно ледяной водой окатывает. Она наорала на Серафима. Только что. Идиотка.

— Что с тобой, Саш? — маг говорит настолько спокойно, словно никто не повышал на него голос.

— Простите, я вышла из себя. Этого больше не повторится, — Саша пытается выровнять дыхание, но комок подкатывает к горлу и душит, душит. — Прости...

— Саш, я не в восторге от того, что ты на меня кричишь, но столь неоправданная реакция меня больше тревожит, чем злит. Что с тобой?

Еще бы она понимала. Саша только пожимает плечами и качает головой. Разом, надеясь, что наставник оставит ее в покое. Серафим этого делать явно не собирается, все больше хмурясь.

— Успокойся и посмотри на меня.

Саша поднимает взгляд на мага. Перед глазами начинают мелькать картинки: приезд на базу, ночной обход, спор с Аней, разделение, общение с Анатолием, медведь в лесу, тот самый побег по Изнанке, за поводком и от реальности, короткий миг паники и пришедшее на помощь воспоминание. Промелькивает и другой момент. Пока куратор общался с Анатолием, она, пока никто не видел, свернулась калачиком в палатке, стараясь унять дрожь, слабость и страх, непонятно откуда пришедшие и тогда полностью захватившие разум. Промелькнул и короткий сон в машине, не приносящий облегчения, разговор с главой Ордена с неутешительным финалом и еще одна дрема, полная смутных и пугающих видений Изнанки, затаскивающей ее в свои глубины.

Все прошедшие сутки промелькнули за пару минут зрительного контакта.

— Саша, Саша. Хоть бы рассказала кому, — Серафим качает головой. — Ладно, сиди пока. Сейчас вернусь и поговорим.

Маг встает и идет на кухню, где начинает греметь чашками.

Саша закрывает глаза, почти два десятка вдохов стараясь усмирить разрастающуюся по груди боль вместе со страхом, вновь поднявшим голову. Что такого увидел Серафим? И какого черта она на него накричала? Контроль эмоций никогда не был ее сильной стороной, но все же. К тому же наставник, определенно, этого не заслужил, и никакого зла она на него не держала. Да и банально было крайне некрасиво с ее стороны так себя вести. Маг старался объяснять непонятные моменты во время их еженедельных встреч, иногда развлекался вместе с Николаем и Анной, не сдавал никого из них — хотя мог.

И сам не ругал и не критиковал, хотя и было за что. Очень, очень много за что. Взять ту драку с Азаматом. А теперь...

Серафим возвращается, ставя на тумбочку чашку, от которой идет пар.

— Выпей. Не отравлено, не беспокойся, — усмехается он, видя недоверие Саши.

— Что это?

— Восстановитель. Довольно слабый, но все же. Артефактами я не вижу пока причин пользоваться.

Проще не стало.

— Выпей. Твой короткий поход по Изнанке вымотал тебя больше, чем ты думаешь, в том числе и эмоционально. И зря никому не рассказала, насколько далеко забралась. Олег или Михаил избавили бы тебя от кошмаров, да и от излишних эмоций тоже.

Саша несмело протягивает руку к чашке, словно боится, что та отрастит зубы.

— Расслабься. И пей.

На вкус это похоже на чай с несколькими незнакомыми пряными нотками.

— А это и есть чай, — на вопросительный взгляд Саши отвечает Серафим. — Только с небольшим количеством магии.

Она хочет было поспорить с необходимостью такого питья, но тепло от чая оказывается неожиданно сильным и словно бы согревает изнутри. Страх, преследующий Сашу с того мига, когда она едва не потерялась на Изнанке, медленно, но верно рассеивается.

— Пей все. И рассказывай, что произошло. Связь — одно дело, ментальные образы — другое, но я хочу услышать все от тебя, твоими словами.

Саша несколько секунд смотрит в чашку, словно надеется сбежать в ее нутро. Но делать нечего. К тому же коль наставник и так все знает и все видел...

На удивление рассказ выходит лаконичным. Она запинается один раз, когда описывает момент возвращения в реальность с Изнанки. Но все же справляется с эмоциями. Помогает тепло странного чая и одеяло, обернутое вокруг тела.

Серафим, выслушав, только вздыхает.

— Я думаю, излишне говорить, что в данном случае ты организовала себе опасные приключения на ровном месте. Но все равно скажу. Как и то, что если кто-то из оперативников-кураторов что-то говорит, его нужно слушать. Обязательно. Ты вовремя сориентировалась, да и вообще то, что ты ощутила на людях влияния артефакта, погрузилась так глубоко и быстро, при этом пробыла на Глубине довольно много и вернулась, говорит о большом потенциале. Но потенциал — это еще не все. И если ты не перестанешь лезть на рожон, то все закончиться может плохо. Не вторым потоком, а куда хуже. Все правила, инструкции, ограничения — все они оберегают от действительно дерьмовых исходов. И их нужно соблюдать. Даже если кажется, что все хорошо, и что ничего плохого не произойдет. Понимаешь?

Саша только кивает. Спорить нечего и не о чем.

— Я очень надеюсь, что ты меня услышишь, и вторая сдача практике пройдет без эксцессов. Договорились?

Саша кивает.

— Хорошо. Держи, — Серафим что-то достает из кармана.

Чем-то оказывается небольшая резная металлическая пластина на тонкой цепочке.

— Я знаю, что вам рассказывали о нежелательности постоянного ношения артефактов. На деле страх перед ними преувеличен, хотя всегда стоит понимать, кто и зачем создал ту или иную затронутую вещь. Этот амулет тебе не причинит никакого вреда. Носи с собой, и если попадешь в какую-нибудь переделку вроде этой — используй тут же, не сомневайся. Это не связной амулет, с которым, я смотрю, у тебя дружбы не сложилось, а универсальный вероятностный щит. Я не всегда могу быть рядом, а эта вещь поможет в любом случае.

Саша с сомнением берет пластинку. Ее металл кажется словно бы живым, пропитанным Отражением, но при том почему-то из всех ощущений исходящие от него близки к теплу и неясному, изменчивому цвету, способному защитить каким-то собственным способом. Способом непонятным, но надежным.

— Не бойся, эта вещь не причинит вреда и никак на тебя не повлияет, чего часто опасаются маги, не доверяющие артефактам как таковым. И, что тоже может сослужить хорошую службу, этот щит не обнаруживается никаким сканированием из известных мне.

— Это очень ценно. Я не могу...

— Можешь. И возьмишь. Мне будет спокойнее, если это будет у тебя, договорились?

— Я... Хорошо. Спасибо. Извините, за крик, я не должна была...

— Просто больше так не делай. Мне не нравится, когда на меня повышают голос. Как и тебе, думаю. Ладно, отдыхай, Саша. И носи щит с собой, хорошо?

— Да. Еще раз спасибо.

Серафим чуть улыбается.

— Тебе во многом повезло, но, в конечном счете, везение тоже важно. Не меньше, чем умение вовремя вспомнить и сделать нужные выводы. Отдыхай, и если что — звони, — с этими словами маг треплет ее по плечу и покидает комнату.

Щелкает входная дверь. Несколько секунд Саша раздумывает, а потом надевает цепочку. Тепло согревает, и девушка проваливается в сон. На сей раз в сон без всяких образов Отражения.

— Пиво будешь?

— Что?

— Пиво будешь? Впрочем, я зря тебя спрашиваю, — Серафим улыбается, протягивая ей банку. — Ты будешь пиво.

— Но...

Саша пришла на эту встречу с затаенным страхом. С осени дурацкие браслеты мешали ей толком использовать магию. Но никто никаких поблажек давать не собирался, так что приходилось осваивать все вне территории Резиденции или с наставником, или самостоятельно, или в небольшой компании из Ани, Кати и Коли. Но Серафим строго запретил им без присмотра пытаться экспериментировать с боевыми заклинаниями. Ни под каким предлогом. И, закономерно, оглушение, одно из самых простых атакующих воздействий, Саше не давалось. А Олег Васильевич отказался допускать к передаче оперативной практики всех троих, пока не покажут базовое владение и защитными, и простейшими атакующими чарами. И если с защитой проблем не было, но с атакой отсутствие практики сказывалось.

Зачем нужен был этот допуск — решительно непонятно. Оперативники для оглушения широко пользовались артефактами, и им их выдали бы, если бы была нужда. Но переубедить куратора не удавалось. Никак.

Идиотская ситуация.

И теперь, сидя на диване в гостиной Серафима, бывшей, как всегда, захлавленной хаотическим нагромождением книг, пивных бутылок, статуэток и каких-то разнородных предметов на полках, в запертых и нет стеллажах, шкафах, Саша раздумывала, что пришла как-то не вовремя. Хотя наставник сам согласился перенести их еженедельную встречу на день раньше и сейчас не выглядел раздраженным.

Сегодня размах бардака был феерическим. Маг явно не утруждал себя уборкой в последнее время. Сашу это не беспокоило, но все же создавалось ощущение, словно она вторглась во что-то очень личное.

— Я не знаю, в чем дело, но ты на меня смотришь так, словно я тебе голову откусить вот-вот должен. Пей пиво — и расслабься, ага? — Серафим, похоже, и сам был навеселе, развалившись в кресле напротив выключенной плазмы. Или маг просто весел, не разберешь. — У меня выходной, между прочим. И после того бардака, что я разгребал в течение всей последней недели, я вполне заслужил отдых.

— Если я мешаю...

— Пей. Пиво. И если ты будешь мешать, то я так и скажу. Просто — я не напиваюсь на работе, ясно? Но иногда можно расслабиться. Даже нужно. И тебе не повредит, знаешь ли.

Под взглядом наставника Саша несколько тушует, но пиво пьет. Хорошее, кстати.

— Это не значит, что все проблемы надо решать алкоголем. Договорились?

— Ага, — Саша кивает. Она хорошо знает, что бывает, если решать алкоголем все проблемы. Видела на протяжении пары десятков лет. С рождения, можно сказать.

— Вот и прекрасно. Выпивай всю бутылку, до дна — и рассказывай.

— Что?

— Пей, — усмехается Серафим, откидывая со лба волосы, сегодня в беспорядке

свисающие ниже плеч без всякого намека на привычный хвост. — Сначала пей.

И Саша пьет. Не отказываться же?

— Вот и молодец. А теперь сосчитай до пятидесяти. Про себя.

Она считает и понимает, что мир несколько расплывается. То ли от алкоголя, то ли от какого-то хитрого и неосязаемого заклинания наставника.

— Крепкое.

— А то. И теперь — рассказывай.

— Что именно?

— Ты хочешь меня о чем-то попросить. И никакие мысли я не читаю, не хмурься ты так. У тебя выразительная мимика, и каждый раз, когда тебе кажется, что ты в чем-то провинилась или еще что-то такое, она становится еще более выразительной. Рассказывай поэтому давай.

— Извини. Извини, — Саша машет головой. — Дурацкая ситуация одна. Я думала... Ты говоришь, что не нужно самостоятельно использовать боевые заклинания. Ну, учиться.

— Конечно. Ни в коем случае — это опасно.

— Ну, общем... Можно из этого сделать исключение? Мы проходили уже на общих занятиях оглушение, ничего страшного и опасного. Ну и его сдать надо, иначе нас не допускают к передаче оперативной практики. А в Ордене нормально освоить нет никакой возможности, а на мне есть ограничения.

— Seriously?

— Что? — Саша замирает.

— Успокойся, — отмахивается Серафим. — Я просто удивлен, что из всех решений проблемы ты предпочитаешь самое опасное и нелепое.

— Нелепое?

Не будь бутылки пива, она сумела бы сдержать возмущение. Но эта бутылка была.

— Нелепое. Seriously, Саш. Ты не хочешь снять браслеты, не хочешь научиться здесь и сейчас делать оглушалку, а хочешь, чтобы я вашей банде разрешил творить непотребства, и при том опасные, без присмотра. Ну seriously — разве это логично?

Саша поводит плечом.

— Мы сами справимся. Не хочу ни у кого ничего просить. Извините, что потревожила, — она встает с дивана. Точнее, пытается встать — но не выходит, хотя Серафим и бровью не двигает.

— Э, нет. Так не пойдет. Сейчас ты вернешься домой, помаешься-помаешься, соберешь свой кружок, и вы будете заниматься в твоей прекрасной гостиной, пока кто-нибудь себе что-нибудь не сломает в лучшем случае. И никаких оракулов не надо, знаю я тебя и твоих товарищей. Так что нет, этот вариант отпадает.

— Я не пойду с этими браслетами никуда.

— Почему? С октября немало времени прошло, я думаю, тебе они должны были порядком надоесть.

Саша морщится.

— Нужна рекомендация. Так Михаил Ефимович сказал. Хотя бы одна — от того, кто готов за меня поручиться.

— И?

— От магов Ордена.

— И?

Саша пожимает плечами.

— Никому не стоит за меня поручаться.

— Что это? — Серафим забирается в кресло с ногами и пристально осматривает Сашу. Та, правда, на это никак не отреагировала на этот взгляд, смотря куда-то в пол. — С чего ты так решила?

Саша только покачала головой.

— Просто не стоит, и все.

— Не дури. И ответь на вопрос. С чего ты так решила?

— Не хочу никого подводить, наверное. Просто не хочу. Я и так... со мной и так сложно, я знаю. Так что достаточно и того что есть, не нужно никого этим беспокоить.

— Почему это сложно? Нормально. Ты человек, как и все, со своими достоинствами и недостатками. Ни в чем не хуже других. Иногда делаешь глупости — как и все мы. Что драку, что твой от медведя побег я не приветствую, но никто не безгрешен. Не дури. Держи, — Серафим достает откуда-то из-за кресла еще пива. Теперь уже две стеклянных бутылки с надписями на чешском, и лист с ручкой. — пей пиво. Все до дна. Открывалка там, — он указывает подбородком на небольшой столик у дивана, где и правда лежит многофункциональный нож прямо на горе каких-то пергаментов и тетрадных листов, залитых чернилами. — Не спорь, просто пей.

Саша и не пытается спорить, не желая злить мага.

Она открывает пиво, пока Серафим что-то быстро пишет размашистым почерком. И даже успевает прикончить половину бутылки до того, как он заканчивает.

— Держи. Отдашь Михаилу, и если будет артачиться, то нажалуешься мне, идет?

Саша осторожно кивает.

— Можешь почитать на досуге. Или не читать, если не хочешь. Но, серьезно — что ты раньше не сказала?

— Не хочу, чтобы от меня были проблемы.

Серафим только качает головой.

— Забирай в общем. И прекрати считать себя источником проблем. Это не так. Решай — или сейчас разбираемся с оглушалкой, или пьем дальше пиво и смотрим финал чемпионата Европы по футболу. Я сам больше за второй вариант, если честно. У тебя в четверг пересдача?

Саша кивает.

— Давай так. Если до среды не разберешься — напиши, я загляну после работы и покажу что и как. А пока расслабься, пей пиво и смотри футбол. Ты правила-то знаешь?

Саша не удерживается от фырканья.

— Конечно.

— Вот и прекрасно. Франция — Англия, между прочим. Исторический, считай, матч. Если учесть, сколько эти страны крови друг другу попили, то я могу только радоваться, что сейчас все удары будут исключительно по ногам да по самолюбию, — усмехается Серафим. — Особенно после того, как французы устроили настоящую травлю Ордена по наущению англичан. Разгребать тогда столько дерьма пришлось, что мне в страну лягушатников по сей день вход заказан, иначе скандалов не оберешься.

— Травлю Ордена? — ни в одном учебнике ничего такого не было.

— Ну да. Всех собак на де Моле спустили, между прочим. Хороший парень был, только амбициозный через край. И даже после смерти такую кашу оставил, что потомкам

поколения на три хватило, и сейчас иногда аукается.

Саша несколько раз моргает — и уставляется на Серафима, пытаясь понять, что он только что сказал. Конечно, им всем объясняли, что все Затронутые могут жить дольше, чем люди. Маги и вовсе настолько долго, насколько захотят. Пока не умрут в бою, не убьют себя или просто не лишаться сил.

— Это было... Лет семисот назад.

Серафим кивает.

— Кажется что-то около того. Я тогда был довольно молод и успел влюбиться в природу Франции, куда никогда после всего так и не вернулся. Хотя Париж, кажется, порядком изменился, если верить нынешним фото. Да расслабься ты, — он усмехается, видя шокированное выражение лица Саши. — Или я так плохо сохранился?

— Нет, нет конечно. Извините.

Серафим фыркает

— «Ты» все еще в силе. В следующий раз если решишь обращаться ко мне как к старому рассохшемуся бревну, то я просто сделаю вид, что не услышал, — он усмехается. — Если бы я хотел, чтобы ко мне относились как к почтенному мудрому старцу, Саша, я вел бы себя соответственно. Так что можешь смело забыть все, что услышала в последние пару минут, если это тебя так напрягает.

— Не напрягает, — она еще не разобралась, на деле.

Саша предполагала почему-то и раньше, что наставнику лет куда больше, чем он выглядит, да и его аура без всяких искажений различима на Изнанке в момент Становления... Она уже обучаясь в Ордене поняла, что Серафим был действительно сильным волшебником даже в сравнении с опытными магами из тех, кто вел у них занятия и кого она, как и все остальные адепты, тайком рассматривала в Отражении. Но все-таки к такому нужно привыкнуть.

— Расслабься, — Серафим достал себе бутылку с пивом. — Я был серьезным. Ну как был — попытался. Ни черта не вышло, знаешь ли. Но если долго живешь, то можешь не лезть вон из кожи и просто поступать так, как тебе хочется. Хочется — пить пиво и смотреть футбол. Или ездить на рок-фестивали и там пить пиво и слушать музыку. Или с молодежью в дженгу играть. Перестаешь заморачиваться с тем, каким надо быть — и просто живешь. И все. И не верь тем, кто говорит о солидности и всем этом. Ты или учишься получать удовольствие от жизни или отправляешься на корм рыбам. Вот и весь сказ. Так что не нужно относиться ко мне как к древней реликвии, ладно?

— Хорошо, — Саша кивает.

Она постарается.

— Вот и славно. И я буду благодарен, если этой информацией ты не с кем делиться не будешь.

— С кем? — Саша фыркает. Алкоголь все-таки развязывает ей язык. — Прийти к ребятам и сказать: «Помните вон того крутого парня, игравшего с нами в настолки, фанатеющего по «Металлике» и месяц назад кидавшегося чипсами в кота. А знаете, что он лично присутствовал при сожжении последнего магистра тамплиеров?»

— Ну, положим, я прибыл в Париж уже после того, как де Моле упокоился навек, так что при его сожжении не присутствовал. Но да, думаю, получится неловко.

— Пожалуй. Я никому не скажу. Обещаю.

— Я не сомневаюсь. Чипсы будешь? Обещаю ни в кого не кидаться, — Серафим

усмехается.

Саша скосила глаза на открытую упаковку. С луком — те, что ей нравились. Глянула на бутылку хорошего пива и на команды, выстроившиеся рядом с друг другом на широкоформатном экране телевизора, включенного наставником без единого движения даже пальца. На уголок записки, теперь лежавшей у нее в рюкзаке.

Может Серафим и прав насчет удовольствия... По крайней мере, стоит попробовать.

— Да, если можно.

— Держи.

Французы пели гимн, а Саше почему-то виделось, как они поют около горящего на костре тамплиера. Впрочем, по свистку эта греза исчезла. Игра стартовала в хорошем темпе.

Домой Саша вернулась за полночь и на такси, после четырех бутылок пива не слишком желая добираться пешком или на чем-то идущем в депо. Матч вышел напряжённым и интересным. На вторую его половину к Серафиму заглянула пара незнакомых Саше орденских магов, и в итоге проклинали французов и болели за англичан они все вчетвером.

Почти как дома. Когда она смотрела футбол с отцом и братом. Сегодня на секунду ей так и показалось. Всего на секунду, но это грело. Как и записка, лежащая в рюкзаке.

Она прочитала написанное только дома, развернув бумагу трясущимися, причем не от выпитого, а от волнения руками. Бегло пробежалась одним глазом, словно рассматривая что-то, не предназначенное ей.

«...настоятельно рекомендую снять ограничения в правах на территории резиденции Ордена. Неродова проявила себя как старательный, любознательный и упрямо идущий к своей цели адепт, с рвением изучающий теорию магии и готовый в полной мере к ее практическому изучению. Александра — смелый, стойкий и сообразительный человек, готовый сражаться за тех, кто ей дорог, даже с превосходящим по силе противником. Я, Александр Николаевич Серафимов, готов поручиться за последствия снятия блоков».

В практическом классе она осваивает оглушающее с третьей попытки, до того прочитав о нем все, что можно. Без уже ставших привычных браслетов это дается легко.

— И вот великие волшебники сидят, как мокрые псы, оставленные хозяином без будки, — без раздражения, скорее просто констатируя факт, сказал подошедший к ним Олег Васильевич. — И что вы тут делаете?

Накрапывал мелкий дождь, и в дендрарии, где была назначена встреча, сейчас больше никого не было. Кроме их тройки — Саша, Анны и Азамата, единственных, кто не сумел сдать с первого раза оперативную практику. И их только что появившегося из-за поворота дорожки куратора.

— Вы сами назначили здесь встречу, — несмело сказала Саша.

Сдача «минимума», как она это обозвала, для допуска к практике вчера было еще тем развлечением. И когда по его окончанию Олег Васильевич назначил время и точное, вплоть до номера лавочки в парке, место встречи, никто не решился с ним спорить. Даже Азамат.

— Назначил. И вы мокнете под дождем, хоть бы под деревья пошли, коль погодный щит держать не умеете, — маг оглядел всю их троицу. — Ладно, может так и лучше. И так, господа адепты — вторая попытка. Третьей не будет, как вы понимаете. Шеф не шутил насчет второго потока. Пойдете учиться еще раз всей теории, если опять подвергнете свою жизнь риску. Хотя сегодня это сделать будет для вас сложновато, то все же не буду забегать вперед, мало ли.

Саша отводит глаза в сторону на протяжении всей речи оперативника. Неприятно то, что он на нее смотрит. Неприятно то, что из-за нее они тут.

— На деле задание я вам даю простое. Сейчас мы все вместе выберемся из этого прекрасного парка и пойдем к жилым домам, что за сельхозом. И по дороге я вам расскажу всю историю, а вы будете внимательно слушать, идет?

— Да, Олег Васильевич, — Азамат поднялся с лавки первым.

— Вот и прекрасно. Идем, — оперативник широкими шагами отправился к выходу из дендрария, ведущему на территорию сельхозуниверситета. Саша бывала здесь, и бывала не раз, хотя и никогда не училась в аграрном. — Все просто. В местном ректорате есть один весьма законопослушный оборотень. Законопослушный с нашей стороны, — поясняет он, слыша скептическое хмыканье Азамата. — Берет ли он там взятки или еще что — это не наше забота. Тем более что именно он нас сюда и позвал. Как вы, господа, знаете, или, по крайней мере, может где-то читали — существует ритуальная магия, требующая самых разных ингредиентов. В том числе и животного происхождения. Здесь, в сельхозе, есть небольшое подсобное хозяйство, где студенты постигают все азы своих профессий на практике, так скажем. И буквально три дня назад наш заочно знакомый оборотень выявил недостачу, как препаратов, так и некоторых животных и растений. Вчера часть из пропавших компонентов были использованы в одном из ритуалов создания «проклятого места». Здесь же, относительно недалеко, на берегу Кубани. Оборотень это почувствовал и отправил нам запрос. Ритуал, судя по всему, вел какой-то новенький из колдунов. Вышло колдовство слабым, настолько, что и посеять не понадобилось, все само собой распалось. Но автора нужно найти. И раньше, чем Ковен, который всех до последнего будет отмазывать. Студентов и преподавателей сейчас проверяют мои коллеги, а мы с вами отправимся по прилегающему к этой территории микрорайону. Под видом, — оперативник роется в рюкзаке и достает пар внушительного вида папок. — Проводящих социальный опрос.

— Так это же просто вопросы в разнобой, без всякой системы, — Саша рассматривает один из листов в папке. Ей довелось поучаствовать в настоящих опросах, и даже не раз, пока не отчислилась из университета.

— А вам никого опрашивать на деле и не надо, — отмахивается оперативник. — Предлог, чтобы жильцы дверь открыли. А вы посмотрели на них и поняли — ведьма или колдун перед вами, или нет. Да и на квартиру мудрым взглядом посмотрите. Вот и вся задача. Шастать по Отражению даже оперативникам иногда накладно при подобных проверках, поэтому мы и ходим под человеческой легендой. Обслуживание дымоходов, опросы, реклама, иногда даже продажа какой-нибудь ерунды. Разумеется, никому ничего не продается на деле. Но на что только не пойдешь, чтобы не вызывать подозрений. Лазить по Отражению в таких случаях далеко не всегда хорошая идея.

— Если дома никого не будет, то...

— То тогда и только тогда проверяете квартиру. Вместе. Так, держите, — из рюкзака извлекается целая связка амулетов на тонких шнурках, и каждому раздается по пять штук. — Думаю, вы видите, как это работает, но все же уточню. Черный шнурок — связь, белый — если вдруг на первом Шаге найдете что-то важное, два красных — оглушающие, если спровоцируете агрессию. И тот, что синий активируете сейчас. Это маскировка, на случай если вы найдете клиента. Не стоит афишировать то, кто вы. От сильного мага не спасет, но мы ищем начинающего колдуна или ведьму. Вот и все. Думаю, дом Затронутого вы отличить сможете. Видите любую защиту — говорите мне. Видите любую ненормальность — говорите мне. Видите любые артефакты — говорите мне. Идете вы все втроем, представьтесь студентами на практике. Я сам тоже буду работать под такой же легендой в соседнем с вами подъезде. Сейчас выходной, и по такому дождю жильцы должны быть дома. Надеюсь. Идем. Первый подъезд обходите вместе со мной, потом разделимся. Ясно?

— Да. А если тот, кто откроет — не наш клиент, а кто-то из его домочадцев?

— В доме Затронутого, тем более колдуна, будет защита. Или артефакты. Или чаще всего — и то и то. Вы увидите характерное искажение ауры человека. То же, что девушки уже видели в прошлый раз, и решили при себе оставить свои наблюдения. Один общается, второй сканирует на предмет защиты квартиру — на двери она точно будет, если будет вообще. Третий осматривает того, кто выйдет с вами поговорить. Вперед.

— А если мы его найдем? Или ее?

— То продолжаете обход и опрос, не вызывая подозрений. И используете связной амулет, как только выйдете из прямого обзора. Доступно?

— Доступно, — кивают они все втроем.

— Вы мокрые как мыши. Ну, возможно, это расположит к вам людей. Идем — вот это первый дом, с которого начнем обход.

За разговором они уже успели пройти насквозь территорию университета, и теперь остановились перед самой обычной типовой пятиэтажкой.

Как ни странно, фраза «Доброго дня, мы — студенты на практике, проводим социальный опрос, не могли бы вы нам помочь и ответить на пару вопросов?» оказалась ключом от многих дверей. Старики и подростки, мужчины, женщины и дети появлялись на пороге. Не открыли им только в трех квартирах. В двух, кажется, никто не жил, а третью они долго разглядывали с Изнанки, но ничего не обнаружили, кроме мирно сидящего перед телевизором хозяина в окружении пустых и полных бутылок какого-то коктейля.

В этом подъезде никто из Затронутых не жил.

— Вот так и работаем, — Олег Васильевич остался доволен увиденным. — В таком же темпе. Эти десяток домов за сегодня сделаем, и все, адепты. Часов до семи нужно управиться. Сдюжите? Половину подъездов — моя, вторая половина ваша. Четные пусть ваши. Если что — звоните. И амулетами пользуйтесь, — взгляд опять задержался на Саше. — Обязательно. Вперед. И не разделяться, узнаю — никакого зачета вам не видать.

— Хорошо.

— Тогда погнали. Здесь никого из Затронутых официально не живет, так что кого увидите — сообщайте.

— Да, Олег Васильевич.

— Тогда идите.

И они идут. На втором доме подъезде у Ани, представлявшей всю группу, начинает болеть язык. На четвертом ее сменяет Азамат, который сдается буквально через три подъезда. Им открывают двери радушно, с ненавистью, с раздражением, с интересом, с негодованием. Выходят в шикарных нарядах и в семейных трусах. Лают собаки, шипят и мурчат коты, орут канарейки и телевизоры. За спиной у выходящих мелькают ультрасовременные ремонты, несовременные ремонты, и вообще не ремонты.

Ближе к обеду им улыбается удача.

Саша, сама говорящая скороговорку «о практике», бросает взгляд на вышедшую из квартиры девицу в обтягивающих шортах и едва не задыхается от странного запаха словно бы трупной вони, только ощущаемой всеми клетками тела разом, а вовсе не обонянием. Она мило улыбается девушке и продолжает псевдоопрос, расслабляясь, только когда за Затронутой закрывается дверь.

Саша без слов тянет невольных товарищей выше на этаж и выразительно показывает на дверь внизу.

— Она? — с подозрением шепотом спрашивает Азамат.

— А вы ничего не почувствовали?

Неужели она ошиблась?

— Затронутая. Я видела, — кивает Аня. — Хотя и сомневалась, пока ты не сказала. Звоним куратору?

— Скорее — пишем, не хватало еще что бы нас услышал кто-нибудь.

Олег Васильевич появляется буквально через минуту после того, как Азамат отправляет торопливую смс. Маг смотрит на дверь, за которой скрылась девица, хмыкает и кивает.

— Молодцы. Сходите пока прогуляйтесь, перекусите. Если это она, то я вас найду. Если нет — то понадобятся силы на дальнейший обход.

Просить два раза никого не пришлось. Саше было интересно дальнейшее развитие событий, но что-то ей подсказывало, что сейчас стоило отправиться восвояси.

— Хоть бы это была та, кто нужна, — Аня, едва выйдя из подъезда, принялась разминать затекшие мышцы. — Достало меня это все. Скукота.

— Ну зачет сдавать надо, — хотя насчет скуки Саша действительно согласилась бы.

— Оперативная работа не слишком веселая, дамы, — с усмешкой протянул Азамат, закуривая сигарету.

Саша поморщилась. И от дыма, и от тона.

— Я пойду и найду магазин, — Аня тоже морщится от запаха табака.

— Нам же сказали не разделяться.

— Во время обхода. А сейчас я хочу есть. Саша?

— Я с тобой.

— А меня вы с собой, значит, не зовете?

— Нет, — качает головой Аня. — Увы. Никакого общения сверх необходимого. Ты не в нашем вкусе, знаешь ли.

— Ну и ладно, — отмахивается затянувшийся сигаретой Азамат. — Идите, свои женские дела обсуждайте.

Саша только фыркнула, но дала увести себя Ане.

— Какой же он все-таки...

— Неприятный тип? Пожалуй.

— Я понимаю, почему ты ему врезала тогда, — усмехается Аня. — О, вон, кажется, магазин. Пойдем?

— Давай, возможно там будет, чем перекусить.

В магазине почти никого не было, кроме пары продавцов и одной покупательницы на кассе, держащей подле себя маленькую девочку и складывающий покупки в корзину. Покупательницы, вздрогнувшей от услышанной итоговой суммы.

— Но там же на ценниках совсем другое, — с некоторой неуверенностью сказала женщина, лихорадочно пересчитывающая деньги в старомодном кошельке. — Тогда удалите последнее. Колбасу.

— Хорошо, — равнодушная кассирша назвала меньшую сумму, и покупательница, ощутив расслабившись, продолжила собирать покупки. Вместе и с тем самым «отмененным» куском колбасы, забирая его прямо перед носом у кассира, которая и бровью не повела.

Саша вздрогнула, ощущая напряжение Изнанки вокруг. Не удержалась — прикоснулась к Отражению, желая узнать правду о происходящем. И ощутила искаженную, словно бы упиханную под что-то плотное, но отчетливо ощутимую тяжелую, немного надтреснутую ауру силы мага вокруг женщины. И вокруг неоплаченной колбасы, от которой она старательно отводила внимание кассира.

Саша оторопела, наблюдая за «кражей».

И очнулась только тогда, когда покупательница бросила на нее резкий взгляд, и подхватив ребенка и покупки, едва не бегом отправилась на выход. Отражение вокруг них пылало страхом.

— Подождите, — Саша устремилась за женщиной.

— Саша, — Аня ухватила ее за рукав у самых дверей. — Стой.

— Ты сама все видела! Это ни черта не «бытовая магия». Мы ведь только что были свидетелями...

— Помнишь, ты обещала мне, что не будешь сразу звать Орден, если кто-то будет применять магию?

— Но это запрещено! Это ведь преступление.

— Да кому от этого плохо, — Аня нагнулась к уху, быстро и яростно шепча. — Саша, это кусок колбасы, а ее из-за него лишат силы. Навсегда, понимаешь? Ты знаешь Закон. Лишат силы, лишат всего, лишат банально здоровья, да и жизни — ты ведь видела, что она вовсе не молода. Ее убьют из-за дурацкой колбасы.

— Ну нельзя так, — Саша вырвалась из рук Ани.

И остановилась на секунду в нерешительности. Каково это — остаться без магии? Навсегда, а не просто ходя в наручниках в Ордене? Эта колбасная воровка ведь была магом,

ни каким-нибудь оборотнем, опасным для людей. Волшебницей, как и она сама. Если бы Саше вот так пришлось бы воровать колбасу...

Не пришлось бы. Никогда.

Не зарекайся, — оппонирует она внутреннему голосу, вспоминая, как сама питалась на две тысячи рублей в месяц. Время, когда и дерьмовый пащтет за пятнадцать рублей был ужином, а хлеб, посыпанный сахаром — деликатесом. Не самое лучшее время... А у этой женщины еще и ребенок был.

— Идем, Саш, — Аня вернулась к кассе и расплатилась за выбранные булочки и колу. — Колбаса не стоит жизни, поверь мне. Ты ведь видела ее ауру. Если отобрать силу — она не проживет долго. Без подпитки магией превратиться в болезненную старуху, которой и является. Ей же не меньше семидесяти, а то и больше. Или ты думаешь, что отобрать у мага силу — долголетие останется? Тело тут же станет соответствовать своему реальному возрасту. Вот почему так дорожат магией старые волшебники, что хотя бы сотню разменяли. Да и ты сама видела, что той силы у нее крохи, почти все на подпитку тела и уходит. Она не причинит никому вреда.

— Откуда ты все это знаешь?

Аня саркастично улыбается.

— Я выросла на территории, как говорят в Ордене, «незаконной запрещенной организации «Свобода». Состоящей из Затронутых, не желающих вступать в вечную войну Ордена и Обращенных, но и не собирающихся отказываться от магии. Мы никому не мешаем и живем вдали от людей. Просто живем, понимаешь? И прерывая твой вопрос — да, в Ордене знают об этом. Но им нравится думать, что я могу «исправиться», и поэтому они согласились на мое обучение, когда отец отправил меня сюда. Это не секрет, на самом деле.

— Я не знала.

— Не хотела знать. Так бы тот же Азамат тебя просветил.

— Ну, я...

Договорить Саше не дали. Они с Аней вывернули из-за угла дома и увидели Азамата. И рядом с ним лежащее навзничь тело той самой женщины из магазина. Ребенка нигде не было видно.

— Затронутых тут не должно быть, и вот я поймал еще одну, под личиной. Неплохой улов, а? Сейчас извещу Олега и мы точно идем домой, — ухмыльнулся довольный собой парень.

Дотянуться до телефона Аня ему не дала. Саша не успела даже дернуться, когда оглушающее с выданного оперативником амулета угодило прямо в грудь армянина. И тот свалился на землю в еще более неаккуратной позе, чем женщина рядом.

— Что...?

— Прости. Ты ведь не пойдешь со мной, верно?

— Что? Куда?

— Ты была хорошей подругой, — улыбается Аня. — Но убить эту женщину я не могу позволить. Прости.

Саша почти успела поставить щит. Почти.

Мир на секунду померк, а когда она пришла в себя, то во дворе пятиэтажки остался только лежащий без сознания Азамат. Ни женщины, ни Ани.

Домой они не поехали. Ни сейчас, ни позже. Разбирательство продолжилось в кабинете Михаила Ефимовича. Последний разговор с Аней пришлось пересказать дословно и

получить строгую рекомендацию при любом контакте доложить тут же хоть кому-нибудь.

Серафим зашел вечером. Молча поставил пиво, и они вместе так же молча его выпили. С один единственным тостом за все время: «За тех, с кем разошлись дороги». Наставник хотя бы ничего не спрашивал — и за это Саша была благодарна.

Она считала Аню другом, но ничего, оказывается, о ней не знала. Вообще ничего. И пусть их пути пересеклись ненадолго... Но все же, все же. Аня ей нравилась. Она привыкла считать, что в Ордене у нее есть друзья. Но Николай с Катей исчезли с горизонта, укатив отдыхать куда-то вместе, как пара, и с тех пор даже мелкого письма на электронку не прислав. А Анна поступила так, как считала нужным.

Наверное, правда глупо было думать, что чуть больше, чем полгода общения и совместных посиделок важнее жизни какой-то нарушающей Закон неизвестной женщины. Но все равно — неприятное глухое бессилие ворочалось в груди.

Пиво приносило облегчение. В большей степени потому, что не она его покупала и потому что пила не в одиночестве. А еще потому, что не нужно было ни о чем говорить, только ощущать, как мир теряет четкость.

Саша правда не хотела ничего слышать и ни о чем рассказывать. Разочарование — то, с чем приходится сталкиваться каждому. Она хотела найти друга среди Затронутых и поверила в дружбу, которую сама придумала, только и всего. И обсуждать это не было никакого желания. Как и то, что теперь их вдвоем с Азаматом скорее всего оставят на второй поток. Засчитывать эту попытку сдать практику, кажется, никто не намеревался.

Неудачница. И это при том, что осваивала заклинания она быстрее остальных. И ничего не сделала тогда, когда делать нужно было.

— Если захочешь поговорить, то из меня неплохой слушатель, — Серафим, до того молчавший, перехватил ее взгляд, до того буравивший обои на стене.

Саша только качает головой.

— Верю. Но... Все уже сделано, так? И я просто, — она разводит руками. — Я не знаю что сказать.

— Значит слов так много, что они пытаются быть произнесенными разом. И так бывает.

— Я, — алкоголь туманил разум, приглушая и грусть, и осторожность, — я не знаю. Я должна быть зла, наверное. Должна была что-то сделать там, остановить Аню. Но я в чем-то... В чем-то понимаю ее. И не понимаю. Разом.

Колбаса не стоит жизни.

Одно нарушение Закона рождает другое. Если одним можно — почему нельзя другим?

— Это нормально. Не забывай о том, что понимать — не значит соглашаться.

— Просто... Все это неправильно.

— В жизни много неправильного. К сожалению. Просто знай — ты не обязана соглашаться. Ни с кем. Понимание и сочувствие делает нас хоть чем-то отличающимися от тех, кто думает только о себе и готов ради себя причинять другим боль. Но это вовсе не значит, что ты обязана разделять чужие взгляды. Что бы не происходило, ты — это ты. И не нужно корить себя за мнимое бездействие.

Саша поднимает глаза на Серафима. Вопрос в ее взгляде слишком очевиден, и маг на него отвечает.

— У меня есть некоторый опыт взаимодействия с людьми, и я могу понимать, насколько тебе сложно дать оценку произошедшему. Когда твой друг идет против правил общества, в котором ты находишься, в ситуации, в которой и ты чувствуешь слишком

большую жесткость этих правил... Это всегда сложно. И всегда кажется, что нужно было сделать что-то, что-нибудь, неважно, что на самом деле сделано и чем все закончилось. Так что — не кори себя и не думай «что было если бы...». Анна сделала свой выбор, только и всего.

А я — свой.

Саша кивает и отпивает из бутылки. Она не решает проблемы алкоголем. Но сейчас ей хочется, чтобы чувства просто были, не давя на разум. Да и то, что пьет она не в одиночестве, почему-то помогает.

Впервые с того момента, как Виталик погиб, у нее, казалось, появился друг. Казалось.

— Однажды я рассорился со своим товарищем, — усмехается воспоминаниям Серафим. — А он через лет двадцать стал Папой и отлучил меня от церкви. Пришлось тогда и Италию покинуть, когда соседи ополчились на меня и моих людей. А все из-за курицы.

— Курицы?

Серафим кивает.

— Дело было так...

Саша довольно быстро теряет в именах, кажущихся смутно знакомыми по учебникам истории. Но слушать Серафима интересно. И он никуда не уходит — сейчас. Несмотря на то, что она опять ошиблась.

Через пару дней на ее телефон с неизвестного номера пришло короткое сообщение.

«Если захочешь свободы, то мы будем тебе рады».

И адрес одной из квартир на окраине города.

Саша не стала отвечать. Но и удалять сообщение, а тем паче — говорить кому-то о нем тоже не стала. На память о короткой и иллюзорной, как оказалось, дружбе.

— Что ж, вы первые за последние лет двадцать, кто приходит ко мне на начальную оперативную практику в третий раз, — Олег Васильевич окидывает взглядом подошедших Азамата и Сашу.

Адепты стоят перед оперативником по стойке смирно. Смотрится это довольно комично, если учесть, что встречу им назначили на детской площадке перед самой обычной пятиэтажкой. Сейчас, поздним вечером, детей здесь уже нет, так что на украшенной зверюшками лавочке сидит оперативник, а перед ним стоят по струнке двое адептов. Выглядит это так, словно полицейский поймал пару подростков за мелкое хулиганство и теперь делает строгое внушение или и вовсе оформляет протокол.

Почти так и было, если учесть, что всего два дня назад они завалили свою последнюю, казалось, попытку сдать ненавистную практику.

— Ввиду особых обстоятельств вам разрешили пересдать еще раз, — усмехается Олег Васильевич. — Я удивлен, если честно. Думаю, шеф видит в вас что-то выдающееся. Приступим.

Амулеты, уже знакомые подвески на разноцветных шнурках, были извлечены из сумки.

— Как я прошлый раз говорил — вы сдали минимум мне, но это вовсе не значит, что при случае лучше пользоваться своими силами, чем артефактами. У вас должно быть и то, и то в арсенале. Но если еще раз кто-то разрядит глушилку в напарника — оба вылетите из Ордена. Я вам это гарантирую.

— Да, Олег Васильевич, — адепты согласно кивают.

— Хорошо, что это понятно. Я привлекаю вас к самому простому заданию. Самому простому, господа. Если вы и тут найдете приключения себе на задницу... Я даже не знаю, что может быть проще. Итак, мы с вами работали на выезде, делали оперативный обход. Сейчас займемся сканированием местности. Здесь проездом был один маг, ныне мирно живущий человеческой жизнью. Он сообщил, что где-то не то в этом, не в каком-то из соседних дворов ощущал подозрительную темномагическую активность. Здесь с одной стороны проезжая часть, за которой нет ничего интересно, — оперативник открыл карту на телефоне. — С другой за жилым массивом школа. Работаем вот в этом квадрате. Вы начинаете с этих домом, я с этих, — он указывает на несколько строений. — И идете вверх. Удерживать друг друга в поле зрения. В конфликты не ступать, в дома не заходить. На Изнанку не Шагать. Работаем на улице, просто обходим местность и ищем остатки активности Обращенных. Ощутите вы ее сразу — в зубах занает, как минимум, даже если в Отражении ничего не разглядите. Вперед, господа адепты. Встречаемся здесь через три часа. Ну или если что найдете, то позовете. Ясно?

— Да, Олег Васильевич.

— Ну и прекрасно. Вперед.

Азамат с Сашей сверились еще раз с картой и отправились ко двору указанного для начала обхода дома.

— Так, Неродова, меньше всего я хочу три часа с тобой шастать.

— Взаимно.

Азамата по-прежнему Саша на дух не переносила. И сейчас он раздражал неимоверно. Не влез бы тогда, то и Ане не пришлось бы убегать, а им — лазать тут.

— Так что идем так, что друг друга видеть, но и только. И быстрее будет, — Азамат явно был сам не в восторге от ее компании.

— Не вопрос, — Саша углубляется во первый по счету двор, рассматривая его в Отражении. Скорее не глазами, а ощущениями изучая все, что рисует внутренний взор.

На Изнанке это место воспринималось разом как очень похожее на реальное и совершенно не похожее разом. Словно все предметы обрели какое-то еще дополнительное измерение, иной смысл. Вот явно любимые местными детьми качели, чьи краски в отражении были яркими и теплыми, куда теплее, чем все вокруг. Вот два дерева, служивших для ребятни футбольными воротами и почти превратившихся в них на Изнанке, где соединение дерева и металла выглядело разом сюрреалистичным и донельзя органичным. Детское воображение легко позволяло совместить несовместимое. Или наделить демоническими чертами то, у чего их не было: в углу двора стояли несколько покосившихся, наполовину вкопанных в землю шин, явно не раз подожженных. В Отражении они почернели и съжились, чуть подрагивая — а посередине, словно заключенными меж них, виднелось облако тьмы, клубящееся и переливающееся. Саша невольно вздрогнула, когда облако под пристальным взглядом вдруг начало обретать знакомые очертания. Не одно поколение местных детишек рассказывало страшилки про это место — и вот, пожалуйста, страх поселился и здесь, и около странной недостроенной горки, от которой остался только каркас и лестница с уже изрядно облупившейся краской. А вот пара столиков, где в Отражении еще стояли напитки и словно бы витал алкогольный дух. Не надо спрашивать, где обычно собираются местные алкоголики.

Даже дом, на который Саша мельком кинула взгляд, изменился. Некоторые окна его сияли приветливым светом, другие казались пустыми и равнодушными, третьи отпугивали неестественно глубокой темнотой за закрытыми шторами. Если присмотреться, можно было бы даже увидеть силуэты людей, живущих тут сейчас или живших раньше. Она, по крайней мере, смогла бы. И Серафим, и некоторые из преподавателей отмечали ее высокую чувствительность к Изнанке, способность видеть эхо событий и эмоций там, где для многих не будет заметно ничего. Иногда это было полезным. Иногда, Саша вздрогнула, вновь бросив взгляд на тьму между обгорелых покрышек, лишало спокойствия.

Азамат прогуливался по другой стороне двора, что-то рассматривая. Ну и пускай. Саша скользнула по парню в Отражении. Сейчас, без маскировки, ненужной на осмотре, амулеты на нем ярко и неприятно светились каким-то словно бы колким светом. Впрочем, и она сама выглядит не лучше, вот уж точно.

Саша отошла к паре гаражей из тонкого металла. Самострой. И здесь — ничего, только силуэты машин, искаженных фантазией их владельцев. Например, на небольшом паркетнике обнаружили шипы по всему периметру. Саша усмехнулась про себя. Была бы психологом — точно смогла сделать интересные выводы. Строго говоря, если вышвырнут из Ордена, то можно и правда попробовать доучиться в университете. Все косвенные взаимодействия с Гранью для несостоящих в Ордене запрещены, но ощущать Отражение она будет всегда, и делать нужные выводы о клиентах точно будет не слишком сложно.

Пара соседних дворов мало отличались друг от друга. А вот около дальней девятиэтажки что-то привлекло ее внимание. Азамат, увлеченно рассматривающий трансформаторную будку около гаражей, примыкавших к небольшой проезжей части, которая в этом спальном районе вела к местной школе, явно не заметил странного, пульсирующего сгустка тьмы около подъезда. Ныли зубы. Саша усмехнулась, ощутив это. И

правду сложно не заметить такой признак. Что-то было тут, на углу дома. Что-то... Словно бы отголосок тьмы.

Кажется, кое-что есть — отправила она сообщение куратору.

Адрес?

Саша нашла глазами табличку и вбила номер дома.

Прекрасно. Не уходите, сейчас приду.

Вот и ладно. Неплохо, если здесь все и закончится.

Саша с интересом отметила и почти истаивающий темный контур вокруг двора, который они с Азаматом пересекли, даже не заметив. Контур был невероятно слабым, поблекшим. Интересно — что это? Сигналка или тоже чья-то фантазия? Кажется, в углу двора даже лежала какая-то полуистлевшая кукла, замыкающая этот самый контур. Артефакт?

Саша сделало было шаг вперед к кукле, как неожиданно краем глаза она заметила стремительное движение. Из-за угла дома выбежал мальчишка лет тринадцати в белой ветровке. Мазанул взглядом по ней, по Азамату в дальней части двора, и остановился.

Саша пожала плечами. Время было поздним, но с другой стороны — подросток есть подросток. Да и несмотря ни на что жизнь, здесь не замирала, пусть и находились они в спальном районе. Ездили авто припозднившихся с работы или из гостей, светились вывески магазинов чуть поодаль, да и редкие прохожие не были какой-то невидалью.

Подросток замер и уставился на нее. Саша скорее ощутила взгляд, чем увидела его в темноте. Вновь противно заныли зубы, и по спине пробежал холодок. Она не боялась парня, но...

Но в Отражении мальчишка держал пульсирующий все ярче и ярче стусток тьмы, разгоравшийся в его руках. Стусток тьмы, чьи щупальца явно тянулись в ее сторону.

Дальнейшие несколько секунд слились для Саши во что-то невообразимое.

Оглушалка, та самая, чья сильная версия была заключена в амулет, сорвалась с ее рук быстрее, чем она успела подумать про выданный оперативником артефакт. Саша надеялась, что мальчишка так же упадет на месте, как тренировочные пособия, как товарищи на отработке или как Азамат с той незнакомой волшебницей.

Но что-то пошло не так. Плетение вышло слишком сильным, и подростка отбросило назад на несколько десятков метров, прямо на дорогу. Под визг тормозов. Под колеса именно сейчас проезжавшего автомобиля вызывающе-красного цвета. Такого же цвета, как и кровь из тела мальчишки, перекувыркнувшегося несколько раз от удара и рухнувшего на асфальт.

Саша остолбенела. Ноги приросли к земле. Отражение подергивалось, словно бы пытаясь насытиться болью, кровью и жизнью.

Что-то кричал водитель авто. Что-то кричал и Азамат рядом. Что-то кричали и из окон вмиг, вспыхнувших электрическим светом жизни, пробудившихся домов в округе.

Только Саша не кричала. Она просто молча стояла и смотрела на то, как течет кровь по асфальту.

В кабинете Михаила Ефимовича их четверо. Сам глава ордена, Олег Васильевич, Саша и Азамат.

— Неродова, — взгляд Михаила Ефимовича тяжел настолько, что она едва может стоять под его весом. — Ты отдаешь себе отчет, что твое заклинание покалечило человека? Мальчик останется инвалидом на всю жизнь, и не успеешь вовремя Олег Васильевич — сейчас бы лежал в морге с биркой. Когда вам говорили о недопустимости использования магии применительно к людям, речь шла, разумеется, о попытках помочь и спасти в первую очередь, тогда как нападение на человека даже не рассматривалась как возможный вариант. Мы защищаем людей, а не убиваем их. Я только недавно снял блок, установленный потому что ты не умеешь сдерживать свой нрав. Поверив в поручительство твоего наставника. И теперь ты, освоив боевое заклинание, нападешь на человека. С тяжелыми последствиями. Ты понимаешь, что Закон подразумевает за это минимум лишение магии, а максимум — лишение жизни? Сила Отражения не должна оказываться в руках того, кто не умеет ее контролировать. Зачем ты напала на ребенка? Что он сделал тебе?

— Я не хотела причинять вреда, клянусь, — Саша шагнула вперед, словно так могла доказать свою искренность. Ее колотило, но все же она старалась хотя бы речь удержать под контролем, не срываясь в истерику. — У парня был темный артефакт, он начал его активировать, я бросила глушилку, без амулета, надеясь ударить послабее, и он отлетел, прямо на дорогу. Я не хотела его убивать! Ни за что!

— Наши желания — это одно, но и о последствиях нужно думать, Неродова. Что за артефакт?

— Не знаю, — девушка качает головой. — Что-то темное, боевое. Я не разглядела, только увидела усиливающееся свечение. Не знаю, что это такое. Но разрушительное.

— Азамат, ты находился рядом с Александрой, как вас и инструктировали, верно?

— Да, Михаил Ефимович.

Саша вскипает.

— Это не так, он стоял в углу двора! Мы шли в прямой видимости, но не рядом!

— Я все видел, я был рядом.

— Лжешь!

— Достаточно, — спокойное слово Михаила Ефимовича словно бы проливает на нее ушат холодной воды. — Азамат, артефакт можешь описать? По типу свечения, хотя бы. На теле ничего не найдено, но есть и саморазрушающиеся амулеты.

— Да и не было ничего, — пожал плечами парень. — Я бы заметил.

Саша замерла, повернувшись в сторону недавнего напарника.

— А что ты на меня смотришь? — армянин поморщился. — Не знаю я, что тебе привиделось. Но ничего у парня не было. Александрова подговорила его убрать?

— Что?

— А ничего. Ты с ней вместе в магазине видела ту неорденскую колдунью, что магию применяла на людях — и ничего не сделала. Думаешь, я не знаю, что там случилось? Думаешь, я не догадался? Ты заодно с этой фанатичкой. И всегда была.

— Что? Нет! Мы общались, но и только.

— А кто поручится, что вы сейчас не общаетесь?

— Ты бредишь!

— Так, достаточно, — Михаил Ефимович вновь голоса не повышал, но и Саша, и Азамат вздрогнули от его тона. — Разберемся. И пока, Неродова, не обессудь — посидишь в изоляторе. Браслеты я возвращаю — временно, пока не пойдем, что случилось. Такова процедура.

Уже знакомые наручники опять сковали запястья Саши.

— Я предполагал, что поручительство Александра дисциплинирует тебя. Но, видимо, ошибся. Олег, проводи даму в изолятор, пока мы не закончим расследование.

Оперативник подходит и без всяких церемоний хватает ее за предплечье, жестко — и от хватки веет не только физической силой, но и магией.

— Идем. И без фокусов.

Они выходят из кабинета и направляются куда-то вниз по лестнице, еще ниже тренировочных классов, на полуподвальный этаж резиденции Ордена.

Изолятор оказался за стеной от поста охраны, который Саша как-то раз видела в конце коридора, ведущего в морг, где у них было одно из занятий по основам первой помощи. Это небольшое помещение со стулом и крошечной кроватью в углу и одной-единственной обшарпанной дверью напротив входа.

— Я не хотела...

— Мы выясним. И телефон отдай, вместе со всеми артефактами. Сейчас же. Все. А пока сиди тут.

Тон оперативника заставляет Сашу вздрогнуть.

Она покалечила человека. Едва не убила. Понятно, почему он так говорит.

Саша стягивает с шеи и вторую глушилку, и артефакт связи, и все остальное, выданное перед началом пошедшего настолько не так задания.

— Вот и прекрасно. Сейчас проверю все ли это, — маг прищуривается, и Саша слишком поздно понимает, что выданный Серафимом после той самой первой неудачной практики щит так и остался висеть на шее. Снимать его уже поздно. Да и оперативник, на удивление, его, не замечает, убирая неприятный щуп сканирования. — Здесь сиди. Туалет — за дверью.

Не успевает Саша ничего сказать, как Олег Васильевич покидает комнатку и она слышит, как в замке поворачивается ключ.

Саша сидит несколько часов на продавленном матрасе, рассматривая темные стены изолятора. Свет пробивается из-за двери, но в самом помещении темно.

Никого нет. Ни единого человека.

Не то чтобы она вообще кого-то ждала. Сколько времени прошло? Два часа, три, все пять?

Где-то глубоко внутри жило сожаление. За прошедшее время в этом странном магическом мире, в Ордене, среди других адептов и магов, Саша привыкла к присутствию в ее жизни Серафима. Когда на фестивале, при первой судьбоносной встрече, он объяснял, что по традициям мира Затронутых несет за нее ответственность, это казалось чем-то вроде неприятной необходимости. Вроде чиновника, бдительно следящего за только что открытым предприятием. Чуть что не так и сразу будут штрафы, а то и закрытие. Или адвоката — вроде и готового проконсультировать по всем вопросам, но в конце рано или поздно платить придется сполна.

Но время шло — и счет не приходил. Любитель рока, заставший события, о которых сама Саша читала только в книгах, наставник не был для нее кем-то близким. Более

опытным, более знающим — пожалуй. Кем-то вроде репетитора, только не в химии или философии, а в магии — определено. Но и все

Саша в своей жизни близка была разве что с братом, и то в далеком детстве, пока Виталик не уехал в университет на другом конце страны. Да и никто не был ей нужен, на самом деле. Она прекрасно справлялась сама со всем. Так было проще и меньше разочарований, на самом деле. С дружбой у нее никогда не складывалось, и история с Анной тому пример. Парни... Пара случайных неловких разговоров в школе. Девушки — примерно так же. Но и желаний и стремлений в этом отношении у нее никогда не доставало. Никаких мечтаний о принце — не потому, что он на нее не посмотрит, а просто потому, что с принцем пусть живут принцессы. Она себя таковой уж точно не считала, и не стремилась к отношениям. Ей было комфортно с самой собой. Она привыкла жить так — без партера, без друзей, без семьи.

Но сейчас, сидя на этом матрасе в полном одиночестве, Саша отчетливо понимала — где-то глубоко в душе она надеялась на вмешательство мага, называвшего себя ее наставником. После той памятной драки Серафим появился в поле зрения очень быстро. Удачно заглянул во время той вечеринки, когда она впервые совершенно свободно использовала собственные силы, пусть и играя в настольные игры. Неудачная практика в пригороде — и тут же и выволочка, и защитный амулет. Поручительство вместе с тем странным, но легким вечером за футболом и пивом. Разговоры после побега Анны... К тому же, как она знала от других адептов, большинство наставников принимали деятельное участие в жизни учеников. Иногда даже слишком. Чего стоили жалобы Кати на совместные походы в музей после того, как ее наставница узнала о купленном экзамене по истории в университете. Или жалобы совсем немного полноватого Коли на принудительную запись в зал на рукопашный бой.

Серафим же редко появлялся вне оговоренного времени занятий и не слишком влезал в ее жизнь. Но он все же появлялся — единственный из всех магов и вообще всех Затронутых, с которыми она успела познакомиться. Коля и Катя были заняты друг другом в последнее время. Красивая пара. Зависти это у Саши не вызывало. Не в первый раз. Аня бы пришла.. Но она сделала то, что сделала.

Ей было настолько наплевать на вашу дружбу, что она шарахнула тебя глушилкой и неслабо подставила ради какой-то впервые в жизни увиденной волшебницы, — привычно едкий, пусть и затихший в последний год, внутренний голос вернулся и вновь озвучил сомнения, до того только иногда прорывающиеся в мысли.

Отвали. У нее своя дорога, у меня — своя, — Саша привыкла возражать своим страхам и сомнениям. Привыкла спорить с ними в поисках наилучшего решения. Или просто желая заставить замолчать неприятные мысли.

Прекрасно. А что же твой наставник? Не хочет узнать, как все было, и почему его ученица торчит в этой клетке?

Он занят.

Как и все вокруг, а? Так что сидеть тебе здесь до скончания веков. И всем на тебя плевать.

Заткнись.

Саша почти подскочила с матраса. Одиночество она переживала хорошо — если было, чем заняться. Если нет... То дурные мысли лезли в голову. Так было всегда и дурацкий внутренний голос никогда не замолкал вовремя, сколько она не хотела бы этого. Вот и

сейчас незримый судья ее собственного разума продолжал гнуть свою линию.

Теперь у тебя будут годы, чтобы чем-нибудь заняться. Никакой больше магии, никаких бросков подушками и телекинетической дженги. Никаких Шагов. И ты будешь помнить, кем была и что упустила, перебирать в памяти воспоминания о силе.

Этого не будет.

Будет.

Она помотала головой, словно бы пытаясь выкинуть из нее голос. Убрать его — навсегда.

Она была адептом меньше года. Мало что умела — но все же, все же.

В груди ворочался противный страх. Она заглянула за Грань. Узнала правду о мире, получила силы чувствовать реальность без иллюзий, что отделяют для обычных людей правду от успокоительного вымысла. И вовсе не хотела упускать даже ту малость, что имела.

И ты все потеряешь.

Заткнись.

Саша еще сильнее мотает головой и почти бегом бросается в туалет. Страх, до того просто поселившийся внутри, теперь ворочается в животе, словно паук. Огромный, ядовитый, отвратительно настоящий паук, просящийся наружу.

Она долго умывает лицо водой, еле текущей из маленького крана у крошечной раковины. Зеркала тут нет — и к лучшему. Свою бледную, жалкую физиономию она и так хорошо представляет. На удивление, здесь есть свет, просачивающийся через небольшое окно. Созданное для вентиляции или каких-то еще целей. Маленькое. Но она могла бы протиснуться. Наверняка. Если как следует подтянуться на руках...

Если я сбегу, станет только хуже.

А сейчас хорошо? — противный внутренний голос вновь набирает вес. — Ничего они не найдут. Нашли бы — сказали бы уже. И тебя лишат силы. Или казнят — выбирай, что нравится. Кому поверят — этому Азамату с папочкой-оперативником и прекрасным будущим или тебе, которая никто и звать никак?

Когда мы подрались, Михаил Ефимович использовал Круг Правды.

Но сейчас он этого делать не стал. Почему-то, а?

Может, потом...

Или потом тебя вытащат отсюда, затащат в ритуальный зал и заберут те крохи силы, что есть сейчас. И никто ничего не скажет. Твой наставник легко выкинет тебя из своей жизни без всяких сожалений — зачем ему такая ходячая проблема? Тебе никто не поможет. Надо что-то делать. И в первую очередь надо валить отсюда.

И куда? Домой?

Ты тут считаешь, что не всем на тебя наплевать. Вот и проверь это. Если эти важные маги поймут, что ты не виновата — то и побег простят. Что ты выигрываешь, сидя здесь?

Защита не даст уйти...

Ну так рискни и проверь. Или так и будешь как полное ничтожество страдать в темноте? Сделай что-нибудь, в конце концов.

Саша оглядывается назад, на свет из-за двери погруженной во тьму комнаты-изолятора. Не похоже, что там прямо сейчас кто-то стоит. Но времени все равно мало — пусть план и приходит в голову почти моментально. Может это глупый план... Но не глупее, чем ситуация, в которой она оказалась. Саша тщательно закрывает дверь в туалет, скорее ради

собственного призрачного спокойствия, чем надеясь, что она кого-то тут удержит.

Она стягивает с себя толстовку. В фильмах разбивать стекло предметом, обернутым во что-то, было не так громко. Вот сейчас и проверит. Крышку от бачка унитаза она, хоть и не сразу, но все же освобождает от всех креплений. И обматывает курткой. Руки дрожат, по спине течет пот.

Но терять и правда нечего.

Стекло поддается с третьего удара и разбивается с глухим треском, но все же не так громко, как она думала. Несколько резких движений и почти все его куски высыпаются наружу.

Почти — когда Саша подтягивается и с трудом пролезает на улицу, едва не застревая по дороге, осколки ранят руки, впиваются в плечи и рассекают голень. Но стоит ей бегом пересечь мелкий дворик и пробежать мимо пункта охраны на входе, бросив что-то об опоздании на важный праздник увлеченному футболом дежурному, как ощущение наручников истаивает вмиг. Пара коротких заклинаний, не так давно выученных под руководством Серафима, снимают боль и останавливают кровь. Саша быстрым шагом отдалается на несколько кварталов от резиденции Ордена, которая для людей выглядит как просто большой частный дом за забором в окружении таких же частных домов, стараясь не привлекать к себе внимания.

У нее нет телефона. Ничего нет — только оставшаяся в карманах мелочь завалявшиеся две сотни да взятые сегодня на сдачу практики на всякий случай часы. Не из дешевых. Но, кажется, такси не отвозят никого за часы.

Благо, до дома Серафима не так уж и далеко. Вопрос только в том, когда ее хватятся. Или уже хватились?

Саша припускается бегом, так, словно за ней гонится весь мир. До трамвайных путей, поминутно озираясь. Дальше — до много лет ремонтируемой «Авроры», темной и тихой, молясь, чтобы трамвай ехал быстрее и страшась на любой остановке увидеть среди редких пассажиров знакомое лицо или ощутить волнение сканеров на Изнанке. Оттуда бегом вниз по переходу, и дальше, мимо едва работающего завода, в переплетение улиц, к знакомому двухэтажному дому.

Здесь не горит свет. Ни в одном из окон.

Серафим, конечно, видит в темноте — но едва ли он стал бы сидеть без света.

Он на работе, красавица. Там, откуда ты только что сбежала. Просто у него свои дела. Как и у всех вокруг.

Отвали.

Саша подходит к двери в подъезд, нажимает знакомую комбинацию цифр — и попадает внутрь. На деле все квартиры здесь принадлежат Серафиму. Маг как-то сам об этом обмолвился, сказав, что ему так попросту проще жить. Сам он обитал только в одной, на первом этаже, а остальные были или складами, или просто пустовали. Зато — никаких соседей.

Она долго стучит в дверь. Очень долго. Но никто не открывает.

Выяснила, что хотела? А теперь пошли отсюда, пока тебя не нагнали.

Саша медленно выходит из подъезда, поминутно оглядываясь на выкрашенную коричневой краской дверь. Но так не открывается ни через пять вдохов, ни через десять.

Страх в животе теперь дополняется комом в горле.

И что ты страдаешь? Просто еще раз выяснила, что полагаться можно только на

себя, да и всего.

Между учеником и наставником есть связь. Ты можешь воспользоваться ей, позвать меня. Он так говорил, верно?

Саша прикрывает глаза. Она действительно ощущала эту связь, призрачную, словно бы легкой паутиной висящей на границе сознания. До сегодняшнего дня. До какого момента? До практики? Или до того, как швырнула под колеса авто мальчишку?

Сейчас же на месте паутины — глухая стена. Словно бы там, где была дорога, кто-то место шлагбаума установил бетонную плиту. Высотой с небоскреб.

Убедилась? А теперь — валим отсюда, пока не поздно.

И куда?

Ты знаешь куда. Если хочешь сохранить свою силу и свою жизнь.

Саша сглатывает. Адрес, присланный Анной, она помнит хорошо. Хотя бы потому, что не раз пробивала его через гугл-карты, так, ради любопытства. Обычный дом, обычная улица.

Тебя скоро найдут здесь. Так и будешь стоять столбом?

Саша сглатывает, и так зная, что сделает дальше. Она ощутила изнанку мира. Его правду. Почувствовала во всей полноте — и никогда не откажется от этого чувства. Никогда.

Саша сжала в кармане оставшиеся две сотни и рванула легкой трусцой к ближайшей остановке. Если ей повезет, то успеет доехать на автобусе в тот самый обычный дом. И будет надеяться, что ее пустят в ту самую обычную квартиру.

Часть 2. Свобода и клятвы. Глава 1

Несмотря на изобилующую резкими поворотами дорогу, Саша успела задремать. Такое часто случалось в дальних поездках на междугороднем автобусе, машине или и вовсе на трамвае. Привычка, выработанная длинными дорогами из одного конца города в другой еще на первом курсе учебы в университете, когда пары начинались в восемь, вставать приходилось в шесть, ложиться — за полночь, и неудержимо хотелось хоть как-то компенсировать недосып. Спать она могла и сидя, и даже стоя, привалившись к окну, или и вовсе без опоры на что-либо.

С годами навык никуда не делся. И вступил в дело сам собой. Как не хотелось Саше следить за дорогой, сон все равно сморил ее. В дреме были какие-то смутные образы, на время уменьшающие тревогу, обосновавшиеся внутри с того самого момента, как она села на последний идущий по маршруту автобус и отправилась на улицу, о которой Анна говорила в сообщении. Смутные образы, перемежающиеся периодами призрачного, не до конца ясного бодрствования и размышлений.

Какой бы ни была эта «Свобода», там явно не могло быть хуже, чем в Ордене. Хотя бы потому, что там у нее не отберут магию. Казалось бы — меньше года обучения и не самых регулярных практик, меньше года с того самого рок-фестиваля. Так недолго, но она удивительным образом привыкла к новому миру Затронутых. Даже не к миру как таковому, а, скорее, к возможностям, которые этот мир даровал. Привыкла ощущать Изнанку, показывающую прошлое места вокруг, привыкла рассматривать окружающих, задаваясь вопросом «Затронутый или нет?», привыкла к мелким развлечениям вроде складывания одежды телекинезом, что получалось не слишком хорошо, или к мгновенному подогреву воды для кофе или чая, хотя и сил это отбирало немало. Привыкла к книгам магов с их специфической терминологией, привыкла складывать пальцы в замысловатые жесты и ощущать, как после этого сила, закрученная в нужный узор, устремляется в мир и меняет его по ее воле. Пусть пока только немного, но все же — меняет. Привыкла заживлять царапины от когтей Бони одним направлением силы, привыкла подзывать самого кота одним взглядом и тихим импульсом внушения.

Жалко Боню. Из дома Софии — так звали девушку, жившую по адресу, указанному Анной, Саша позвонила владельцу квартиры. И слезно просила взять кота на передержку, ссылаясь на срочные и неотложные дела и обещая заплатить. Оставалось надеяться, что тот окажется порядочным человеком, и почти полчаса, проведенных во вспоминании его номера, оставшегося записанным в отобранном телефоне, стоят того. Но если кота и отпустят жить на улицу, то он хотя бы не погибнет запертым в квартире — это радовало. А вот оставшийся там ноутбук, деньги, да и еще много чего, с чем придется проститься навсегда...

Саша оборвала себя, останавливая причиняющую глухую боль мысль. Нет смысла сожалеть об оставленном. Как и бояться того, что сейчас она едет неизвестно в какую глушь, имея из всего только более-менее ценные часы и одно-единственное знакомство.

София сначала не поверила, что она знала Анну, но в итоге просто позвонила подруге. О чем-то они болтали довольно долго, пока Саша мешала на кухне ложкой чай и старалась не разглядывать в окно двор так уж пристально, опасаясь увидеть или почувствовать кого-то из оперативников Ордена подходящим к подъезду. О чем именно шел разговор, Саша не

знала. Знала только то, что София была обычным человеком, как, по ее словам, и многие в Свободе. Она жила в городе ради какой-никакой связи общины с внешним миром. Какой именно — она так и не сказала, а Саша и не настаивала. Согласилась после разговора с Аней отвезти ее в «Свободу» и хорошо. София была на вид суровой, но в то же время довольно привлекательной рыжеволосой женщиной лет тридцати с небольшим. «Свободу» она описывала как место, где каждый может найти то, что он хочет, под руководством более мудрых «искателей истины».

Звучало как то, что говорили люди о сектах. Честно говоря, Саше это не слишком нравилось. Но если в «Свободе» она найдет возможность жить и пользоваться магией, не опасаясь, что длинные руки Ордена, которому ничего не доказать, дотянутся до нее... Оно того стоило.

Благо наложенный Михаилом Ефимовичем блок исправно работал только в Резиденции Ордена и близь нее. Оно и понятно — полностью заблокировать чужую магию очень и очень сложно, тогда как территориальные ограничения чаще всего привязаны к местности, а не к магу. Но это имело не слишком большого значения. Главное — она сбежала, и магия была при ней.

Саша чуть повела затекшей рукой. В «Ниве» не то чтобы было комфортно ехать по ухабам узкой лесной дороги, но любая другая машина тут едва ли бы прошла. Да и — сама бы она в жизни не нашла нужное место. В дреме ей казалось, что где-то за Крепостной они свернули на одну грунтовку, потом еще на одну, потом еще и еще... Холмистый лес высился с обеих сторон дороги, словно бы желая в любой момент сомкнуться за их автомобилем и отрезать проход обратно, в цивилизованные земли.

Очередной поворот дороги привел к узкому бетонному мосту через быструю горную реку и шлагбауму и небольшой будке охранника рядом с ним. Дальше дорога уходила в лес и круто поворачивала, не давая ничего рассмотреть.

— Ну что, приехали, — София усмехается. — Дальше только пешком.

Саша кивает, выходя из машины и разминая затекшее тело.

— Далеко?

— Да с полчаса, наверное. Но по такому мосту я не проеду, да и не одно авто не проедет. Если что-то срочно надо — на базе есть мотоциклы. Не слишком грузоподъемное, но вполне надежное средство перемещения по этим дорогам.

— Приветствую, — из будки охраны появился невысокий худощавый мужчина лицом чем-то напоминающий Саше Анну. — Александра, верно? — он оглядел девушку с ног до головы. — Анатолий, лучше без отчества. Аня говорила о том, что вы решили присоединиться к нам. Рад видеть, рад видеть.

Мужчина несколько суетливо протягивает руку, и на секунду в Отражении Саша ощущает на ней длинную, густую волчью шерсть. Оборотень.

Но руку она пожимает, несмотря на настороженность. Мужчина чуть улыбается. В улыбке видно, что клыки немного больше, чем должны быть у человека, но Саша знает — это лишь иллюзия Отражения, игра ее собственного разума. Оборотни — или звери, или люди. Никаких других странных гибридных форм у них не бывает, и в человеческом виде никаких способностей они не имеют. Разве что отличный нюх и хорошее понимание мимики и настроения зверья вокруг.

Кстати о зверье. Из будки охраны вальяжно вышел здоровенный пес с серой, густой зимней шерстью, удивительно похожий на волка. Вышел, подошел к Саше, которая и не

думала испугаться. Грозный вид зверя ее не насторожил. В Сашиной семье всегда жили собаки, да и в детстве она немало времени проводила с дворовыми псами. Они во многих вопросах были куда лучше людей.

— И тебе здравствуй, — Саша присаживается на колени, разглядывая зверя. Это именно животное, не оборотень, обычный пес. Хотя глаза и светятся вполне человеческим любопытством. — Как тебя звать?

— Серый, — усмехается оборотень, с благожелательным вниманием приветствуя ее интерес.

Пес, услышав свое имя, обернулся на хозяина, потом опять посмотрел на Сашу. Гавкнул, вильнув хвостом. И уселся, протянув лапу.

— Ну что ж, Серый, будем знакомы, — Саша важно пожала лапу псу.

— Ты ему нравишься, — заметил оборотень. И пояснил: — ему редко кто нравится, между прочим.

— Тогда я польщена, — чуть улыбается Саша. — Красивый зверь.

— И умный. А какие песни поет... Ладно, — обрывает сам себя оборотень. — В общем так, Александра: иди через мост, по дороге, и на единственной развилке направо. Налево... В общем, туда пока не надо, так что — направо. Не пройдешь мимо поселения, думаю. С вещами помощь нужна?

— Нет, я налегке.

Оборотень рассматривает ее еще раз, куда более внимательным взглядом и кивает.

— Почему бы и нет. Сейчас у нас не слишком тепло, но думаю, вы с Аней разберетесь. Она тебя ждет. Заходи в самый большой дом, желтый такой, и там кликни ее. Или жену мою, Светлану, черноволосая со шрамом на щеке. Но думаю, разберешься, там в общем, все издали видно. Ну, тебе видно будет, — со значением отмечает оборотень.

— Хорошо.

— Что ж, я вас оставлю, мне еще домой ехать, — София возвращается в машину. — Бывай, Толя. И тебе удачи в новой жизни, Александра.

Несколько чуть медленных и неуклюжих, но приводящих к цели маневров и грузная «Нива» разворачивается и уезжает прочь, оставляя за собой шлейф из пыли. Саша сглатывает — последний шанс вернуться к ставшей привычной жизни только что скрылся за изгибом дороги.

— Что, не пришлась по нраву орденским, а? — Анатолий поглаживает пса.

— Что, простите?

— Брось. Я не мастак в магии, чтобы там кто не говорил, но на других Затронутых у меня нюх натаскан. Ты — чароплет, но не из ковенских. Значит, с Орденом что-то не поделила. Расслабься — здесь нас не так много, чтобы враждовать. А если и вдруг захотим — Андрей мигом за шкуру оттаскает.

— Андрей?

— Андрей. Боготов. Основатель и бессменный глава нашего маленького рая на земле, — усмехается оборотень. — Он в отъезде, но через недельку сама с ним познакомишься. А пока — не балуй. У меня нюх хороший, у него, — он кивает на пса, — тоже. Да и Аня, если что, вместе с Матвеем найдут на тебя управу, так что без драк и всего такого. Добро?

— Добро.

— Ну и прекрасно. Добро пожаловать в дом Свободы, Александра. Тебе — через мост,

прямо и направо.

Саша кивает и пересекает тонкую, но ощутимую границу защитных чар, лежащую прямо за будкой охранника. Что ж, по крайней мере, маги тут действительно живут — кто-то же это ставил?

Через мост, прямо и направо. Описание было довольно простым, и дорога за мостом действительно была одна-единственная. Не слишком наезженная, такая, где и пара человек-то с трудом разойдутся. Ничего кроме этого самого шагбаума за спиной не говорило о том, что дорога ведет куда-то к обитаемым территориям. По крайней мере, на протяжении почти нескольких десятков минут пути. Саша действительно прошла небольшую развилку, где одна тропка резко разделялась на две и свернула туда, куда указал оборотень-охранник. Интересоваться тем, что лежало в той стороне, явно не было никакой нужды. Не нужно начинать жизнь на новом месте с конфликта.

Стоило свернуть и пройти буквально пару сотен метров, как Саша остановилась, чувствуя на границе восприятия мощные защитные чары. Те, что были вокруг резиденции Ордена для нее, как для адепта, были почти неосязаемы. Местные же были то ли более грубыми, то ли более приметными для чужаков, что-то вроде «не влезай — убьет». Саша пошла вперед, и следующим Шагом скользнула на Изнанку. Сейчас, несмотря на тревогу от ждущей ее неизвестности, ощущаемую пополам с волнением перед чем-то новым, она неплохо контролировала себя и не провалилась глубже.

В мире с иными, глубокими цветами, лес вокруг, на удивление, был куда более редким. Многие деревья упали, многие стояли без листвы вовсе не от времени года, а просто от того, что их корни давно умерли. Где-то вдалеке, кажется, каркал ворон. Дорога на Изнанке оказалась мощной впереди, а та, что тянулась туда, куда, по словам оборотня, идти Саше не стоило, напоминала узкую улицу, разбитую ковровой бомбардировкой. Там камни были раскрошены, а кое-где, кажется, даже виднелись следы крови.

Саша поежилась. С Изнанки мир казался куда более обитаемым и куда более колючим и холодным. Хотя совсем рядом и правда мерцал купол многослойной защиты, доходивший до самого неба и терявшийся в низких облаках. Саша подошла ближе, почему-то радуясь совершенной тишине окружающего мира. Она рассмотрела защиту с интересом исследователя. В конечном счете, она приехала сюда не желая потерять свои силы, и теперь стоило пользоваться ими вовсю. Часть щитов явно выполнял довольно сильный маг, хотя другая часть была или старой, или не совсем верно сотканной: они поблекли и почти рассыпались, явно требуя вливания новой силы. Саше пришло в голову что она, наверное, могла бы разбить как минимум треть наложенной защиты. Возможно, это далось бы ей тяжело, но было по силам.

Серафим как-то говорил Саше, что с ее чувствительностью и потенциалом она много может достичь. Могла бы...

Саша покачала головой, отгоняя от себя мысли. Это прошлое. Пусть и недавнее, но прошлое.

Он вернулась в реальный мир, сделала несколько глубоких вдохов — и шагнула вперед, через пленку щита, невидимую, но ощутимую, чувствуя, как защита проходится по ней неприятно, но не слишком болезненно, словно бы жесткой мочалкой.

Щит нес в себе и отвод глаз. Или какую-то еще иллюзию, потому что только пройдя сквозь него Саша сумела разглядеть поляну всего в трех десятках метров впереди, к которой и вела дорога. На небольшом, достаточно ровном пригорке сгрудились шесть простеньких

жилых домиков и пара строений явно хозяйственного назначения. Самый большой из домов, единственный двухэтажный, с двухскатной крышей и широкими окнами с резными наличниками и украшенными ставнями был, как и сказал оборотень, желтого цвета.

Саша вздохнула про себя, на секунду обернулась на пленку щита за спиной и зашагала к поляне. Свой выбор она сделала, теперь оставалось пожинать последствия.

Аня появляется из-за двери желтого дома буквально за мгновение до того, как Саша поднимает руку чтобы постучать.

— Привет! — Аня улыбается. — Я знала, что рано или поздно ты приедешь. И рада видеть тебя.

— Привет, — Саша скованно улыбается в ответ. Она не то чтобы разделяет эту радость, но деваться попросту некуда.

Кажется, подруга читает что-то подобное на ее лице.

— Расслабься, привыкнешь со временем ко всему здесь. Проходи в дом, дорога сюда измотает кого угодно, — Аня отходит в сторону, пропуская Сашу в прихожую. — Я живу с родителями. Еще брат был, но он уехал уже пять лет как, комната пустует, так что заселяйся.

— Если я вас не стесню...

— Пф, — отмахивается Аня. — Никаких проблем. Тут кто кого стеснит — тот еще вопросец. Ты ведь моего отца видела?

— Видела.

— Он не один из Обращенных. Так вот если тебя это не напрягает...

— Ни в коей мере.

— Вот и прекрасно. Кстати, как отец в настроении будет, то между дежурствами тебя и в охоте, и в рыбалке поднатаскает. Ладно, идем, что стоять в сенях.

Аня ведет Сашу мимо двери на просторную кухню слева и довольно большой гостиной справа к лестнице вверх. Здесь все кажется похожим на какое-то несколько неуместное в лесной глуши юга России творение американских архитекторов. Из тех, что Саша много раз видела в фильмах с привидениями. Даже наверху обнаруживаются четыре двери, выходящие на общую площадку и выдвигающаяся лестница на чердак — все словно бы скопировано с голливудских историй. Хотя сама Саша нечасто бывала в частных домах, чтобы оценить практичность подобного расположения всего и вся. Скорее — в таком месте она ожидала увидеть что-то более простое, что ли. А так хотя вокруг и не было сверхсовременного ремонта, все изобиловало деревом и вполне привычно-русскими ковровыми дорожками, а балясины на лестнице явно вырезали вручную, дом производил впечатление скорее коттеджа в пригороде, приобретенного состоятельными горожанами, уставшими от городской суеты, чем избы, построенной своими руками в глуши леса.

— Тут моя комната, тут живут мать с отцом, тут кладовая, тут кабинет, — объясняет Аня. — Удобства на первом этаже, там я думаю, дверь за кухней. Дверь под лестницей — в подвал, там сейчас хлам один валяется. А в твоём распоряжении — чердак. Если высоты не боишься, конечно.

— Не боюсь.

— Вот и прекрасно, — Аня одним коротким пасом руки выдвигает лестницу. — Тогда полезли.

Чердак оказывается невысоким, но довольно просторным. В дальнем углу тут низкая заправленная кровать, рядом с которой примостилась небольшая прикроватная тумбочка. Напротив входа стоял крохотный шкаф и очень компактный письменный столик с

прислоненной к нему простенькой табуреткой. Помещение освещалось парой небольших запыленных окон да одинокой лампочкой под потолком.

— Не шик, но жить можно, — Аня разводит руками. — На первое время. Потом как захочешь — поговори с Андреем и селянами, построят тебе свою хижину.

— Селянами?

— А, тебя София не просветила? В общем, если что-то нужно — подходишь к работающим здесь людям и договариваешься. Ну, например, у нас Тамара готовит. Кстати, она придет через час примерно, какое блюдо хочешь — спрашивай у нее, если продукты будут, она сделает. Марк, такой лысый мужик, дрова нам заготавливает и мелким ремонтом занимается. Денис — патлатый, он правда у нас редко появляется, — отменный охотник, обращай к нему если нет желания самой возиться с дичью или просто хочется отдохнуть за отстрелом чего-нибудь. Ну и все в таком духе.

— То есть... Здесь живут люди, которые помогают со всякими работами?

— Не здесь, — чуть кривится Аня. — За Щитом, в поселении «Надежда» или как они там свои лачуги называют. Но да, суть ты уловила верно.

Саша медленно вдохнула и выдохнула, пытаясь собрать воедино всю полученную информацию.

— Они работают на вас. А чем им принято платить?

— Платить? — в голосе Анны было искреннее удивление. — Им не нужно платить. По большей части — для них достаточно самой возможности прикоснуться к чуду. Ну и иногда по большим праздникам разыграть между собой шанс на Обращение. Андрей тебе лучше объяснит, или хотя бы Антон, как вернется. Они в этом больше меня понимают, зачем тут люди за нами увиваются. Ну или Тамару спроси. Только если будешь сама с селянами общаться — спуску не давай, а то сядут на голову. Я по малолетству договорилась с Надей, человеком, за вышивку ей красоту на лице наводить без всякой косметики, у меня иллюзии неплохо получались. Так теперь этой вышивкой полкладовки завалено, как селянки прознали, то стали десятками полотенца передавать и такой же «макияж» выпрашивать. Так что тут осторожней будь.

— Но... — «это же нарушение Закона», хотела было сказать Саша — и вовремя прикусила язык. Она тут гость. — Я все равно мало что умею.

— Ну, значит, научишься — отмахивается Аня. — Да и не так уж и мало. Мы минимум с тобой и этим дураком Азаматом сдали? Сдали. Да и исцелять ты умеешь — я видела, как ты Коле после того, как он не удержал левитацией бокал и на ногу его себе уронил, и осколок вытащила, и рану за секунду затянула.

— Это мелочи.

— Не скажи. Да и вообще, чего не знаешь — поспрашивай у остальных. Нас тут не так много, как хотелось бы, но достаточно для комфортной жизни. Антон — колдун, он в крайнем слева доме живет, но сейчас в отъезде. Матвея, Валентина, Марину и Аркадия Николаевича ты вечером сама увидишь. Будем здесь все вместе ужинать, заодно и познакомитесь. Так что если что — обращай к ним.

— Поняла, — Саша оглядывает выделенное ей помещение. — Ань, мне очень неловко вот так врваться, без гроша в кармане. Что я за это должна?

— Сразу быка за рога? Вот это мне в тебе и нравится, другие бы или промолчали, или ходили бы вокруг да около, — усмехается Аня. — Вообще — ничего. Но если оно дело, в которым ты можешь здорово помочь. Если хочешь.

— Хочу.

— Я в тебе не сомневалась. В общем, у нас здесь, как ты понимаешь, никто электроэнергию не проводил. И потому и насосы на воду, и электричество днем — все от кристаллов идет в генераторах, бензин мы бы замучились возить.

— Кристаллы, — Саша задумалась, перебирая все-таки пока скудные знания о мире Затронутых. — Магические накопители?

— Они самые. Андрей их с Матвеем приспособили как-то к генераторам тока, там хитрая схема, но ты, думаю, разберешься. Суть не в этом, — Аня морщится, — а в том, что как я уехала, мать с отцом увлеклись сериалами и растранижирили из выделенного нам на семью запаса кристаллов больше чем нужно. И было бы это ерундой, если бы Андрей отцу в свое отсутствие задачу обновить третичные щиты не поставил. Ты ведь купол внутренний видела защитный?

— Ага.

— Ну тогда думаю и видела дыры в нем. И знаешь, обновление не было бы проблемой, ритуал-то простенький, хоть и проводить надо раз в год строго, а все опять до последнего тянут. Короче — нам нужно было взять эти кристаллы да вкинуть через меня силы в щит. Но все накопители разряжены. И это или скандал с Андреем, или ходить у Матвея помощи выпрашивать, а он тот еще сноб. Но вдвоем мы с тобой и без кристаллов справимся. Поможешь?

— Конечно, — Саша о подобных ритуалах только читала, и чувство долга здесь соседствовало с интересом. — Что-то еще?

— Расслабься, — хлопает ее по плечу Аня. — Только приехала, а уже ищешь работу. Через два-три дня на закате все сделаем, и ничего от тебя больше не нужно будет. Живи да бед не знай.

— А какая работа здесь? Ну в смысле — что именно мне делать? Я выросла в городе, корову там подоить не смогу...

— А зачем тебе корова? Селяне этим занимаются, Саш. Ну если захочешь, то сходи к ним, это не запрещено, подои в свое удовольствие. А так... Андрей тебе расскажет, но если коротко — надо дежурить на воротах, отпугивать чужаков-туристов, которые изредка сюда забредают. Заряжать кристаллы. Вкидывать силы в морозильники. Чинить сломанные вещи — иногда. Подманивать зверей, если желание будет. Учиться магии — столько, сколько хочешь. Жить на свободе, знаешь ли, — подмигивает Аня.

— И все?

— И все. Ну и селян на шею к себе не сажать, а то не слезут. Если что понадобится — Андрей скажет. Ладно, обустройвайся, здесь есть немного вещей из необходимых, что я на глаза отобрала, сейчас еще принесу. И кой-каким чарам обучу, весьма облегчающих гигиену всех видов. А потом ванна в твоем распоряжении. Мойся с дороги, отдыхай, обустройвайся, а вечером соберемся все вместе и отметим твое прибытие. Добро пожаловать в Свободу, Александра.

Глава 2

За долгий, и разом короткий, день Саша успела сделать немало. Искупаться и порадоваться, что удобства здесь мало отличались от привычных ей, только душевая была вместо ванны. Научиться у Ани нескольким действительно полезным бытовым заклинаниям. И несколько раз обойти небольшое поселение. Жилых строений тут правда было всего шесть, и кроме них, Саша успела заметить пару сараев да притаившаяся на краю поляны баню. Если пройти через лес за баней буквально с десятков шагов, можно было попасть на небольшой пятачок со скамейками из бревен, где проводились общие собрания. Еще одна тропинка вела к речке, холодной и быстрой, и судя по оставленным на небольшом пирсе снастям — вполне пригодной для рыбной ловли. Четыре тропинки шли куда-то вглубь леса — и все. Ни полей, ни сетей с сушеной рыбой, ни туш зверей, ни даже амбара с зерном. В сараях и вовсе держали мотоциклы с топливом, моторную лодку да всякие инструменты.

— Ань, прости за любопытство — а как вы еду добываете? — Саша уже на закате расположилась на чердаке, желая разом и привыкнуть к новому месту, и рассмотреть как следует поселение из окна, пока совсем не стемнеет.

— А зачем ее добывать? Селяне приносят. Вот, смотри, — Аня указала на двух крепких мужчин в простых рубахах и штанах, только что подъехавших к дому на неказистой телеге, запряженной самой настоящей лошадью. На телеге примостились в изобилии мешки и ящики. — Сейчас разнесут всем кто что хотел, и нам тоже. Пойду приму. Не скучай, это недолго.

С этими словами Аня ловко спустилась с чердака и сбежала по лестнице вниз.

Несмотря на май, нежаркий в предгорьях, здесь не было холодно. Впрочем, сейчас нигде не было холодно. Погода уже давно сошла с ума на юге, да и Саша благодаря магии могла спокойно прогуливаться и в футболке, используя для поддержания тепла одно свое желание. Когда у нее первый раз получилось, она несколько дней привыкала к этому ощущению. Потом выяснилось, что так может любой маг, но большинству просто не хватает концентрации и сил, чтобы поддерживать комфортную температуру постоянно. Для Саши же это не представляло трудностей. Так что хотя бы куртку у Ани не пришлось просить.

Приехавшие же на телеге и правду стали разносить продукты, лежащие в ней, но домам. Выглядело это разом и привычно, вроде как обычные грузчики, и странно. Странно потому, что выставив весь «заказ» перед каждой дверью, мужчины совершали два глубоких поясных поклона. А разговаривая о чем-то с Аней, открывшей им свою дверь, оба стояли, опустив голову в пол, и, кажется, стараясь не дышать, а коробка ей подносили едва ли не как настоящей царственный особе великие дары.

От диковинной картины Сашу отвлекло движение. С широкого входа на поляну к дому шла женщина в платке. Человек. Сашу удивилась было тому, что она прошла через иллюзию, но потом вспомнила, что по рассказам Ани для селян в защите были исключения. Шла женщина весьма медленно. И низко склонив голову, словно опасаясь поднять взгляд от земли. Ее одежды порядком выцвели. Видно было не слишком хорошо, но с Сашиного наблюдательного пункта казалось, что она, несмотря на сгорбленный вид и медленную походку, молода. Женщина подошла к дому Ани. Скрипнула дверь, подруга что-то сказала вошедшей, и совсем скоро на кухне начала звенеть посуда.

Спустя пару минут Анина голова показалась около входа на чердак.

— Пришла Тамара, так что через час будем стол накрывать. Хочешь — спускайся, поговори с ней. И, это, Саш, я буду благодарна, если ты вечером про наш уговор насчет ритуала рассказывать никому не будешь, хорошо? Остальные Затронутые здесь — славные ребята, но если история дойдет до Андрея, то он разозлится, и проблемы будут у всех. Идет?

— Конечно.

— Вот и хорошо. Я пойду, пока матери нет, разложу все, что парни притащили. Так что развлекай себя сама, хорошо?

— Без проблем. Помощь нужна?

— Неа. Я ведь не человек — руками все таскать. Отдыхай, — Аня отправилась вниз.

С полчаса Саша просто наблюдала за поляной. Остальные жители этого места, начали возвращаться в свои дома почти сразу после заката. По крайней мере, два силуэта вынырнули из леса в ночной темноте. Ощутить с такого расстояния кто это был Саше не удалось, но и выяснять не то чтобы прям хотелось. Узнает все в свое время. Освещение здесь было только около дальних сараев, и то горело в четверть силы, так что окружающий это место лес терялся во мраке, создавая ощущение окончательной оторванности от цивилизованного мира.

Наконец любопытство взяло свое, и Саша отправилась на кухню. Она бесшумно спустилась вниз и замерла у двери, рассматривая хлопчущую девушку в Отражении. Кухарка правда была молода, красива — и сломлена. Саша не могла сказать как, но она это ощущала. Какая-то давняя, глубокая боль. Настолько сильная, что невольно вызывала сочувствие просто пониманием того, что другой человек способен пережить такое. Иногда Саша что-то подобное замечала в людях. Серафим, когда она как-то спросила его насчет этого, сказал, что она эмпат, раз способна получить от Отражения такие ощущения. Изнанка позволяла всем узнать многое о текущем эмоциональном состоянии человека или Затронутого, о наложенных на него заклинаниях, о том, владел ли он магией. Но следы, оставленные в душе прошлым, незаживающие раны, разглядеть мог не каждый. Серафим добавил тогда, что он и сам эмпат, и что если ее это беспокоит, то он расскажет, как смириться с такими ощущениями. Больше они никогда на эту тему не говорили. Хотя бы потому, что Саша не хотела знать, что маг мог почувствовать, рассматривая в Отражении ее саму.

Как бы то ни было, проворно стряпающая девушка была свободна от заклинаний и чар. Она была самым обычным человеком, одетым в простой сарафан и с платком, закрывающим волосы на восточный манер.

И в тот момент, когда она развернулась лицом, протянув руку к стоящей на подвесной полке банке с маслом, Саша едва не сделала шаг назад на одних рефлексх. На секунду ей показалось, что на нее смотрит женская копия Азамата, только молодая и куда более худая.

Девушка, явно не ожидавшая увидеть ее в дверях, отшатнулась назад и замерла, опустив руки и опустив взгляд в землю. Молча.

— Прости, я не хотела тебя пугать, — примирительно сказала Саша, ощущая густой страх в Отражении.

— Все в порядке, госпожа.

— Что ты сказала? — Саша решила было, что слух ее подводит.

— Все в порядке, госпожа, — повторила девушка.

— Как... Почему я госпожа?

Что здесь происходит?

— Вы живете в доме господ. Любой Избранный — господин. Если вы в их доме, то, значит, вы в их числе.

Избранные? Что это вообще за чепуха?

В этот момент на сковороде что-то зашкворчало с большей силой. Девушка дернулась было к ней, но из-за того, что она так и не поднимала глаз, движение вышло смазанным и хрупкая ладонь угодила прямо на разогретый металл, вызвав вздох, полный боли.

Саша выругалась про себя. Становиться причиной травмы этой, пусть и странной, девушки она не хотела. Достаточно пацана, угодившего под авто.

Кухарка же теперь несколько неловко спрятала поврежденную руку, продолжая стоять опустив голову.

— Извини, я отвлекла тебя. Давай помогу с ожогом.

— Все в порядке, это все моя неуклюжесть.

— Дай посмотрю.

Саша шагнула ближе, увлекаемая своими ощущениями. Хоть что-то она могла сделать. С болью из прошлого она никак не поможет, но неглубокий свежий ожог по идее было несложно исцелить. Это нарушение Закона... Но здесь, очевидно, это не имело значения. А девушке было больно. Из-за ее, Сашиного, появления.

Та после некоторого колебания вытянула руку, явно боясь, что боль сейчас только преумножится. Ожог был немаленьким, но свежим и не слишком глубоким, хотя, очевидно, болезненным. Саша прикинула в уме и просто влила силу в поврежденную ткань, ускоряя регенерацию в разы. При столь простой травме это вполне возможно без последствий, насколько она поняла из объяснений Серафима и учителей Ордена.

Ожог исчез за пару секунд.

Девушка просветлела лицом, украдкой бросив на Сашу полный обожания взгляд.

— Извини, мне не стоило тебя отвлекать.

— Вы милостивы, госпожа. Дозволено ли мне будет узнать, как вас зовут?

— Александра.

— Красивое имя для победительницы судьбы.

Саша чуть улыбается. Комплимент кажется искренним.

— А тебя как зовут? — она знает ответ, но все же как-то невежливо не поинтересоваться.

— Тамара, госпожа.

— Будем знакомы. И, пожалуйста, не надо стоять передо мной опустив глаза, хорошо?

— Если так пожелает госпожа Александра.

— Желаю.

Тамара с явным усилием поднимает взгляд на Сашу, хотя смотрит на ее лицо буквально пару секунд, а потом переводит взор куда-то в угол комнаты.

— О чем вы секретничаете?

Аня появляется за спиной Саши — и Тамара тут же утыкается взором в пол.

Какого вообще демона? Почему эта девушка ведет себя так, словно общается с членами правящей английской семьи, как минимум? Но что-то Саше подсказывало, что прямо сейчас такой вопрос задавать не стоит.

— Знакомлюсь, — емко отвечает она.

— Прекрасно. Пойдем тогда в столовую, Матвей пришел уже, пообщаетесь.

— Хорошо, иду. Сейчас.

Саша не удерживается и посылает чуть-чуть спокойствия Тамаре. Слабое, неадресное эмпатическое внушение. Скрытое от Ани. Не то чтобы она хочет привлекать внимание. К тому же с гостем в доме.

Матвеем оказывается кряжистый бритоголовый мужчина, один в один походящий на тренера по какому-нибудь единоборству из тех, где ломают уши и кости. Могучий, словно дуб, весящий, наверное, раза в два больше самой Саши, он, к тому же, был единственным магом здесь помимо ее самой и Ани. Вместе с Матвеем за стол, ломящийся от вина и еды, по случаю прибытия нового члена общины, сели высокая блондинка Марина — потомственная ведьма, пожилой сухопарый колдун Аркадий Николаевич и суккуб Валентина, невысокая, чуть пышнотелая и обворожительная настолько, что Саша на нее старалась лишний раз не смотреть. Последней приходит Светлана, мать Ани. Тоже оборотень, как и ее муж.

Это, определенно, самый странный ужин за всю Сашину жизнь. Еда прекрасна, вино — не меньше. Но даже Обращенные рядом, которые только когда-то были людьми, а теперь, умерев, стали сами жить за счет других людей, не смущали ее больше, чем никак не желающее уходить из головы знакомство с кухаркой. Хотя, быть может, это занимало ее мысли потому, что подобные посиделки с незнакомцами всегда вызывали в ней стеснение и смущение, стремление молчать о себе и слушать других. И сегодня Саша, и так устав за день, старалась просто поддерживать светскую беседу и отвечать односложно на все вопросы собравшихся, которым, впрочем, достает такта общаться больше между собой, чем с новоприбывшей.

Расходятся все далеко за полночь. Последней уходит изрядно перебравшая Валентина — и выводит под ручку Сашу на крыльцо и ведет куда-то к сараям. Как-то выходит естественно и незаметно — для всех. Сама Саша приходит в себя только тогда, когда оказывается притиснута к прекрасному телу с одной стороны и бревенчатой стене с другой. Она не успевает возмутиться, как суккуба приставляет ей палец ко рту.

— Тихо, котенок. Я тебя не обижу. Только предупрежу и отпущу. Ты мне нравишься, — глаза Валентины приобретают какую-то манящую глубину. — Открытая. Невинная. Способная сострадать, а это редкость. Ваша кухарка боготворит тебя после двух минут знакомства — я прогулялась по ее чувствам. Ты — редкость в мире. И если хочешь остаться такой же — вали отсюда. Как можно быстрее. Иначе Андрей приручит тебя и через пару лет из зеркала на тебя будет смотреть чудовище. Поверь мне, котенок. И не распространяйся о нашей милой беседе, — суккуба почти целомудренно касается губами Сашиной шеи, и стремительно исчезает, растворяясь в темноте окружающего мира.

А Саша, успокаивая бешено бьющееся сердце, возвращается в дом, где захмелевшие Аня со Светланой не замечают ее отсутствия. Кажется не замечают, хотя взгляд подруга бросает все же довольно красноречивый. Саша благодарит их, помогает убрать тарелки, чем изрядно смущает все это время бывшую на кухне Тамару, и отправляется спать, толком не зная, радоваться или горевать по этому прожитому дню.

И по пробуждению на следующий она прекрасно помнит, как снился ее странный, но до жути реалистичный сон. Яркий и не истаивающий по пробуждению, как это обычно бывает.

Во сне Саша была на чердаке дома Ани. Только за окнами его почему-то расстилался бесконечный лес до горизонта, и никакой поляны с другими домами не было и в помине.

А еще она была не одна. Саша была в центре комнаты, и видела невысокую фигуру мужчины, стоявшего у окна и рассматривающего далекий лес.

Она знала, кто этот человек и меньше всего ожидала его здесь увидеть.

— Отец, — негромко говорит Саша. Мужчина, кажется, вздрагивает от этого обращения и поворачивается к ней. — Зачем ты здесь?

Отец чуть улыбается. Он молод, куда моложе, чем Саша его запомнила. Скорее улыбающийся юный парень с однажды виденного архивного фото, чем уставший от жизни глава семьи.

— А ты мне не рада?

— Рада. Просто... Ты не приходил. Никогда.

— Во снах все не то, чем кажется, Саша. Зачем... Я всегда рядом, помнишь?

Саша сглатывает, даже во сне вспоминая все, что произошло. Сглатывает — и не может задать ни один вопрос. Ни один из тех, что годами вертелся в голове. Отец же продолжает говорить:

— Хотел навестить тебя. Узнать, что и как. Как ты устроилась.

— Хорошо. И странно. Мне страшно здесь, — какой смысл врать во сне? — Все так непонятно. Словно, знаешь, где-то рядом есть чудовище, но я его не вижу. Что-то по-настоящему страшное есть среди этих милых приветливых лю...Затронутых.

— Так всегда и бывает, — отец чуть улыбается, — ты во всем разберешься. Не слишком увлекайся идеями этих ребят, ладно? У тебя есть своя собственная голова на плечах. Всегда была.

Саша улыбается.

— И еще одно — помни, что клятвы мага могут стать петлей на твоей шее, Саша. Никому и ничего не обещай, иначе Изнанка заберет тебя, и никто не сможет помочь.

— Не буду, — что-то промелькивает в сознании Саши. Подозрение. — А откуда ты знаешь, что я маг? И насчет клятв?

Отец чуть улыбается и Саше начинает казаться, что она никогда не видела этого человека. Никогда. Что есть в его мимике, в его жестах — чужое. Словно кто-то напялил маску, натянул образ, но так и не смог слиться с ним до конца. Страх пробегает по позвоночнику.

— Кто ты? — она делает шаг вперед, желая напасть на существо, выглядящее как ее отец. — Что тебе нужно?

— Я — предостережение. И только. Я не желаю тебе зла.

— Убирайся!

— Непременно, — отец-не-отец делает маленький шаг назад, упираясь спиной в оконную раму. — Никаких клятв, Саша. Иначе тебе никто и ничто не поможет.

Саша делает еще шаг вперед, замахиваясь, но ее собеседник растворяется в окружающем мире.

Спустя секунду она просыпается на чердаке.

— Не хочешь поохотиться?

— Что? — Саша резко развернулась, запутавшись в одеяле и едва не свалившись на пол с кровати.

Неожиданный вопрос разорвал мутные сонные образы, и теперь сердце бешено стучало в груди. Саша вертела головой в поисках источника звука. Она ведь жила одна, кто мог что-то говорить? Через несколько секунд она вспомнила, что она вовсе не у себя дома, а на чердаке Аниного жилища в лесном поселении. Через небольшие окна было видно, что рассвет еще не думал заниматься. Но Аня, стоявшая в домашней одежде около приотворенной двери, явно указывала на то, что вопрос Саше не приснился.

В следующий раз надо закрывать замок, а то так и поседеть можно от неожиданности — пронеслось в голове.

— Извини, разбудила. Отец собирается на охоту. Хотел меня с собой взять, но я это не слишком люблю. Не составишь ему компанию? Может, и понравится, развеешься, окрестности узнаешь. А то я обещала с ним пойти, но не люблю я это. Может, хоть не так обидно будет, что без меня. Прости что так, с корабля на бал, но непонятно когда у отца в следующий раз получится, а так ты хоть посмотришь, как у нас развлекаются.

— А я не помешаю? — сон с тем, кто выдавал себя за ее собственного отца, никак не желал покидать разум.

— Во все нет, только поможешь. Не бойся, он не на тебя охотиться собирается, — усмехается подруга. — Пойдешь?

— Ладно, — все равно уже проснулась. Да и в конечном счете благодаря Анне она вообще здесь. — Что-то нужно с собой?

— Я соберу все что надо, ботинки должны найтись. Так что как будешь готова одевайся да спускайся вниз.

— Хорошо. Сейчас.

Сборы не занимают много времени. Саша не из тех людей, кто уделяет внимание всякой ерунде вроде макияжа или масок для лица, тем более в такой обстановке. Да и вещей, которые нужно собирать, у нее нет.

В прихожей Аня вручает ей небольшой рюкзак.

— Еда, вода, спички и спальник, если решишь остаться на ночь где-нибудь подальше отсюда. Спасибо что согласилась. Честно говоря, я не большой любитель таких развлечений. Но отцу нравится. Наверное, всегда хотел мальчика, — Аня зевает. — Он ждет тебя около сараев, Серый не любит сидеть дома. Ладной, пойду досыпать. Удачи.

Саша кивает, надевает не ей растоптанные, но все же более-менее подходящие по размеру берцы, и выныривает в стылую предрассветную темноту. Не то чтобы она опасается оставаться наедине с оборотнем. Но все же. Чудный новый мир. И это предостережение суккубы...

Поляна погружена в туманную дымку. Свет нигде не горит, хотя Саше на секунду кажется, что из крайнего дома за ней наблюдает пышноволосяя Валентина. Но только на мгновение. Анатолий действительно стоит около дальнего сарая. Рядом с ним сидит Серый, при приближении Саши поднимающий на нее внимательный взгляд. На секунду ей кажется, что пес сейчас залает, разрывая спокойную тишину, но вместо этого он только коротко

фыркает и пару раз виляет хвостом.

— Доброго утра, — Саша улыбается оборотню. — Кажется, Серый меня помнит.

Саша и Анатолия, и его собаку видела только раз вчера у шлагбаума, но не на ужине. Оборотень, по словам Ани, не слишком жаловал собственный дом, появляясь там обычно на закате, и то ненадолго и тут же или уходил спать, или отправлялся дежурить. И вчера как раз было такое дежурство. Серый же и вовсе проводил время или с хозяином, или где-то за пределами поляны. Он и сейчас, кажется, не убежал только из-за близости Анатолия, все поглядывая в сторону леса.

— Что, Аня таки тебя вместо себя отрядила? Вот лиса, — усмехается оборотень. — Ладно, идем, коли хочешь. Эй, тихо, — Серый, рванувшийся было к лесу, был остановлен резким рывком поводка. — Не любит он человеческое жилище страсть как. И Затронутых. К людям в селенье может и зайдет, а отсюда все порывается сбежать, если я не держу. Но на охоте прекрасный зверь. Идем, дорога неблизкая.

С этими словами Анатолий крепче перехватывает поводок и отправляется в лес, выбирая одну из тропинок. Саше ничего не остается, кроме как следовать за ним. Некоторое время они оба молчат. Саша попросту хочет спать, а оборотень, кажется, смущен ее присутствием. По крайней мере, в Отражении это ощущается именно так.

— Ты на охоте-то была хоть раз? — Оборотень чуть мнетя. — Ну, на нормальной?

— Нормальной? А какая еще бывает?

— Ну с ружьями и там и всем таким, — второй вопрос оборотень пропускает мимо ушей.

Саша качает головой, не до конца понимая, о чем идет речь. С луками что ли местные охотятся под настроение?

— Значит, в первый раз. Ну что ж. В общем ничего такого, ты ж не селянка какая, чтобы из ружей этих палить. Заклинания какие ваши убийственные знаешь?

Парень отлетает от силы глушилки и приземляется прямо перед автомобилем, водитель которого не имеет никаких шансов затормозить...

— Оглушить могу. Или в сторону отбросить.

— Ну и прекрасно. В том и соль. Со зверем-то посостязаться с тем, что сама умеешь. Если что — ты-то всегда исчезнуть можешь, коль припечет. Пойдем на кабана, он зверь, конечно, не подарок, но больно уж прямой. Главное под разбег его не подставляйся, если в угол загонишь. Вот и весь сказ. Найдем, Серый его гнать будет. Разделимся. Два охотника — вдвое больше удачи. Кто нагонит — тот и бьет. А потом, как водится — мясо, костер, трапеза. И домой пойдем. Вот и все. А Анька пусть сидит в четырех стенах, коль дрыхнуть охота. Кабанятина вся мимо уйдет.

— Я не уверена, что смогу убить зверя, — осторожно говорит Саша.

Оборотень отмахивается.

— Ты не сможешь, так я ударю. Светка одна охотиться любит, а мне в компании интереснее, когда не только я сам зверя гоню. Но с селянами скучно. Вечно эти глаза опущенные и страх, или, напротив, удаль свою показать надеется, думают — Обращу. А Анька, как подросла, теперь нос воротит от охоты, мол, лучше дома посидит книги почитает. Ну, наверное, и правда, не каждого мага это дело — по лесам за зверем гнаться. Но не попробуешь — не узнаешь. Верно, Александра?

Саша только кивает.

— Вот и я так думаю.

Они идут по одной лестной тропинке, сворачивают на другую, потом на третью. Очень скоро Саша перестает понимать, куда вообще идет. Это несколько напрягает. Но напряжение она старается не показывать. К тому же оборотень, несмотря ни на что, вызывал у нее некоторую симпатию. Самый обычный мужчина, к тому же — почему-то уставший, не телом, а как-то по-иному. Уставший по внутренним ее ощущениям, не по внешним признакам. От него не исходило никакой оборотнической «звериной опасности», о которой говорилось в книгах. Самый обычный немолодой сельский житель из тех, кто и баню растопить сможет, и дом построить, и культиватор починить.

Было ли это впечатление обманчивым? Кто знает, кто знает.

Лес вокруг становился все более плотным и густым, тропинки истончались и исчезали, и, переправившись через очередной ручей, Саша поняла, что уже давно просто следует за оборотнем, не пытаясь даже понять, куда они идут в освещенном рассветном солнцем мире.

— Ты это, спрашивай, если что интересно. Я не слишком общителен... — в этот момент Серый дернул поводок, прерывая оборотня. — Так, он взял след. Разделимся. Следи за псом. Если что — встретимся здесь, около воды.

Оборотень отпустил пса, отстегнув поводок от ошейника, и посмотрел на Сашу каким-то одновременно бесшабашным и разом грустным взглядом. И спустя мгновение сделал Шаг. Саша прикоснулась, взгляделась в Отражение, привлекая необычным ощущением от творившейся магии. По Изнанке разливалась дикость, восторг, запах мокрой песьей шкуры и утробное рычание, слышимое разумом, а не ушами.

Оборот. Она никогда не видела его по-настоящему. Говорили, что некоторые сильные и одарённые волшебники сами могли превращаться в зверей, и на одном из занятий Саша видела, как Михаил Ефимович принимал форму черной пантеры. Маг обращался легко, словно перетекая в иную форму. Он лишь опустил на пол класса, и спустя мгновение на его месте уже сидел зверь. Даже в Отражении это было почти незаметно: контуры тела человека подернулись дымкой на один удар сердца, и сложились в иную фигуру.

Оборотень менялся иначе. Саша, даже если не прочла бы в книгах, все равно могла бы утверждать, что ничего общего с оборотом мага это не имело. И даже не потому, что происходило это на Изнанке. Вовсе не поэтому.

Глава южнороссийских волшебников словно за мгновение перетек в иную, созданную его разумом форму. И эта форма могла быть любой. Хоть пантера, хоть кот, хоть бегемот или еж. Чем сильнее маг и чем больше времени он уделял развитию этого навыка, тем больше форм ему было доступно. Любых. Масса, конечно, имела значения, но и здесь сила волшебника торжествовала над физическими законами. Если верить книгам, поистине великие перевертыши могли стать полноценными слонами или обратиться в колибри.

Оборотень же способен был принять только одну-единственную форму. И сейчас Саша прекрасно поняла почему.

С Глубин Отражения что-то потянулось к Анатолию. Что-то так похожее на него — и так отличное. Слово зеркальный двойник, вот только он был кем-то иным, точно человеком. И там, на Изнанке, двойник встретился с оригиналом, начав менять его, яростно и стремительно. Менять, смешивая плоть, кровь и кости, менять, перестраивая по своему вкусу. Менять, обращая в иное создание.

Спустя пару ударов сердца изменение завершилось. Двойник словно бы слился с оригиналом, и сделали Шаг в реальность уже они оба. Около ручья вместо Анатолия стоял на четвереньках крупный волк. Он коротко тьякнул, словно извещая о своем появлении. И,

кажется, подмигнул Саше. А потом бросился бежать туда, где мгновением раньше скрылся Серый.

Девушка вдохнула и выдохнула, стараясь успокоить эмоции. Все это было так... жестоко. И на мгновение тогда, когда Анатолий оказался на Изнанке, но его двойник еще не слился с ним, она ощутила темный, могильный холод. Обращенные — нежить, так говорилось в книгах. Они все уже были убиты в момент Преломления и возродились к жизни вновь. Но до этого дня данная фраза казалась просто строчкой из учебников, не больше. А сейчас Саша видела живого мертвеца. Всего на секунду — но именно так все ощущалась. Зачем Анатолий вообще стал оборачиваться при ней? Поговаривали, что оборотни не слишком любили делать это при свидетелях. Хотя — какая разница? Возможно, ему было все равно, вот и все. Или хотел впечатлить. Или... Неважно.

Иронично — из всех Обращенных только женщины-оборотни могли иметь детей. Живых детей. Как — вопрос был риторический. Но тем не менее могли. Многие считали, что здесь дело в самой природе зверя, для которого размножение — один из важнейших инстинктов. Интересно, каково это — родится в семье мертвецов, будучи волшебником, как Аня? Впрочем, некоторые люди при жизни мертвы куда более, чем Обращенные. По собственной воле убив себя наркотиками, алкоголем или еще чем-нибудь.

Далекий лай вырвал ее из размышлений. Лаяли с надрывом и даже, как Саше казалось, с каким-то обреченным подскуливанием. Она бросилась к источнику звука, продираясь сквозь кусты, отмахиваясь от пауков и стараясь не запнуться об очередную ствол давным-давно упавшего дерева, которых в этой части леса было немало. Саша влетела, ломая молодую поросль, на небольшую поляну и застыла на месте.

Лаял Серый. От страха и ярости. Оборотня нигде не было. А вот на пса надвигался худущий и злющий бурый медведь. Без всяких ошейников, костлявый, словно сама смерть и совершенно точно жаждущий крови.

Сашино появление отвлекло животных друг от друга. Медведь на секунду замер, словно решая, нравится ему больше двуногий или четвероногий, и после короткого раздумья бросился к псу. Но не добежал, на ходу влетая со всей скорости головой в поставленный Сашей барьер. Звук удара смешался с обиженным ревом дикого зверя. Серый метнулся к девушке, стараясь оказаться подальше от разъяренного чудовища. Один барьер медведя не остановил. Зверь вновь начала набирать скорость, теперь желая уничтожить человека. Секунду Саша боролась с импульсом сбежать отсюда как можно дальше, но лишь секунду. Она выкинула еще один барьер, расправляя плетение прямо перед носом зверя. Физический щит не был рассчитан на остановку такой туши, да еще и набравшей скорость — но все же остановил, пусть и в момент соприкосновения заклинания и тела зверя Саша едва не рухнула от резкой отдачи и миг появившейся слабости. Но обошлось, барьер выдержал.

А потом серая молния бросилась из кустов прямо на медведя. Оглушенный повторным столкновением с щитом, косолапый не успел ничего сделать в момент, когда челюсти волка сомкнулись на его горле. Обычному серому зверю такое едва ли было под силу. Но оборотней питало Отражение, и укус их мог пробить не то что шею медведя, но и медвежий череп. Несколько секунд косолапый метался по поляне, тщетно пытаясь избавиться от висящего на нем волка, а потом рухнул, заливая все вокруг кровью. Санитар леса отпустил добычу и завыл, поднимая морду к небесам. А потом потрусил куда-то прочь.

Саша опустилась на корточки, чувствуя, как дрожит и тихо скулит теперь уже не стоящий, а лежащий рядом Серый. Пса, видимо, медведь все-таки успел как-то достать, и

теперь из его разорванного бока шла кровь. Саша безотчетно прислушалась к своим ощущениям, удерживая пса за холку.

Глубокая рана. Но ничего серьезного не задето, только мышцы и несколько кровеносных сосудов. Крупных. Она знала, каким заклинанием остановить кровь и подтянуть рану так, чтобы потом естественная регенерация быстро взяла свое. Но никогда раньше этого не делала. Мелкие ссадины на товарищах не в счет, то было просто дурачество.

Оборотни неспособны исцелять. С такой раной сам Серый может и справиться. А может и нет.

Саша вздыхает про себя и закрывает глаза, улавливая нужное ощущение и нужный образ. Формулы и слова ей никогда не помогали. Только образ, чувство. Впрочем, Серафим говорил, что это вполне нормально. Она ловит желанное ощущение, словно бы отдает мысленный приказ реальности и открывает глаза, вливая в него силу. Позволяя энергии, теплу, зарождающемуся где-то глубоко внутри течь по рукам, по воздуху — и по телу пса. Секунда, другая, и прямо на ее глазах кровь перестает идти, а рана Серого уменьшается едва ли вдвое, затягиваясь тонким рубцом.

Саша устало садится прямо на землю, убирая окровавленную ладонь от бока пса и понимает, что на нее смотрит стоящий совсем рядом оборотень, комкающий в руках куртку.

— Прости, я не хотел тебя отвлекать. Я увлекся погоней за зверем, — Анатолий морщится, — и вон что вышло.

— Медведь — ваша добыча.

— Наша, — качает головой оборотень. — Я мог и не успеть его убить. Шатуны здесь редкость, и я не искал его, искал кабана и упустил. Серый — мой друг, — Анатолий сам садится на корточки. — Удивительно верное и умное создание. Охота захватила мой разум. Такое бывает нечасто, но бывает. Я приношу свои извинения.

— Все закончилось, — Саша знала, что потом эмоции догонят ее. Наверное. Но сейчас она чувствовала удовлетворение. Словно не оборотень перегрыз горло шатуну, а она сама убила того зверя, что преследовал ее совсем в другом лесу. Наконец-то.

— Мало кто от шатуна не сбежит, — с уважением говорит оборотень. — Грозный зверь. Если спину подставишь — то жизни лишишься. Так вообще со всем зверьем. Пока в лицо смотришь — можешь сражаться, как побежишь — чуют страх и вонзают в спину зубы.

Он говорит рваными фразами, и только сейчас Саша понимает, что тот самый двойник в некотором роде и есть Анатолий. Они неразделимы, и именно зверь поддерживает жизнь в человеке. В Обращенном. Понимает, что адреналин бежит по жилам оборотня, чей двойник еще совсем недавно видел лишь близость зверя и искал одну только возможность вонзить в него клыки, бежит по венам существа, только что убившего царя леса, которому веками поклонялись и которого веками задабривали люди. И что дразнящая разум ярость течет и по ее собственным жилам.

Пусть охота вышла не совсем такой, как предполагалась — могучая добыча была повержена, и, в итоге никто не пострадал. Рана Серого медленно покрывалась свежей кожей. Через пару дней о ней напомним только шрам под мехом.

Саша кидает взгляд на медведя.

— А с ним что? Оставим здесь и пойдем искать кабана?

— Зачем? — удивляется оборотень. — Сниму шкуру, мясо поедим и поджарим, с собой возьмем, часть на Дальний рубеж отнесем, а остальное пусть звери лестные глодают. Зачем кабан, когда есть медведь?

— И то верно, — Саша против воли улыбается. Кажется, охотничий азарт короткой схватки разогнал все страхи и тревоги, жившие в ее разуме последние дни.

— Пойдем, покажу как зверя свежевать, — оборотень достает из рюкзака нож с широким лезвием. — Вдруг пригодится когда, навык-то полезный.

После короткого колебания Саша кивает. Не то чтобы она правду считает, что ей это когда-нибудь понадобится. Но увидеть, как зверь из кошмаров перестает существовать, она точно не против.

— Ты готова? — на чердаке появилась голова Ани.

— Смотря к чему.

Саша отложила книжку по каким-то весьма архаичным целительским чарам, одолженную у виденного с утра Анатолия. Зачем оборотню книга по целительству, которым их племя никогда не владело, она не имела ни малейшего понятия. Но какая, в сущности, разница? Читать все равно было интересно, пусть о значении некоторых слов можно было только догадываться.

— Обновление щита. Скоро закат.

— Тогда — да. Какие-то условия?

— Да никаких, — Аня пожимает плечами. — Сам по себе ритуал простой как три копейки, ничего ни чертить не надо, ни говорить — тебе. Отец поведет, а мы силу вливать будем. И кровь.

— Кровь? — Саша насторожилась. Ритуалы на крови могли обернуться неприятными последствиями для тех, кто их проводил.

— Расслабься, — Аня наконец поднялась на чердак целиком. — Кровь нужна на ритуальный камень, он у нас центр защиты и аккумулятор энергии, сам на чары выберет сколько надо. А то без этого полночи проторчим. Не переживай — не скормлю я тебя щитам. Ты — нормальная, Саш, пусть и не из наших. Пока.

— Нормальная? Это комплимент?

— Пожалуй, — Аня усмехается. — Я помню, что ты не стала панику поднимать, когда мы с тобой Раинскую видели.

— Кого?

— Надежду Раинскую. Ну, помнишь, ту женщину с ребенком, что придурок Азамат глуханул?

— А. Да. Она здесь?

— Была. Пообщалась с Андреем и уехала куда-то в Абхазию. Но, надеюсь, что не пропадет. Малой ее — человек, но всякое в жизни бывает.

— Человек, говоришь... Слушай, — Саша еще вчера спросить хотела: — я так смотрю, тут почти все — Обращенные?

— Ну да. Маги только мы с тобой, да Матвей с Андреем. Ну что, идем? Отец все подготовил, пора.

— Идем, — Саша поднимается, откладывая книгу в сторону, провожая взглядом спину отправившейся вниз Ани.

Почему-то ей показалась, что подруге не слишком понравился этот вопрос.

Ритуальный камень находился на некотором удалении от жилой поляны. По дороге к нему Саша успела пройти и берегом реки, и несколькими лесными тропами. Хотя в итоге они с Аней все равно вновь вернулись к реке, переправились через нее по бревенчатому мосту и взобрались по почти отвесной и малозаметной тропинке прямо на вершину лесистого холма.

— Пришли, — объявила Аня, когда они, наконец, достигли очищенной от растительности площадки под соснами, смотревшимися здесь на удивление органично, хотя нигде больше вокруг вечнозелёных деревьев Саша не видела.

Подруга могла бы ничего и не говорить. Саша и так ощущала нахождение совсем близко необычного, словно бы живого, сосредоточия огромной силы. Она бросила взгляд через Изнанку и усмехнулась про себя. Камень и правду был центром защиты — и при том находился за ее пределами. Занимательное колдовство маскировало его присутствие и назначение, но все же Саша хорошо различала тянущиеся от купола за рекой ниточки силы. Судя по всему, кто-то использовал принцип подобия, и в центре купола где-то на земле был еще один камень, брат-близнец этого, испещренного линиями и символами. Только меньше и куда менее заметный.

— Интересное решение, — пробормотала она.

В тех немногих книгах, которые Саша успела прочесть по защитным ритуалам, говорилось о том, что такие ритуальные предметы для фокусировки вливаемой силы проще было располагать прямо под куполом чар, которые они должны были питать, а не в сотнях метрах за ними.

— У нас не слишком много жилого пространства, как ты видела. А иметь ритуальный камень под домом... Уволь. Слишком много активных чар, ретранслятор на них не реагирует, а если жить около этой дуры, то будет все вытягивать фоном, проверяли как-то давно еще, — Аня только поводит плечом. — Так что приходится изворачиваться. Не растягивать же купол на сотни метров, так нас из Краснодара видно будет. К тому же эта штука тут давно, очень давно, как старожилы говорят.

— Выглядит и правда как нечто весьма старое... Что мне делать? — Саша обращается больше к стоящему около камня Анатолию.

Оборотень, кажется, светится в темноте. Но это иллюзия, на самом деле. Игра воображения. Анатолий протягивает им по ножу.

— Встаньте слева и справа от меня и порежете руки, когда я скажу. Сначала Аня, потом Александра. Да и все. Вроде, — Анатолий достает из кармана какую-то бумагу и сверяется с ней. — Ага, все.

— Э... Не хочу показаться невежливой, — осторожно начинает Саша

— Валяй, — отмахивается оборотень. — Я привык уже. Обращенный, как-никак.

— Я ничего такого ввиду не имела. Просто как-то непривычно участвовать в непонятном ритуале без четкого знания о том, что и как нужно.

— А... — оборотень чуть поворачивается к ней, указывая на лист. — Андрей нормально все описал. По сути камень сам все сделает. Нужно мне к нему обратиться — а вам дать силу, и весь сказ. Через подобие сила вольется в купол защитный и обновит чары. Ты ведь не против?

— Нет, — она уже согласилась все-таки. Не отказываться же теперь.

— Ну и чудно. Ладно, давайте, — оборотень положил одну руку на камень, а второй продолжил удерживать развернутый лист. — Становитесь.

Аня уверенно занимает оговоренное место, и Саша даже завидует этой уверенности. Никогда она не думала, что впервые поучаствует в ритуале, проводимым оборотнем, который собирается читать воззвание по бумаге, и все будет происходить у камня, больше всего похожего на древний жертвенный алтарь, в глухом лесу на окраине мира.

Но отступить было некуда. Ладно хоть этот странный сон вроде был не о ритуалах, а о клятвах. Хотя и без сна она не собиралась никому не в чем клясться. Пока.

Саша становится на предложенное место, и Анатолий начинает читать. Какой бы это ни был язык — она его не знает. А вот камень, похоже, очень даже знает, ведь с первыми

звуками что-то внутри него начинает пробуждаться. На Изнанке это выглядит завораживающее, словно внутри чего-то живого начинает медленно, но с ясным ритмом, биться сердце, и стук его гулко резонирует во втором, подобном камне в отделении. Анатолий читает все быстрее и быстрее, и быстрее бьется каменное сердце. Ускоряется и ускоряется, пока оборотень не срывается на крик. Аня одним отточенным движением режет ножом руку. Саша повторяет за ней, замороженная стуком каменного сердца. Она тянется окровавленной ладонью к этому вовсе не артефакту, но живому существу, тянется с благоговеньем и страхом. И в тот момент, когда Саша касается теплой, почти горячей поверхности камня, на секунду ей кажется, что она сама стала этим существом. И его далеким двойником под сараем на поляне. И щитом, на деле даже не одним, а двумя линиями защиты в сотнях метров друг от друга вокруг поселения. И лесом на многие километры на север, юг, запад и восток от крошечных человеческих жилищ и еще более крошечного, но разом и такого большого каменного сердца. В этот миг она знает все о двухслойном защитном куполе, все о его чарах, все об обитателях всех домов на поляне, живших и живущих. Как будто Изнанка расступилась и отдала ей все накопленные знания. Все — даром.

Почти даром, ведь камень словно бы припадает к ее руке, впивается невидимыми зубами — и Саша чувствует, как начинают неметь ноги, как стремительно расплывается мир и как усталость наваливаться все сильнее и сильнее с каждым ударом пульсирующего каменного сердца. Аня падает на колени совсем рядом. Саша удерживается на ногах, хотя с каждым вдохом дается это ей все тяжелее и тяжелее. Перед глазами темнеет, и ей кажется, что она сейчас упадет прямо на каменный алтарь. Но ощущение близости обморока едва касается ее разума и исчезает с быстро стихающим сердцебиением камня.

Саша делает несколько глубоких выдохов, чувствуя себя усталой. Очень, очень усталой. Настолько, что хочется лечь спать прямо здесь и сейчас. Но, по крайней мере, усталость больше не усиливается. Наоборот, теперь, когда камень больше не пьет ее, мир с каждым вдохом становятся все четче и четче.

Аня со стоном поднимается с колен, ругаясь себе под нос. Сердцебиение древнего каменного артефакта утихает, и вся его жизнь на Изнанке исчезает вмиг, хотя Саше и кажется, что что-то еще теплится в ее глубине, что-то древнее, величественное... И теперь словно бы как-то связанное с ней самой. Но так кажется только на миг.

Слова возвания, пробудившие камень ото сна, давно растаяли в воздухе, и теперь в уже подкравшейся ночной тишине Саша переводит взгляд с осунувшегося на вид оборотня, убиравшего в карман бумагу с записью возвания, на хмурящуюся Аню.

— Не надо было до последнего тянуть, — устало говорит подруга отцу. — Чуть до дна не выпил, гад. Вроде и чары на куполе без выпендрежа, а все равно жрет он прорву сил. И так каждый год, хорошо хоть в следующий раз кому-то другому с этим разбираться.

— Ничего. Все обошлось. И без Матвея, — Анатолий оборачивается к Саше. — Я буду очень признателен, если Андрей ничего об этом не узнает. Никогда.

Саша кивает, пытаясь как-то увязать вместе все, что она ощутила, прикоснувшись к камню. А узнала она очень и очень много.

Например то, что ее сила растворится в глубинах этого сложнейшего артефакта, станет просто энергией, и никто не узнает, что именно она вплетена в купол. Или то, что этот камень с его двойником древнее их всех трех вместе взятых. Древнее вообще всех в «Свободе». Древнее даже страны и предков народа, живущего вокруг. И наконец то, что

большая часть собираемой в этом месте энергии идет вовсе не на подпитку защитного купола. Совершенно точно нет. Ее некто попросту забирает в свое личное пользование. Ну и то, что все, живущие на поляне боготворят и боятся некого могущественного мага, чье имя она наверняка уже не раз слышала.

— Без проблем. Я понятия не имею, что из себя представляет этот Андрей, но сюда меня привела ты, — Саша улыбается Ане. — А не он.

— Ну и прекрасно. А теперь идем спать, я ужасно устала.

Возражений у Саши нет. Она не только устала, но и хочет оказаться в одиночестве и попытаться разобраться со своими впечатлениями. Еле переставляя ноги, она добредает до чердака и проваливается в переплетение незнакомых образов. Не то сон, не то лихорадочные видения затмевают реальность и стремительно подхватывают ее разум, унося куда-то в бесконечную даль.

Саша стояла у камня. Вокруг на многие километры простирался бескрайний дубовый лес, хотя совсем рядом могучие вековые сосны распространяли неповторимый аромат хвои. Через верхушки деревьев пробилось далекое, неяркое солнце. Сейчас, кажется, оно стояло высоко. Возможно, это лишь иллюзия, потому что все вокруг словно бы терялось в какой-то легкой дымке, которую порой в иных местах можно было увидеть на рассвете, хотя Саша и была уверена, что здесь рассвет давно миновал. Так же как она была уверена, что нигде вокруг кроме нее никого нет. Вообще никого не просто рядом, а вообще в целом мире.

Саша перевела взгляд на исчерченный глубокими бороздами камень рядом. Сейчас ничего в нем не пульсировало и не билось и, кажется, вовсе не жило. Но и назвать его просто куском породы было решительно невозможно. Это был мертвый, совершенно мертвый камень, и он был настолько монументальным в своей смерти, настолько постоянным и настолько непоколебимым, что в некотором роде составлял опору миру вокруг. Словно он был не камнем, а по чьей-то прихоти вышедшим на поверхность осколком ни много ни мало самой настоящей Мировой Оси. Если она, конечно, вообще существовала.

Вокруг было тихо. Совсем тихо — птицы не пели, никто не шуршал листьями, даже легкий ветерок не колыхал кроны деревьев. Хотя неожиданно Саша вовсе не находила это тревожным. Скорее — нездешним. В этом лесу не было звуков, и такова была данность. И точка.

С некоторым недоумением девушка обнаружила, что стоит голыми ногами на приятно-мягком мху. Куда делись привычные кроссовки она не имела ни малейшего понятия. Но прикосновение ступней ко мху было столь приятным, что сейчас обувь казалась самым глупым изобретением человечества.

Саша оказалась здесь из-за камня. Камень позвал ее. Сейчас она явственно ощущала, что на самом деле нет подобия, нет ретранслятора-близнеца, бывшего лишь простеньким изобретением недалеких людей, ненужным, как не нужен дрессировщику домашний кот, когда в наличии саблезубый тигр, древний и могучий. Нет вообще больше ничего в целом мире важного. Просто один древний ритуальный камень, напитанный силой и совершенно к этой силе равнодушный. Но что-то в этом расчерченном линиями булыжнике притягивало ее, не давая отойти назад. Наоборот, вместо этого Саша сделала пару небольших шагов, несмело приближаясь.

Девушка почти касалась пальцами прохладной шероховатой поверхности, всматриваясь в узоры на ней. Вблизи камень казался еще более мертвым. Ничто не пульсировало у него внутри, не бились переплетения магии, не завихлялись потоки энергии. И это почему-то успокаивало. Камень был мертв тогда, когда она еще не родилась. Когда еще не родилось ни одного человека, когда даже людские предки не слезли с деревьев, когда первые млекопитающие не выросли больше грызунов в траве, когда первые звери еще плескались в море. Камень был мертв тогда и будет мертв после, когда все иное забудется. Недвижимый, монументальный. Что бы и кто бы ни сделал с ним.

Саша прикоснулась ладонью к приятно-холодной изрезанной поверхности, пробежала пальцами по углублениям ритуального рисунка. Сейчас она с легкостью могла сказать, что значат эти символы, кто и для чего их вырезал. Разные люди разных верований на разных языках многие жизни, многие века поклонялись этому камню, питывали его своей силой и

верой где-то в ином, другом мире. Здесь же это был просто камень, приятный на ощупь и монументальный настолько, что рядом с ним любые заботы и тревоги казались крошечными и незначительными.

Саша провела рукой по одной из линий, прослеживая ее от начала и до конца. Узор в узоре, почти незаметный. Кто-то из людей мог забирать те силы, что жертвовали этому камню. Забирать втайне от всех и использовать в своих целях. Самому камню было все равно. Он был холоден и приятен на ощупь, и сейчас Саша была уверена, что между этим мертвым куском породы и ей самой есть какая-то необъяснимая связь. Вовсе не пугающая, скорее — успокаивающая. Связь с центром мироздания, с мировой осью, с тем, что гармонизирует мир на километры вокруг. Это казалось какой-то первоосновой всего и всего. Чем-то несущим приятный покой.

Так что она даже и не вздрогнула, когда на поляне появился приличного размера серый волк. Подошедший бесшумно, словно возникнув из ниоткуда, красивый зверь с мудрыми голубыми глазами подошел к ней и уткнулся носом в бедро.

— Хочешь, что бы я тебя погладила?

В окружающем тихом мире слова казались не слишком уместными. Но все же зверь уловил их и потерся мордой о ногу, словно в знак согласия.

Саша коснулась теплого густого меха. Зверь казался ей странным образом связанным с камнем. И с ней самой, если на то пошло. Голубые глаза смотрели внимательно и с необычным для дикого животного теплом. Волк терпеливо сносил ласку, только чуть поворачивая морду и продолжая рассматривать девушку. Его стоящие торчком уши делали грозного зверя похожим на одного дворового пса, который в глубоком детстве был частым товарищем Саши по играм. С ним ей всегда было комфортнее, чем с другими детьми.

Зверь чихнул и обернулся в сторону, словно видя там что-то, при том не подавая признаков тревоги. Саша обернулась следом и заметила, что в одном месте окрестные высокие деревья расступились, образуя проход куда-то вниз по склону холма. Откуда тут появилась тропинка, она не знала. Камень тоже не знал. Но никакого вреда от нее не было. Тропинка просто существовала.

Волк гавкнул, совсем как тот дворовый пес, вильнул хвостом, и, вывернувшись из рук Саши, потрусил к тропинке. Он остановился на полпути и кинул словно бы приглашающий взгляд.

— Хочешь, что бы я пошла с тобой?

Волк еще раз гавкнул и вновь помахал хвостом.

— Приму это как согласие.

Саша бросила взгляд на камень. Все такой же спокойный и недвижимый. «Немертвый» — почему-то пронеслось в мыслях. Смерть есть для живых. Он выше этого. Он просто недвижим — и таковым будет. Веками. Был до нее — и будет после.

Почему-то знание об этом иррационально успокаивало. Этот камень был центром здешнего мира, и Саша сама была как-то причастна к нему. На миг она ощутила себя такой же монументальной и недвижимой, игнорирующей любую возню зверей, растений и разумных вокруг. Не из высокомерия, а просто потому, что камню никто из них неспособен причинить никакого вреда.

Она моргнула, ощущая, что не желает больше становиться каменной статуей. Наваждение распалось — она вновь была Сашей Неродовой. Но отголоски чувства совершенной неподвижности, монументальности, неуязвимой целостности поселили в душе

странный, иррациональный покой.

— В этом месте никто не причинит мне вреда, — неожиданно для себя Саша говорит это вслух.

Слова теперь вовсе не кажутся неуместными. Скорее, наоборот, правильными. Для этого мира она столь же монументальна, как и камень, и столь же важна. И ничего здесь не представляет опасности для нее. И подтверждение тому — глубокое понимание во взгляде волка.

— Веди.

Саша ступает по мягкому мху, ощущая босыми ступнями каждый древесный корень, идя след в след за своим мохнатым проводником. Босоноготь вовсе не причиняет дискомфорта. Наоборот, неширокая тропинка, сплошь заросшая мхом, кажется покрытой приятнейшим на ощупь ковром с глубоким ворсом. Деревья словно расступаются перед Сашей и волком и смыкаются за их спинами. Но ее это не пугает. Она просто идет за проводником, наслаждаясь спокойствием и мягким мхом под ногами. Тропинка приводит их на крошечную полянку, через которую течет довольно широкий ручей. Он вовсе не беззвучен — тихий плеск воды ласкает уши. Здесь, кажется, даже дует ветер. По крайней мере, Саша слышит шелест листьев. Да и свет солнца пробивается через кроны куда увереннее, чем раньше.

На другом конце поляны стоит человек. За его спиной лес темнеет, и черные одежды незнакомца кажутся естественным продолжением этой темноты. Невысокий, худой мужчина в черной рубашке и черных же штанах несет на себе множество плетеных браслетов и ожерелий. Он также бос, хотя мха на его стороне поляны и нет.

Он здесь гость — Саша ощущает это буквально всем своим существом. Гость, пришедший из темного леса. Гость, целиком и полностью находящийся в ее воле.

Волк садится рядом, прижимаясь мордой к ее ноге. Саша не боится человека в черном — здесь, на своей земле. Камню он не причинит вреда, а она — тоже камень.

— Кто ты? — вопрос падает в воздух и словно бы нехотя перебирается через ручей.

— Гость. Вестник, — голос мужчины повсюду — и нигде.

— Зачем ты здесь?

— Прошу разрешения войти, — мужчина склоняет голову. — После я расскажу зачем пришел.

Саша делает глубокий вдох и отступает назад. Волк становится перед ней, скаля зубы. Через ручей напротив Человека в Черном сам собой возникает мост из поваленного бревна.

Человек переходит. Его присутствие неприятно, ведь это место должно быть пустым.

— Я в твоей власти, — Человек в Черном склоняет голову. Теперь его голос — голос мужчины средних лет, пусть губы и не всегда двигаются в такт словам. — Если прикажешь, твой зверь меня уничтожит. Я не причиню вреда. Я просто пришел поговорить.

— Говори.

Человек в Черном присаживается на землю, опускаясь на колени. Саша садится напротив, складывая ноги на турецкий манер.

— Кто ты — посланник или послание? — вспоминает она давным-давно прочитанную фразу, кажущуюся сейчас восхитительно уместной.

— И то, и другое, — довольно странно смотреть, как слова слетают с невпопад двигающихся губ. Человек замечает ее взгляд. — В этом мире я таков, каким ты меня хочешь видеть. Но рассказываю я то, о чем ты не знаешь.

— Я слушаю, — Саша чуть улыбается в тот момент, когда волосы мужчины разом отрастают до плеч. Так лучше. Она так хочет.

— Камень. Ты дала ему силу — и взамен получила силу. Знания. Не бойся их, но и не пытайся разобраться сейчас. Пройдет время и твой разум сам с ними разберется.

— Откуда ты знаешь?

— Я многое знаю, — Человек в Черном пожимает плечами. — Я посланник и послание Камень признал тебя своим хозяином.

— Что?

— Камень признал тебя своим хозяином. Это древний менгир. Место, много сотен лет назад пробужденное сложными ритуалами. Менгир, наделенный некогда жившими здесь людьми подобием инстинктивного разума. Души, если хочешь. Во времена, когда строили дольмены, а о римской цивилизации никто не знал, здесь уже жили люди и творили волшебство. Но так сложилось, что этот камень признает лишь сильного. Самого сильного из ныне живущих и касавшихся его. И того, в ком есть нужная ему кровь. Тебя он признал, пусть на настройку могут уйти годы.

— Самой сильной?

— Да. Камень видит потенциал. Он не ощущает ни возраста, ни знаний. Таким его создали. Не бойся его, но помни, что до тебя он признавал другого человека.

— И что теперь будет?

— Тебе решать. Для начала — позволь разуму разобраться с образами. С воспоминаниями. Потом, быть может, жизнь сама подскажет. Но если понадобится — ты можешь зачерпнуть силу из камня, силу, что хранил там предыдущий его хозяин. Но он об этом узнает, так что будь осторожна. Не торопи события и не рассказывай никому о том, что видишь. Это может быть опасно.

— А тот, другой... — речь ведь шла об Андрее, так? — Он сможет понять, что произошло?

— Не знаю. Я не всеведущ. Но, думаю, по крайней мере — не сразу. Не нужно с ним ссориться. Потенциал — это еще не все. А ты пока мало знаешь и мало умеешь. Очень мало. Но если понадобится — камень отдаст тебе силу. Иногда силы достаточно для решения проблем.

Саша медленно переваривала услышанное.

— Зачем ты говоришь мне все это?

— Потому что могу. Потому что иначе ты можешь решить разобраться со всем, что отдал менгир. И тогда прошлое, настоящее и будущее переплетутся в твоем разуме в неведомое полотно, сменяя твою личность и разрушая ее бременем бесконечного чужого знания. Я не желаю тебе зла, но хочу предостеречь от такого исхода.

— Спасибо, — тихо говорит Саша.

Саша не знает почему, но присутствие гостя здесь напрягает ее все больше и больше. Потому что этот мир должен быть пуст. Должен быть пуст. В нем должна быть только она. Желание прогнать чужака все сильнее и сильнее, и благодарность дается тяжело, ведь вместо этого хочется вышвырнуть гостя прочь. Но сказанные слова, кажется, проясняют что-то в голове.

Человек в Черном чуть улыбается.

— Мне нельзя долго находиться здесь. Так что с твоего разрешения я покину это место.

Саша кивает с огромным облегчением, почти борясь с желанием просто выбросить

«лишний элемент» за ручей одной силой мысли.

— Не пытайся ни в чем разобраться специально. Дай своему разуму время, а потом нужное само окажется на его поверхности, — на прощание говорит гость и почти бегом удаляется по бревну куда-то в сторону темного леса, растворяясь на опушке в его непроглядной черноте.

Саша же остается глядеть ему вслед. Что-то смутно знакомое было в его образе, что-то разом точно узнанное и бесконечно ускользавшее от ее внимания.

— Мы с тобой снова одни.

Она треплет волка, явно расслабившегося после ухода Человека в Черном, по шерсти. И неожиданно сама для себя ложится прямо на покрывающий поляну мох, смотря в небо. Здесь совсем не жарко, но и не холодно. Плеск воды в ручье постепенно подхватывает мысли, как и мерное дыхание волка, решившего прилечь у ее бока. Она — камень. А камень хочет просто лежать и созерцать мир, быть с ним единым целым. Целым. Гармоничным. Ни на чем не сосредоточенным и ничем не волнуемым.

Теплый ветерок ласково касается ее кожи, и Саша медленно погружается в это приятное ощущение, засыпая.

Позади кто-то наступил на сухую ветку с громким щелчком.

Саша, до того сидевшая на стволе могучей сломанной осины и наслаждавшаяся журчанием реки и звуками леса вокруг, едва не подпрыгнула на месте. После ритуала ее мысли то и дело уносились куда-то вдаль, не принося, правда, с собой обратно ничего путного, и сосредоточиться хоть на чем-то стало совершенно невозможно. Хотя больше ощущение лихорадочных видений, наполнявших разум, не приходило. После странного сна с Человеком в Черном и волком она проснулась полностью восстановившей силы. И с тяжелой, гудящей головой. Пусть образы поблекли, а чувства притихли, Саша буквально физически чувствовала, с каким натужным скрипом вращались жернова ее сознания, медленно перемалывая, переваривая и позволяя в конце концов усвоить все увиденное и услышанное каким-то собственным способом. Может это было и лучше, чем выхватывать те или иные случайные образы или пытаться присмотреться к ним. Но, увы, все прошедшее с того утра время голова нещадно болела. И ладно бы только это. Любая нагрузка заставляла мозг кипеть, как перегретый чайник, а лишний пар устремлялся в небеса, захватывая с собой сознание. Рассеянность ее отметила даже Аня, когда Саша вдруг остановила взгляд на потолочной балке прямо посередине разговора, отвлекшись на какой-то промелькнувший образ и с головой уйдя в себя.

Кажется, камень рассказал ей столько всего, что уложить это в сознании было возможно только ни на что не отвлекаясь. Промчавшись пару дней попытками все же осваивать книги из библиотеки Ани и слушать ее объяснения бытовых чар, Саша объявила решительный перерыв от бесплодных занятий и сбежала с самого утра в лес. Ничего не делать. Просто сидеть в одиночестве.

Как ни странно — это, кажется, помогло. Ну или хотя бы здесь ее блуждающий взгляд никого не смущал. Просто потому что сюда никто не забредал, ведь небольшой причал, с которого ловили рыбу желающие из живущих на поляне, был отсюда дальше, чем в часе пути.

— Александра, приглашаю выпить, — раздался позади смутно знакомый голос.

Никто вроде бы не заглядывал в такое отдаленное и ничем не примечательное место. И, тем не менее, суккуба с компактным рюкзаком за плечами стояла всего в паре метров позади нее и никуда уходить не собиралась.

— Что, простите?

— На ты, — отмахивается Валентина. — Приглашаю выпить. Коль по какому-то стечению странных, мать его, жизненных обстоятельств ты оказываешься здесь в тот самый единственный день, когда я прихожу сюда, то это просто невозможно игнорировать. Так что давай, не стесняйся.

Она пьяна, неожиданно понимает Саша, и неслабо.

Ее первый порыв — отказаться, решительно и резко. Но спустя секунду Саша неожиданно понимает, что за пьяной полуулбышкой Валентины в Отражении скрывается глубокая, тяжелая тоска. Тоска по чему-то...по кому-то. В голове Саши словно проносятся образы. Воспоминания — принадлежащие не ей. Отражения Изнанки, подсмотренные в миг слияния с ритуальным камнем. Образы смутны, но в них скользит знакомое чувство потери.

— Не бойся, котенок. Я тебя не трону. Но коль ты здесь, то это повод выпить. Не

обижай меня, красавица.

Саша чуть улыбается. Пьяная суккуба — не лучшая компания, вот уж точно. Но просто сбежать ей почему-то кажется невежливым.

— Есть только совсем немного.

— О, да не вопрос, — суккуба подходит несколько неровными шагами к дереву, скидывает с себя ношу и сама забирается на кору недалеко от Саши. Из рюкзака показывается бутылка с прозрачной жидкостью. И стакан, который Валентина осматривает, и, налив туда водки, протягивает Саше. — Я из горла попью, держи. Может оно и хорошо, что ты здесь. Как знать.

— Если я мешаю...

— Да нет, котенок. Ты забавная. Я тебе вроде говорила это уже после того прекрасного семейного ужина. Кажется. Новая кровь, знаешь. Если бы тут был этот чертов Антон или кто-то из блохастых — пинками бы погнала. А так... Пей. За одного хорошего человека, которого ты не знаешь. Просто пей — и все. Не чокайся.

И с этими словами Валентина делает широкий глоток. Прямо из бутылки.

Саша медленно моргает и отпивает чуть-чуть из стакана. Жидкость опалает нутро, но всего на секунду.

— А ты и не морщишься. Уважаю, — усмехается суккуба. — И не боишься. Это забавно. Обычно все вы, маги, паникуете рядом с нами. Не с блохастыми, не с кровопийцами, не с этими высокомерными ублюдками, что ради силы собственного ребенка кому хочешь продадут, а с нами. Потому что мы можем к вам в душу заглянуть — и не спасет ничего, никакие ваши щиты. А ты не боишься.

Саша чуть пожимает плечами. На общем курсе рассказывали, что суккубы и инкубы обладали даром к исключительно глубокой эмпатии и были способны читать эмоции даже сильного мага через все щиты. Но ее чувства и так всегда были написаны на лице. Всю жизнь, сколько она не пыталась их прятать. В школе она еще старалась сохранять невозмутимость во время драк и оскорблений, дома держала себя в руках во время ссор и скандалов. Но в итоге все равно не было никакого смысла пытаться что-то скрыть. Смеяться она умела только громко, злиться — разрушительно, одна драка с Азаматом чего стоит, и расстраиваться, особенно смотря фильмы или читая книги — до слез. И любые попытки этого изменить ничего не дали. Эмоции все равно приходили, сколько ни старайся их остановить. Не в день очередной пощечины от мира, так в ночь после. И в конечном счете Саша попросту отказалась пытаться что-то изменить, стараясь переживать все подальше от других, а если не получалось... То какая разница. Людям все равно не будет комфортно рядом с ней — все прошлое показывало это с неотвратимой серьезностью. Тогда и не стоило пытаться угодить им, наступая на собственную песню.

— Мне нечего скрывать. Я не хочу казаться кем-то другим и не пытаюсь надеть на себя маску.

— Ой, не смейся. Мы все носим маски. С мое поживешь — поймешь. Ты — поймешь точно.

— Почему я точно пойму? — любопытство берет верх. Неожиданно Саша понимает, что Валентина ей нравится. Наверное, в каком-нибудь ином мире они могли бы дружить. Хотя бы потому что и она не пытается притворяться.

— Ты много видишь, котенок, — суккуба выпивает еще глоток. — Сама пока не понимаешь что к чему, но видишь ты куда больше чем остальные. А тот, кто многое видит —

многое и может. Я такие вещи хорошо замечаю, в отличие от блохастиков и кровопийц. Никто тебе об этом не скажет, котенок. Все тут прикидывают, как тебя можно использовать. Блоховоз вон заставил ритуал проводить. Понравилось?

— Ничего не было...

— Ой, да перестань, тоже мне секрет. Ну по крайней мере — для меня. А то я не знаю, что семейка твоей подруги в жизни и в смерти не наскребла сил обновить щиты, и что Андрей им это поручил только для того чтобы проучить. Все в курсе. Как и то, что им это удалось — мы-то не слепые. Это ты пока ничего не видишь. Сожрут они тебя.

— Они дали мне кров. Дали возможность здесь быть.

— И думают, как бы получить с этого побольше. Ты, Александра — свежая кровь. Не как мы. И твое появление как удар по осиному гнезду. Жужжат осы, жужжат. Беснуются. Жалко мне тебя, котенок.

— Что? — этого Саша меньше всего ожидала услышать от суккубы.

— Жалко. И да, не надо тут проповедей, что жалость развращает. У тебя все впереди, а будешь гнить в этом болоте, если в ближайшие дни не возьмешь себя в руки и не свалишь отсюда.

— Но почему я должна уходить? — хмель медленно забирает разум, и все сказанное суккубой кажется каким-то очень искренним. Но Саша не уверена — это Отражение или ее собственное воображение.

— Пей, котенок. Я тебе расскажу одну историю — а ты сама решай, что ответить. Все равно кто захочет — узнает о нашем разговоре, и кто поймет — тот поймет, а на остальных мне плевать. Простая это история, волшебница Александра. Когда-то в славном городе Н., жила-была девочка. Не красивая, не уродина, не умница, но и не глупышка какая. Обычная девочка. Самая простая. И однажды на танцах повстречался ей мальчик. Красивый мальчик. Очень красивый. И танцевать звал, и слова разные говорил, и касался так нежно-нежно. Девочка тогда даже и не знала, чем и как родители-то под одеялом занимаются, не то что сама бы пробовала. И девочка в мальчика влюбилась. С головой, по уши, до дрожи в коленях. Только мальчик оказался не простой. Рассказывал небылицы всякие о неземных наслаждениях, да попробовать предлагал их. Без разных там порошков веселящих. Девочка упиралась, упиралась — да согласилась. И было это волшебно, упоительно, бесконечно. А на утро мальчик исчез — как в воду канул. А девочка поняла, что что-то в ней изменилось. Навсегда изменилось. Она начала ощущать чужие чувства. Не слова, не мысли — чувства. Тайные, сокровенные, самые-самые. И что мать ее, ошибку молодости, терпеть не может, и что отцу она неродная, и что подруги ее презирают, и что все похвальбы учителей да наставников пустые. И многое, многое, многое чувствовала девочка. Все больше и больше узнавала она, и все больше и больше хотела повторить то неземное блаженство, что было с мальчиком. Сбежать в него с головой. Но никак не выходило. Все было не то. Она упивалась наслаждением одного мужчины, второго, третьего, но все было не то. Жизнь ее свелась только к желанию вкусить чужого наслаждения. Забрать его, присвоить — и оставить мужчину ни с чем. И женщину, какая под руку попадется. Только у одного, случайно как-то встреченного, она не захотела ничего отбирать. У молодого пацана, что так искренне ей восхищался. Ни ее телом, ни ее умелостью, ни своими эмоциями рядом, что она так хорошо умела вызывать, а ей самой. Тому пацану просто нравилась она, какой бы она не была и чтобы не делала. А делала она много чего. За все забранное приходится платить — и блаженство тех, кто делил с ней ложе не исключение. Однажды с блаженством она забрала и

жизнь — не желая, просто не уследив. И девочке пришлось убежать, зная, что расплатиться она не сможет, как не сможет и отказаться забирать то, без чего сама не могла жить. И тогда она узнала, что есть место, где блаженство можно пить к радости других. Где мужчины и женщины сами желают ощутить близость, сами готовы отправиться в долину порока, пусть и в конце пути их ждет только усталость и ничего более. И там и она, и ее молодой пацан, все еще не бросавший ее, могут жить вместе. Там она, быть может, найдет в себе силы с ним вместе отправиться в наслаждение, как когда-то отправилась с другим мальчиком, так быстро сбежавшим. Окунуться в страну блаженства вдвоем, чтобы дальше идти по жизни рука об руку. Ведь пацан не отвернулся от нее даже тогда, когда узнал, что кроме него девочка пьет мужчин и женщин, их страсти и горести словно хорошее вино, — суккуба делает поток из бутылки и продолжает: — долго ли коротко — бежали девочка и ее молодой возлюбленный. Через страну, родину-матушку. И прибежали. В райский уголок, где никто не потребует платы за наслаждение, не забирать которое девочка просто не могла. Где с ее мальчиком они могут жить вместе и не знать бед, до тех, пор, пока он не захочет присоединиться к ней в стране за гранью привычного. Вот только райские кущи не для таких, как наши юные герои. Недолго прожили они вместе. Одной лунной ночью отдали мальчика на поживу колдунам и зверям лютым, ведь не только девочке нужно было пить людей, чтобы жить как-нибудь. Под широкой осиной мальчика, так пытавшегося спастись, колдун окаянный погубил. И вот теперь девочка и приходит в день его смерти к осине. Уже и гроза ее сломила, осину-то, а девочка все не стареет, все так же мужчин и женщин пьет, хотя теперь уже нет больше ее мальчика. И нового не същется. Вот и сказочке конец, а кто слушал — молодец.

Саша уставилась на колыхание ветвей ближайшей осины, пытаясь переварить услышанное. И разобраться в ощущениях, и своих, и чужих. Рассказывала все это Валентина спокойно, но щемящая тоска, исходящая от нее, никуда не делась. Тоска, грусть и какая-то... Обреченность, что ли.

— Это была грустная история. Могу ли я спросить...

— Спрашивай, — суккуба машет рукой и отпивает еще из горла, — я может и не отвечу, но валяй.

— А почему эта девочка не ушла куда-нибудь в другое место? Где есть другие мальчики и она могла бы... Может быть когда-нибудь встретить еще кого-нибудь?

Суккуба криво улыбается.

— Девочка иногда думала об этом. Или о том чтобы и вовсе отправиться на поля вечной жатвы. Но ярмом на ее шее висит обет, данный господину, властелину райского уголка, и она, как истинный вассал, не может совершить ни то, ни другое без дозволения своего сюзерена. Которого не будет до скончания веков.

Саша в шоке перевела глаза на Валентину. Суккуба же только заправила за ухо локон пышных волос — и улыбнулась. Грустной улыбкой.

— Вот такая вот история, котенок. А теперь, если ты не против, я хотела бы остаться тут в гордом одиночестве, лады?

— Да, да, конечно... — Саша поднялась с дерева и протянула стакан суккубе. — Спасибо за напиток. И за рассказ.

Даже если он и был выдуманным от начала и до конца.

— Иди, котенок. Я бы сказала — иди и не оглядывайся до ближайшего города, иди, пади ниц к ногам всесильного Ордена и моли все простить и принять обратно. Иди до того,

как эта трясина засосет тебя с головой. И случится это очень и очень скоро. Господин вернется — и никто не покинет это место сам. По своей воле.

— Но я могу уехать... — Аня ничего не говорила насчет того, что отсюда нельзя будет просто уйти.

— Пока можешь... — еще одна грустная улыбка. — Беги из маленького рая, где смертные делают все за тебя, борясь за право стать одним из чудовищ по собственной воле. Иначе не заметишь, как сама станешь чудовищем. Ты пока только ребенок, не пропитанный, в отличие от дочурки блоховозов, местными миазмами с рождения, и потому заглядываешь в рот кому не нужно.

— Спасибо. Я подумаю над этим, — Саша улыбается в ответ, ощущая неловкость. Ей кажется, словно Валентина и правда пытается позаботиться о ней, непонятно почему. Как умеет.

— Подумай. И как будешь думать — помни про историю, услышанную здесь. И про мальчика Петра, который здесь и похоронен. Иди, думай, а я тут посижу. В одиночестве.

Саша кивает и быстрым шагом удаляется. Нужно вернуться в поселение пока не стемнело. Она не слишком хорошо знает местные леса, чтобы точно нигде не потеряться и вернуться, пока ее не начали искать и задавать ненужные вопросы.

В голове, кажется, мыслей стало только больше. Хотя часы созерцания текущей воды уложили в ее голове многое из переданного камнем, история Валентины породила мыслей еще больше, чем было. Хотя бы потому, что смутные образы и предчувствия говорили Саше о том, что суккуба не лжет. Да и зачем Валентине это? Ну уедет Саша домой — и что ей с этого? Неясно.

Слова о сюзерене откровенно пугали. Если это не фигура речи... Когда-то Серафим рассказывал об этом. В одно из первых их занятий, перечисляя «правила магической безопасности». Одним из которых было: «Не давать никаких клятв и обещаний». Хотя бы потому, что множество молодых Затронутых по глупости оказывались связаны неравномерными магическими узами и контрактами, вынужденные порой находиться буквально в положении рабов. Клятва вассала на деле имела мало общего с человеческим вассалитетом, ограниченным в разных странах в разные периоды времени различными законами и традициями, регламентирующими такие отношения. В магическом же плане таких ограничений почти не было — господин не мог приказать вассалу разве что убить себя напрямую. На деле верность вассала заставляла его быть зависимым от господина и неспособным в огромном количестве вопросов принимать самостоятельные решения. Даже составление оговорок и контрактов вассалитета в итоге все равно давало господину огромную, непомерную власть, которая не шла на пользу. В старину эту клятву применяли, желая сохранить жизнь кровным врагам и быть уверенным, что бывший недруг будет в твоей власти и точно не замыслит ничего плохого. Тогда поверженные Затронутые выбирали жизнь, пусть и в оковах, перед лицом-то немедленной смерти. Сейчас Орден запрещал свободно использовать такие узы, но Серафим говорил, что эту клятву все еще применяли в собственных целях некоторые немолодые Затронутые, которые, пользуясь сложностью законов мира магов, убеждали новичков, малопонимающих в магическом вассалитете, согласиться на дачу таких обещаний, и после получали на них огромное влияние.

Саша просто не могла поверить, что странная и немного все-таки пугающая ее Валентина добровольно присягнула на верность кому-то... Речь, кажется, шла о том самом Андрее, о котором говорила Аня. Он ведь тут властелин. И судя по слабым отголоскам

образов, переданных камнем — к этому Андрею подруга, вполне возможно, питала вовсе не только чувство уважение к старшему по возрасту и положению.

Надо было выяснить насчет клятвы. В конечном счете если она просто спросит, то ничего страшного не должно случиться. Терять магию, оставаясь в Ордене, Саша не хотела. Но отдавать свою жизнь в чужую власть... Нет. Не за тем она бежала сюда.

И отец-не-отец предупреждал. Теперь, немного переварив все полученное от камня Саша была уверена, что сон не был простым сновидением В нем была магия, чей легкий флер остался на Изнанке. Камень помнил это — и рассказал.

Но кто, как и зачем предупреждал ее?

Вопросы, вопросы...

Саша чуть склонила голову, наблюдая за действиями Ани. Сидели они около небольшой запруды выше по реке от того места, где еще неделю назад одним вечером билось каменное сердце древнего артефакта. За прошедшее время Саша уложила в голове большую часть полученных знаний, успела прочитать не одну книгу из крошечной, но все-таки библиотеки родителей Ани, и точно выяснить, что приятной пасторальной идиллией жизнь в Свободе не была. Хотя бы потому, что обитатели Поляны, как она прозвала про себя обжитую Затронутыми часть леса, старались держаться друг от друга на максимально большом расстоянии. Сначала Саша предполагала, что избегают только ее — но наблюдения подтвердили, что это не так.

Поутру все жители покидали Поляну и возвращались уже вечером. Или, наоборот, оставались в своем доме и не высовывали оттуда даже кончик носа. За исключением дежурных. Один всегда стоял около моста на въезде, второй, как Саша поняла, находился где-то у реки. Дежурства не пропускались, на них никто не опаздывал, но это было чуть ли не единственным, что здесь делали вместе. И ведь причина была вовсе не в том, что Обращенные терпеть не могут магов. Матвей, второй волшебник тут, помимо Ани, тоже предпочитал заниматься своими делами.

Разговор с суккубой был едва ли не единственным исключением из сложившегося распорядка, в котором все были предоставлены сами себе и занимались собственными делами, стараясь не пересекаться с соседями без большой надобности. Не то чтобы Сашу это сильно беспокоило — она привыкла жить именно так, сама предпочитая держаться подальше от окружающих. Вот только для города, с его многоквартирными домами, частыми переездами и повсеместным присутствием в интернете это казалось правильным и естественным.

Но здесь... Саша никогда не жила в небольшом поселении, если не считать пару дней на дедовой даче. Но все же предполагала, что там, где все всех знают и где все друг другу ближайшиe соседи на лоне безразличной к людям природы все будет как-то иначе. Впрочем, когда София только описывала Свободу как «лесное поселение», Саша представляла и подсобные хозяйства, и грядки с овощами, и много чего еще. Так что...

Но больше изоляционизма местных обитателей ее беспокоил рассказ Валентины. Саша была уверена, что суккуба не врала и не сочиняла. Слишком искренними были ее эмоции, слишком много их было в Отражении. Конечно, все можно подделать... Но хотя бы себе Саша старалась верить — иначе верить было бы просто некому. А ее интуиция считала все рассказанное правдой. И если убийство возлюбленного Валентины было чудовищным преступлением, но совершенным в прошлом, то вот вассальная клятва существовала в настоящем. Едва ли это было ложью — такая клятва объясняла бы, почему после смерти возлюбленного суккуба осталась здесь, а не отправилась искать счастья где-то еще. Обращенные жили несколько меньше магов, которым Отражение давало, по сути, свободу от старости и естественного хода времени, но все же очень и очень немало. Точнее сказать — не жили. Процесс Преломления предполагал смерть и возрождение. Именно поэтому Обращенные были зависимы — от крови, от охоты, от силы, от эмоций... Но все они не были способны жить, не заимствуя ничего у людей. И это вызывало у Саши желание задать Ане пару вопросов. И о клятвах, и о том, как живут местные Обращенные. Рядом с людьми,

добровольно обслуживающих их во всем... Ради чего?

И таких неприятных вопросов у нее, на деле, было много. Настолько, что сейчас Аня вновь казалась существом с другой планеты — столь много о ней Саша не знала. И начинать надо с чего-то менее провокационного, чем: «А ты знаешь, кого тут едят твои родители?». Она и так искала не один день возможность поговорить с Аней без свидетелей и подальше от поляны. Слишком многие образы роились в ее голове, полученные от Камня. Пусть они были нечеткими, но все же понять, что все сказанное там может быть услышано кем-то еще, кроме того, кому это предназначалось, Саша была способна.

Возможно, именно поэтому местные Затронутые предпочитали проводить свое время где-нибудь подальше отсюда.

— Ань, можно нескромный вопрос? — Саша болтала ногами, сидя на пирсе, следя за тем, как Аня насаживала на крючок наживку.

— Валяй.

С тихим плеском кусок хлеба отправился в воду.

— Ты ведь родилась здесь, верно?

— Ага. Это весь вопрос? — подняла бровь Анна

— Нет. Не совсем. Я просто пыталась понять — если ты родилась здесь, то зачем было идти на обучение в Орден? Ты ведь магией, кажется, с рождения владеешь, все о ней знаешь.

Анна невесело хмыкает.

— За тем, Саш, что читать книги — это прекрасно, но мага полноценно может обучить только маг. Знания Обращенных для нас бесполезны. Но я не желаю о принятом решении уйти из общества этих лицемеров. Сохранённая жизнь того стоит.

— Да, но... Здесь же есть другие волшебники. Кто-то ведь проводил Становление, так?

— Кто-то... Пожалуй. Но Матвей... Он не слишком любит моих родителей. Когда-то мать отказала ему в ухаживаниях, предпочла отца-человека. И с этих пор его самолюбие задето. Так что такой вариант даже не рассматривался. А у Андрея, к сожалению, нет времени на то, чтобы кого-то учить. Это ведь не так уж и просто. Я ответила на твой вопрос?

— Не совсем. Я просто... Не понимаю. Тот, кто проводит Становление, становится наставником, так?

— А, это, — Анна усмехается, на сей раз грустно. — Саша, наставничество — это традиция. Не регламентируемая Законом и не регламентируемая Гранью. Не все маги проявляют хоть какое-то участие в жизни учеников. У некоторых есть дела поважнее.

— Насколько я знаю, наставник и ученик связаны.

— Ага, — взгляд Ани метнулся к начавшему было движение поплавку. Но говорить она продолжила: — Только сила этой связи зависит от отношений между ними. Нет отношений — нет связи. Вот и весь сказ. Так, клюнуло, а теперь секунду не мешай, я хочу достать улов.

Саша мешать и не собиралась. Она перевела взгляд на лес, высившийся на другом берегу реки. Что-то не складывалось в голове. В Ордене не то чтобы принято было обсуждать наставников, так что может и правду она чего-то не знала. Но, с другой стороны, стоило ей с Азаматом подраться, и Михаил Ефимович позвал именно наставников обоих, с очевидной целью «повлиять» на провинившихся. Хотя Аня, кажется, не врала. По крайней мере в словах «нет отношений» горечь была искренней. Но о том, что за отношения имелись в виду, у Саши были некоторые сомнения.

Аня достала из воды мелкую рыбешку и кинула ее в стоявшее рядом пластиковое ведро.

— Извини, наверное, это было грубо. Мне просто вообще все это обучение в Ордене

поперек горла было. Только с тобой и ребятами пообщаться того стоило — у нас молодежи из Затронутых нет, как видишь, а селяне, они... селяне. Но отец прямо настаивал. Иногда мне кажется, что он надеялся на то, что я останусь в Ордене и буду жить где-нибудь в городе. Пришлось его разочаровать, — она усмехается.

— Извини, я не хотела тебя обидеть.

— Не обидела, — отмахивается Аня, хотя Саша четко ощущает в ее словах какую-то горечь несбыточного. — Просто... Некоторые вещи сложные, знаешь ли.

— Понимаю. Я пытаюсь тут во всем разобраться, так, хоть понемногу. И иногда некоторые вещи кажутся сложными. Непонятными.

— Ну так спрашивай. У нас друг от друга секретов нет, — Аня насаживает очередную наживку.

— Я не знаю, корректный ли это вопрос, — Саша медлит. Щекотливая тема, но ответ ей нужен. — Здесь большинство Затронутых — Обращенные.

— Ага.

Наживка с тихим всплеском отправляется в воду.

— И они... Ну... Они должны...

— Людей жрать? — фыркает Аня.

— Ну вроде того.

Аня фыркает еще раз.

— Как дочь оборотней, ответственно заявляю — не должны. Могут. Убивать вовсе не обязательно, а плоть требуется не обязательно человеческая, просто ее многие любят, и об этом так стремятся писать во всех этих магических справочниках. Как и кровь подойдет не людская. Как и сила. Как и эмоции, в конце концов. Ты вон даже с Валентиной пообщаться успела, верно?

Откуда она знает? Сердце пропускает удар, но Саша старается сохранить невозмутимое выражение лица.

— Она так у сарая много кого зажимать любит. Нравится ей это. С людьми можно больше себе позволить, но все-таки. И у всех так. Думаешь, почему по домам никто не сидит? Лес большой, всем всего хватает.

— Это... Успокаивает, — на деле это звучало, как отговорка по типу: «эти тигры, конечно, мясоеды, но им и курицы достаточно, на вас вкусных и сочных они и не посмотрят».

— Обращенные — не чудовища. Некоторые становятся ими, но из своего желания. Что до Охоты... Селяне, знаешь ли, желают пополнить наши ряды, ряды господ — и за такие шансы приходится платить.

— Охота?

— Ты узнаешь. Потом, — Аня ловким движением подсекает еще одну рыбу. — Может, захочешь присоединиться. Из спортивного интереса.

Что-то скрывалось за легким тоном Ани. Страх — это Саша чувствовала хорошо. Охота пугала подругу, пусть та и никогда в этом бы не призналась. И здесь явно не шла речь об их с Анатолием неудавшемся походе за кабаном. Но углубляться в эту тему сейчас точно не стоило.

— А почему Тамара меня так странно назвала... Госпожой, как в помещичьи времена.

— Ну так и считай, что мы их помещики. Оберегаем, лечим, когда желание есть. Они нам служат в обмен на шанс стать Обращенным. Где еще это возможно? Закон все

запрещает, Орден все контролирует... Но тут у достойных есть шанс. Мой отец вон приехал сюда в молодости, влюбился в мать, жившую здесь, и заслужил право стать Затронутым. И не надо говорить, что мол — оборотень, Обращенный... Магом можно только родиться. Но даже у последнего вампирчика в разы больше сил и возможностей, чем у президента. Я знаю, что мой отец не погибнет от старости лет через тридцать, что не подхватит какую-нибудь серьезную болезнь, что его не убьет пьяная банда каких-то малолеток...

Саша вздрагивает. Или компания нерусских, решившая наполнить ночь мотивами своих мелодий, а потом намять бока тому, кто вежливо попросил быть тише. Будь отец Затронутым...

— Я думаю, ты можешь меня понять, — еще одна наживка летит в воду. — Закон не всегда разумно запрещает многие вещи. Очень многие. Ты можешь подумать, что, мол, мы эксплуатируем трудящихся, но все приходят сюда добровольно. И люди, и Затронутые. Все.

— И остаются из-за вассалитета? — Саша не могла не сказать это. Откуда было Анне знать про ее отца... Но это не имело значения.

— Откуда ты знаешь? — Аня впервые за весь разговор разворачивается и вглядывается в ее глаза. С умыслом — Саша ощущает, как идет рябью ментальный щит, который начинает продавливать чужая сила. И резко толкает атакующий разум в ответ, вскакивая на ноги.

Аня заваливается назад, отброшенная силой удара и падает прямо в холодную озерную воду. Саша едва успевает поймать за руку оглушенную подругу, не давая той нырнуть с головой. Несколько секунд дезориентированная Аня только бестолково дергается в разные стороны, но потом приходит в себя и с помощью Саши выбирается на пирс.

— Извини, сильно вышло, — по правде говоря, Саша никогда не вкладывала столько силы в ответный удар, да и сам ментальный удар делала только пару раз под руководством бывшего наставника, запретившего самостоятельные ментальные практики. По идее, она должна была оттолкнуть разум нападавшего, а не его тело. Но вышло что вышло. Испуг, видимо, придал силы. — Аня, какого черта ты лезешь ко мне в голову?

Подруга только приложила руки к вискам.

— Сила есть, ума не надо, — пробормотала, поморщившись, Аня. — Голова теперь раскалывается.

— Извини.

— Ладно, сама напросилась. Вода ледяная.

Отражение колыхнулось, и Саша заметила, как Анина сила оплела мокрую одежду, высушивая ее.

— Не знаю я, кто тебе сказал о клятве. Но это не должно тебя пугать. Мы все — семья, и все должны защищать друг друга. Ты — не эти дуболомы из Ордена, — говорить Ане явно было не слишком легко из-за головной боли. Саша могла бы попытаться вылечить ее, но лезть к подруге без спроса было попросту некрасиво. Особенно теперь. — У тебя голова на плечах есть. Ты поймешь. Кто-то должен быть главным, иначе мы просто не можем жить вместе. У семей есть главы. Наша — не исключение. Все приходят сюда добровольно. И остаются — тоже. Клятва нужна, чтобы никто не мог навредить нам всем в погоне за своими амбициями.

— Аня, — Саша облизнула губы. Она никогда не умела вовремя останавливаться. — Клята вассалитета дает огромную власть сюзерену над вассалом. Это, по сути, рабство.

— И не меньшую власть имеют родители над детьми. Начальники над подчиненными. Саша, вопрос в том, как властью пользоваться. Кто-то должен отдавать приказы, кто-то

должен принимать решение — и Андрей прекрасно это делает. Он защищает своих вассалов и никогда не будет использовать их обязательства им во вред, — в словах Ани скользило обожание. Глубокое обожание.

Смешанное со... страхом? Но страхом не боли или опасности, каким-то иным, другим страхом. Потери? Отвержения? На секунду разум Саши вновь захлестнули образы, переданные камнем. Измазанные в копоты похоти, они сменялись, не меняя своей сути, представляли перед внутренним взором во всей красе. И меньше всего она вообще хотела их видеть. Как заглянуть в замочную скважину и рассмотреть то, что не предназначалось для твоих глаз.

Этот Андрей, до того бывший для Саши бесплотным образом, теперь определенно лишился всяких положительных черт.

— Ты сама скоро познакомишься с ним и поймешь, что в верности такому человеку нет ничего зазорного.

— Пожалуй, — Саша кивнула, не имея ни моральных сил, ни желания продолжать разговор. Ей надо было подумать. О многом подумать.

Аня, высушив вещи, принялась собирать принесенные снасти.

— Я вернусь домой. Тамара приготовит этот небольшой улов для нас. Отец все равно сегодня будет охотиться весь день, а мать на дежурстве. Ты идешь?

— Нет, я хочу немного побыть здесь.

— Только не купайся. Вода и правду холодная.

— Хорошо, — кивает Саша, уверенная, что ей холодная вода вреда никакого не причинит. Переживать стоило о другом.

— Бывай — Аня чуть улыбается и отправляется домой.

Саша остается у воды, рассматривая озерную гладь. Тот ритуал дал ей многое, хотя и отобрал прилично сил, которые, однако, сейчас восстановились полностью.

Ты сама пока не понимаешь что к чему, но видишь ты куда больше чем остальные. А тот, кто многое видит — многое и может. Никто тебе об этом не скажет, котенок. Все тут прикидывают, как тебя можно использовать.

О чем говорила Валентина? Не об этой же атаке, ставшей без всякого осознанного желания Саши из ментальной физической, хотя раньше она, по крайней мере по собственному разумению, не обладала никакими выдающимися способностями? Или о том, что она получила от камня? Или о чем-то еще? Вопросы, вопросы.

Много вопросов. Но пока один-единственный точный ответ у Саши был — никакой клятвы она приносить не будет. Никому. Это не свобода — это рабство. А жить в оковах она не будет. Благо, насколько она помнила объяснения бывшего наставника — клятва вассалитета, как и многие другие сложные клятвы, должна быть искренней. Без добровольного согласия вассала ничего не получить.

В любом случае стоило подождать и присмотреться к этому Андрею и всем остальным здесь. В городе ее лишат силы, и, скорее всего, убьют. И никто не вступится. Даже если убежать и попробовать начать жить заново — Орден есть везде. Рано или поздно они ее найдут. Здесь же... По крайней мере, пока местные не проявляли агрессии. Родители Ани были, кажется, к ней благосклонны, как и сама Аня. Возможно лишь до этого разговора...

Но пока все равно отступить было попросту некуда. Разве что бежать и жить в лесах в одиночестве. Но такой вариант стоило оставить совсем уж напоследок. Для начала нужно было поговорить с этим самым Андреем и выяснить у него все, что можно.

Андрей оказался в реальности ровно таким же, как и в подсмотренных образах: высокий светловолосый мужчина с правильными чертами лица и пронзительным взглядом. Саша даже залюбовалась им на несколько секунд, вальяжно сидящим напротив небольшого полукруга бревенчатых лавок и что-то рассматривающим у кромки леса. Голубые глаза мужчины были полуприкрыты, и, казалось, вся его поза выражала расслабленность и довольство.

Казалось — потому что с того самого ритуала здесь, под куполом защиты, Саша словно бы начала четче чувствовать Изнанку. Она не ощущала себя сильнее или мудрее, но точно могла сказать, что Отражение для нее словно бы заиграло новыми красками. И сейчас это было особенно заметно, ведь то, что было ощутимо на Изнанке, контрастировало с тем, что она видела в реальности. Андрея, так расслаблено сидящего, окружали не только мощные стены защиты, но несколько крайне тяжелых, словно бы выкованных из стали, плетений атакующих чар, готовых сорваться в полет в любой момент. А еще, хотя мужчина и был магом, а не Обращенным, где-то в глубине Отражения он был словно бы измазан темнотой. Непривычной, какой-то густой и жирной, крайне неприятно темнотой. И это было не единственной странностью. С немалым удивлением Саша поняла, что за внешней расслабленностью скрывалась предельная сосредоточенность. Настолько большая, что все на Изнанке буквально вопило об этом.

Она едва не сбилась с шага, когда поняла, откуда шла эта сосредоточенность. Маг ее боялся. Отсюда чары, отсюда настороженность, скрытая за расслабленностью, из желания отвлечь, провести, получить преимущество. Словно бы они хотя бы теоретически могли быть в одной весовой категории — адепт-недоучка, сбежавший после первой пустяковой практики, и наверняка неплохо обученный волшебник, к тому же годами являвшийся уважаемым главой магического, и не только, поселения. Как будто она вообще собиралась с ним сражаться, даже соревноваться хоть в чем-то.

— Доброго дня, — неожиданно, стоило ощутить чужой страх, как ее собственный отступил, и Саше даже удалась небольшая улыбка. — Анатолий сказал, что вы хотели меня видеть.

— Хотел, — мужчина переводит взгляд на нее, и Саша едва не отшатывается в тот момент, когда шип сканирования буквально врезается в разум, едва не сбивая не только ментальные щиты, а реальную кожу. Крайне неприятное ощущение. — Было интересно, кого Орден прислал в наши ряды.

— Орден? — Саша хмурится, пытаясь понять суть выводов мужчины. — Я уже не адепт.

— Да, я слышал красивую историю твоего появления здесь. Неплохо составлена, отдаю дань уважения тем, кто готовил тебя.

— Готовил к чему?

Кажется, на секунду этот вопрос ставит мужчину в тупик.

— Это ты мне ответь, — как бы то ни было, самообладание он возвращает быстро.

— Простите, но я не слишком хорошо понимаю, о чем идет речь. Я больше не член Ордена. Меня собирались лишиться силы — минимум, возможно и убить, за нападение на человека. Поэтому я здесь, где вроде как все свободны. Я пробыла адептом не так уж и долго, и учили меня так же, как и остальных.

— И отправили к нам, желая разрушить все хорошее, что мы создали.

— Да никто меня сюда не отправлял! — Саша начала выходить из себя, чувствуя загнанной в угол непрошибаемой уверенностью мага в том, чего не было. — А отправили бы, может хоть трусов была пара с собой, простите за подробности, и не пришлось сменную футболку у Ани отбирать. И штаны. Никто никуда меня не отправлял, я сбежала сюда в надежде на свободу, а не на... Обвинения, — к концу речи она чуть успокаивается, понимая, что не стоило повышать голос.

— Мне все равно на что ты надеешься. Думаешь, можешь заявиться сюда, отказываться подчиняться единым для всех правилам — и подстрекать к бунту?

— Что? — абсурдность обвинений зашкаливала. — Какие правила, какой бунт?

— Все здесь, подчиняются правилам. Все здесь обязаны держать свое слово и принести клятву не вредить общине, — смотря прямо в глаза и явно вкладывая магическое принуждение, от которого трещит защита, в этот взгляд, жестко говорит Андрей

Наконец Саша понимает — кто-то передал ему тут разговор с Аней лесу. Воистину, уши есть не только у стен, но и у деревьев. Кто-то... Есть у нее пара идей, кто это мог быть.

Несмотря на давящую, подавляющую все вокруг ауру мага, теперь ставшую ощутимой, несмотря на то, что страх Андрея переплавился в ярость, она усмехается про себя. Странно читать столько разных историй про сектантов и их глав — и видеть одного перед собой. Такого же, как описано во всей психологической и публицистической литературе, столь рьяно изучаемой в прошлом.

Только взрослого и сильного волшебника.

— Я пока не до конца понимаю, что и как у вас устроено...

— И уже выказываешь недовольство, — перебивает ее мужчина, — уже идешь наперекор порядку. Уже хочешь причинить вред. Я знаю обо всем, что здесь происходит. Даже в мое отсутствие.

— Тогда вы должны знать и то, что я пока не готова отдавать свою жизнь в распоряжении незнакомцу, какими благими бы не были его намеренья и мотивы, — в голос Саши прорвалось раздражение. — Я не знаю вас. Я здесь меньше двух недель и вообще мало что знаю. А речь идет о вассальной клятве. О вечном служении, разве не так?

— Ты отказываешься служить Свободе? Служить нашей общине? Помогать? Да, речь идет о вассальной клятве. Мы семья, а главе семьи принято подчиняться.

Саша вздрагивает, на секунду представив на месте Андрея собственного отца.

Принято может быть все, что угодно. Но не для нее. Поэтому именно отец ей приснился здесь? Глава семьи, никогда не старавшийся на кого-то давить. Пытавшийся всех защитить — как умел, пусть умел и не слишком хорошо. Она маленькой девочкой гордилась им. Взрослой девочкой понимала, что отец не был идеалом и совершил множество ошибок. Но он никогда не пытался бы ничего требовать вот так. Не злился бы так оттого, что кто-то пока просто не готов сделать требуемое.

Видение отрезвляет. На секунду Саше кажется, что этот образ-сравнение был ощутим и мужчиной напротив — тень пробегает по лицу.

Как бы то ни было...

Это — прошлое. Сейчас — настоящее.

— Да ни от чего я не отказываюсь. И никакой Орден меня никуда не посылал, если нужно, в Круге Правды я это подтверждаю, — ярость, вызванная нелепыми обвинениями, переплавилась во что-то иное, не мешающая думать. — Но если для того чтобы свободно

жить здесь необходимо прямо сию минуту продать себя в рабство незнакомцу... Простите, вас я знаю заочно эту дюжину дней, а очно — ровно те минуты, которые мы потратили на этот разговор. Так что если все так, то такая свобода мне претит. Я покину поселение и буду выживать в одиночку. Сейчас. В любом случае это будет куда более «свободным» выходом.

— И сдашь нас Ордену.

— Какому? Который, если меня увидит — то лишит силы за нападение и скорее всего просто-напросто убьет за побег? Прекрасная идея. Но нет, надеюсь, что я больше никогда не увижу никого из них.

— В таком случае — сдашь своему наставнику.

— Ему плевать. Между нами нет никакой связи, — Саша чуть пожимает плечами, чувствуя укол горечи. — У него есть более важные дела, чем возиться со мной. Послушайте. Я пришла сюда в надежде сохранить свою магию и свободно жить, не мешая другим. Только и всего. Но пока я не знаю вас, то просто не могу дать клятву. Вассалитет — это навсегда. Никакой обратной силы, никаких исключений. Мне нужно время чтобы принять все происходящее здесь, принять необходимость и правильность такой клятвы. Которая, к тому же, должна быть принесена с полного согласия сторон, иначе — откат. Мне нужно время чтобы принять это согласие для себя, вот и все. Все слишком, — она сбивает на секунду с речи, чувствуя как всегда не вовремя подступающие к горлу слезы, — слишком быстро для меня.

Андрей не отвечает. Он оглядывает ее долгим, тяжелым взглядом, который Саша даже не пытается встретить, уставившись в землю и борясь со слезами, прилагая все силы чтобы дышать спокойно и ровно. Слишком много эмоций. Только-только она начинала понимать, что и как, привыкать, а теперь придется вновь бежать, жить в лесу, в одиночестве...

Иногда в по-настоящему сложные моменты она не всегда могла сдержать слезы, как не пыталась. Как ненавидела себя за излишние эмоции и неумение их приглушать.

Саше казалось, что она со временем привыкнет к местным порядкам и полюбит это место, сможет жить здесь свободно. По-настоящему свободно. Кто бы что ни говорил, и с кем бы тут в прошлом это не случилось. Но теперь эта иллюзия рассыпалась в прах. Единственной возможностью сохранить магию была потеря свободы. Вассалитет.

«Свобода». Какое ироничное название для поселения, где никто не свободен.

Для нее все недавние события были слишком... Слишком. Исчезновение Ани, загубленная практика, третий шанс, та чудовищная атака, кровь на асфальте, вытекающая вместе с чужой жизнью и так и не найденный амулет. Побег, секундное очарование лесной сказки, рассыпавшееся в миг, когда она увидела опустившую в пол глаза кухарку, называющую ее «госпожой». Сомнения, разговоры, сомнения, попытки примириться с реальностью... Бессмысленные и бесполезные.

И сейчас эмоции, казалось, улегшиеся, вышли на первый план. Опять. Чертова слезливость, всю жизнь портившая такие вот моменты своим вторжением. И как ребенком она не могла сдержать слезы, так и не может сдержать их и сейчас.

Пауза затягивается, но Андрей наконец разрывает тишину.

— В одиночку ты не выживешь, сколько бы не хотела верить в обратное. Я мог бы изгнать тебя, но я не тиран и не глупец, — он делает движение рукой, и Саша ощущает уже знакомые наручники. Очень знакомые, пусть и пропитанные незнакомой, колючей, неприятной магией. — На территории Свободы ты больше не сможешь применять свой дар. Зачем бы и кто бы тебя не прислал — он ничего не получит от нас. Если тебя нужно время,

то у тебя оно есть. И проведешь ты его вместе с селянами, раздумывая над тем, чего стоит дар и на что ты ради него готова. Когда надумаешь — вернешься сюда и найдешь меня. Не раньше. До тех пор тебе нечего делать среди Затронутых.

Андрей поднимается с лавки — и растворяется в воздухе, уходя через Отражение.

А Саша еще десяток минут старается успокоиться. Успокоиться и решить, что делать дальше.

Саша не удивилась, оказавшись уже виденной поляне. Не удивилась темному лесу за ручьем. Не удивилась даже Человеку в Черном, который стоял на теперь появившемся сразу мосту. Но она едва не отшвырнула гостя прочь, за пределы этого места, когда поняла, что смотрит в лицо собственного отца.

— Ты мертв!

— Я — нет, — Человек в Черном покачал головой. Его голос вовсе не был похож на голос отца, и потому лицо казалось просто чужеродной маской. — Но мой облик выбираешь ты, и тот, кем я выгляжу, может быть мертв.

— Ты уже приходил ко мне в этой маске, так? Ты говорил мне о клятве, говорил избежать ее любой ценой! Какое ты имеешь право носить это лицо?!

Неожиданно большая волна едва не сбивает Человека в Черном с ног, и Саша понимает что теперь вместо ручейка поляну разделяет полноводная река, а небольшой мостик на ее глазах буквально уходит под воду.

— Успокойся, — Человек в Черном поднимает руки. — Если вода смоев меня, то никаких ответов ты точно не узнаешь.

— И что я могу сделать?

— Успокоиться, — еще раз повторяет гость, словно непонятливому ребенку. — Это место подчиняется тебе. Успокойся сама и успокой его. Ты же сама хотела нашей встречи.

Хотела. Сейчас Саша хорошо помнит, как ложилась спать с одной-единственной мыслью — еще раз увидеть человека, рассказавшего о камне и силе и задать ему вопросы. Или хотя бы отдохнуть вновь на поляне вместе с волком. И если речка продолжит шириться, вода смоев Человека в Черном. Это будет по-своему правильно. Но она смоев и это место. И все вокруг.

И ответы Саша очень, очень хочет услышать.

— Это твой мир. Сделай его таким, каким ты хочешь видеть.

Ее мир. Правда — ее.

Спустя секунду река грохочет все так же. Но уже чуть дальше от поляны, прокатываясь по опушке леса и смывая из него темноту, заливая корни елей, сосен, дубов и многих других, росших, кажется, в полном беспорядке деревьев. Темнота, правда, возвращается вновь. Но вода теперь текла в отдалении, теперь хотя бы не пытаясь смыть Человека в Черном, который вновь стоял на мосту через небольшой ручей.

— Сядь, — Саша сама опустилась на землю. Чувствовала она себя крайне неуютно без волка рядом — и поблизости от этого чужака. Но ей нужны были ответы. — И перестань выглядеть... так.

— Не могу, — насколько же невероятно странно было говорить с человеком с лицом отца и знать, что это не он. Знать, что настоящий отец мертв уже не один год. — Это твой мир. Здесь я ни над чем не властен.

Саша едва не рычит про себя и пытается заставить гостя выглядеть иначе. Спустя десяток бесплотных попыток представить кого-то еще на его месте она зарабатывает только головную боль и ощущение, что еще немного и река вновь окажется ну очень близко.

— Ладно, — она садится, поворачиваясь боком к этому созданию. Совсем выпускать его из виду Саша не намерена, но смотреть на лицо отца не хочет. — Но я все вижу.

— Не сомневаюсь, — сухо усмехается Человек в Черном. — Как я уже сказал — я в твоей полной власти. Ты сама звала меня.

— Звала. У меня есть вопросы.

— Спрашивай. Я для того и пришел.

— Ты приходил ко мне дважды, так? Первый раз в доме Ани — это был ты?

— Дважды, — Человек в Черном кивает. — Где и как — решаю не я.

— Но это было не здесь. Почему?

Человек только пожимает плечами.

— Наверное, потому, что это было послание.

— А теперь?

— А теперь я посланник, — он вновь пожимает плечами. — Это важно?

— Почему ты сказал, что нужно опасаться клятв? Откуда ты узнал?

— Я много знаю. Сказал, потому что хотел предупредить.

— И ты знал, что этот Андрей попытается заставить меня стать его вассалом?

— Заставить? — кажется, человек искреннее удивлен. — Глупец. К вассальной клятве нельзя принуждать, ее может дать только тот, кто искреннее готов служить и подчиняться. И теперь этому человеку едва ли светит твое добровольное согласие, а без него ничего не удастся.

— Ты говоришь так, словно разочарован таким исходом.

— Определённо — нет. Я был бы разочарован, если бы ты согласилась. Я просто удивлен, что все это было так открыто. На месте этого человека я бы постарался завоевать твое доверие и склонить к сотрудничеству, привлечь благами, обольстить, на худой конец. Именно поэтому послание и было отправлено.

— Поэтому?

— Выпутаться из сетей лживых речей куда сложнее, чем бороться с врагом. Искушение разит лучше меча, — странно было слышать это из уст того, кто выглядел как ее отец, пусть Саша и видела собеседника только боковым зрением. — А избавиться от принесенных клятв не в пример сложнее, чем на них решиться. Я хотел предупредить.

— Но зачем? Зачем ты мне помогаешь? — Саша окончательно потерялась в догадках по поводу того, кто это был. Человек в Черном точно не был ее фантазией — он не принадлежал к миру вокруг. Но все же существовал в нем.

— Ну кто-то же должен, — слабая улыбка, — я не желаю тебе зла, не нужно искать подвох.

Несколько секунд Саша молчит, собираясь с силами. Спрашивать ей больше не у кого. Коль это все равно сон.

— Если ты мне помогаешь... Черт. Вышло все по-идиотски. И я не знаю теперь что делать — сбежать к чертям или остаться у селян и посмотреть, что и как пойдет. Жить самой в лесу... Я плохо представляю как это. Охотиться, добывать еду, дом строить. С селянами... Они нормальные. Побаиваются меня, держаться в стороне, — пара обожающих взглядов как и пара явно ненавидящих — вот и все, что за сегодняшний, первый полный работы день в людском поселении получила Саша. — Но на их территории мои силы заблокированы этим Андреем. Полностью. На территории поселения, я только Отражение чувствую. И другие его вассалы... Обращенные. Тот же Антон, тот колдун, что дважды на фестивалях ко мне подкатить пытался, смотрит недобро. И это как-то...

— Напрягает, — кивает Человек в Черном.

— Не то слово. Они ходят поодаль — обученные Затронутые. Андрей, глава тут всего, обвинил меня в шпионаже на Орден, — Саша хмыкнула. — Прекрасный шпион без знаний в голове, гроша в кармане и мало-мальски простой сменной рубахи. То у людей, то у Ани побираюсь.

Тамара передала от Ани целый ящик всего необходимого, и Саша не могла до сих найти слов благодарности подруге.

— Многие обличенные властью видят во всем угрозу своему положению.

Саша только пожимает плечами.

— Да и странный этот Андрей какой-то... Бойтся словно бы меня, — здесь, в этом странном мире, Саше казалось, что можно было говорить все что угодно. — В лесу жить тяжело... Но здесь я не одна среди людей, и обученные недружелюбные Затронутые рядом. Если они вассалы, и их сюзерен спустит с поводка...

— Понимаю твой страх, — после небольшой паузы отзывается Человек в Черном. — Но, думаю, пока тебя все-таки хотят убедить дать клятву. Этот... Андрей что-то сказал тебе, накладывая блок?

— Ага. Про то, что я должна понять цену силе.

Гость кивает.

— Думаю, он сам понял, что обвинения и давление были плохой идеей. Ты нужна ему.

— Что?

— Ты нужна ему. Ты сильна. Если речь идет о том, кому поклялись в верности все остальные, то он может бояться противостояния с тобой.

— Бояться? — значит, Саше не показалось. — Но... Почему?

— Камень, — чуть пожимает плечами Человек в Черном. — Менгир признал тебя. Это значит, что ты сильнее этого человека. А сюзереном может быть только сильный. Самый сильный. Конечно, пока ты не сможешь состязаться с обученным магом. Но уходить или остаться... На территории этого человека ты будешь в безопасности. По крайней мере, какое-то время. Пока что-то не изменится на чаше весов. Местный властитель будет надеяться убедить тебя служить в обмен на возврат силы, будет желать сделать из тебя своего последователя. Так он сможет разом устранить угрозу и обрести сильного союзника. Сильнее любого из тех, что у него уже есть. Он сам не знает, кого видит рядом с собой, но верит, что ты и вправду можешь быть одаренным, но покинутым всеми необученным магом, которого, несмотря на не лучшее начало отношений, еще можно приручить и склонить на свою сторону. И пока он будет верить в то, что это возможно — давить больше не станет. А вот если ты решишь уйти — это будет брошенным вызовом.

— Который Андрей терпеть не будет, — негромко говорит Саша.

То, что сказал гость, казалось логичным. Хотя само его присутствие давило на разум все больше и больше.

Внезапно Саше захотелось, чтобы он ушел.

— Мне пора, — Человек в Черном поднимается на ноги. — Мне жаль, что все так сложилось. Но постарайся не торопить события. Ты поймешь, когда что-то изменится, — уверенности в его голосе хватит на десятерых. — Совершенно точно поймешь.

Саша фыркает. Хотелось бы ей быть столь же уверенной.

— Не сомневайся в себе.

Человек в Черном едва не бегом переходит мост, ныряя в темноту леса за ним. Леса, в котором вместо текущей речки теперь остались только проигравшие вновь вернувшейся

темноте тонкие-тонкие ручейки воды, на глазах сходящие на нет.

Саша бросает на удаляющегося гостя последний взгляд, возвращаясь к воспоминаниям. Лицо отца, говорившего всегда «не сомневайся». Ровно такое же.

Не сомневайся. Верь себе и все получится.

Саша только фыркает — и где теперь эта вера в себя? Но почему-то воспоминание греет. Может отец не был идеальным, был наивным глупцом, был не всегда прав...

Не сомневайся.

Верь себе и все получится.

Саша еще раз фыркает. И закрывает глаза, желая увидеть, как на этой самой поляне, появиться так понравившийся ей в прошлый раз волк. Может, хотя бы это получится? Она вздрагивает, когда мокрый нос тыкается в ее ладонь. Волк стоит рядом — ровно такой же, как и в прошлый раз. Все с теми же глубокими глазами.

— А ты тоже думаешь, пока стоит оставить план «бежим в лес и живем как Маугли» на потом?

Волк внимательно смотрит на нее — и оглушительно чихает.

— Это согласие?

Волк чихает вновь.

— Ладно, — Саша садится на неожиданно ставший теплым мох, который до того она словно и не замечала. Приятно на нем будет полежать. Отдохнуть. — Дожили. Советуюсь с химерой в чужом облики и волком неизвестно где в надежде, что кто-нибудь мне что-нибудь подскажет.

Вместо ответа зверь подходит ближе, трется о ее плечо, лижет щеку и сворачивается клубком совсем рядом, касаясь ноги. Так, словно никаких проблем нет. Словно никто ни в чем ее не обвинял, никто не требовал рабской клятвы, никто не лишал сил и не отправлял жить в незнакомый поселок. Словно не болела спина и руки от целого дня в тяжелой, неблагодарной деревенской работе.

Саша сворачивается рядом с волком, обнимая зверя, словно желая хотя бы на мгновение им стать и забыть обо всем. Просто лежать на теплом мху и слушать журчание ручья в этом теплом, сонном и приятно-пустынном месте, где теперь точно кроме нее нет никого.

Завтра она проснется — и все вернется на круги своя со всеми проблемами и сложностями.

Но это будет завтра. Что бы Человек в Черном ни видел в будущем — это произойдет потом. А сейчас она будет спать здесь, наслаждаясь спокойствием и безопасностью.

Саша терла пятно на рубашке, ругаясь про себя. Не то чтобы ругань на что-то влияла, но приносила какое-никакое облегчение. Единственное облегчение в нынешней ситуации. От холодной воды по телу ползли мурашки, а от целого часа монотонной работы сводило руки. Здесь и сейчас, стоя на берегу ледяной горной реки и тоскливо рассматривая множество грязной одежды, которое никак не желало уменьшаться, Саша чувствовала глубокую тоску по цивилизации. В особенности — по бойлерам и стиральным машинам.

Даже не будь этих дурацких ограничителей магии стирать бы все равно пришлось руками. Только в теплой воде, пожалуй. Вообще она могла бы пройти пару сотен шагов вверх по течению реки и выйти за зону действия браслетов. Работали они на территории, конечно, большей, чем Резиденция Ордена в городе, но, на деле — не слишком сильно большей.

Впрочем, оно и понятно. Полноценно лишить кого-то сил требовало сложного ритуала, причем проводимого не одним, а как минимум тремя волшебниками, ведь в этом случае приходилось ломать естественную защиту Затронутого, буквально разламывая на куски его магическое ядро. Это — долгая и сложная процедура. Но тот факт, что неподалеку отсюда проживало как раз трое магов, не мог не беспокоить Сашу. Просто смутная тревога, неотступно преследующая ее с того разговора с Андреем.

Пусть никто из Затронутых не появлялся в человеческом поселении, где ей без споров выделили угловой заброшенный дом, и, с некоторым удивлением, но все же нашли фронт несложной работы, с которой мог справиться человек без особых навыков. Стирка была одной из забот, и не сказать, что Саша подружилась с мылом и порошком, которого вечно не хватало. Но просто сидеть сложа руки ей не давала совесть.

— Отпусти ты ткань — дыру ведь протрешь, — голос Бэллы, дородной немолодой женщины, вывел Сашу из задумчивости. Она действительно едва не протерла ткань насквозь за последний десяток минут.

Саша подняла глаза и чуть улыбнулась женщине, откладывая рубашку. Бэлла ей нравилась. Хотя бы потому, что при встрече не опускала глаза и не называла ее «госпожой», а относилась как к горожанке, ничего не смыслившей в жизни на природе, но готовой учиться. На второй день ее пребывания среди людей Бэлла, увидев, как Саша пытается рубить дрова, вместо насмешки подошла и объяснила, как и что делать.

А еще она была матерью Тамары, и разительный контраст в поведении матери и дочери по сей день ставил Сашу в тупик. Тамара все еще не могла смотреть ей в глаза, постоянно стремилась «выкатать» и не смела и слова сказать первой, не то что исправлять ошибки или подсказывать, как лучше сделать.

— Извиняюсь.

— Ты не просто три, в облаках витая — так ничего и не выйдет, — Бэлла подошла ближе и сама подняла многострадальную рубашку. — Вот так берешь, вот так складываешь. И тут понимание нужно, а не сила и ненависть к этому пятну. Ясно?

— Вполне.

— Вот и прекрасно. Но практиковать потом будешь. Тамара хочет поговорить с тобой.

— Сейчас? — смутная тревога начала принимать осязаемые очертания. Если Тамара сама решила заговорить первой... Это что-то до значит.

Бэлла кивает.

— Иди, я тут сама справлюсь. Найдешь Тому у деревянного сарая.

Саша кивает и поднимается, наконец, разгибая порядком затекшую спину. И отправляется к деревянному сараю, массивной конструкции на окраине деревни. В отличие от поселения Затронутых, занимала деревня людей куда больше места и вмещала намного больше жителей. Домов здесь было три десятка, в каждом жили или по двое, или и вовсе семьями, по три, а то и четыре, и пять человек. Из всего увиденного и услышанного Саша считала, что местные жители целиком и полностью сосредоточены на удовлетворении нужд Затронутых. Здесь охотились, ловили рыбу, собирали грибы и ягоды, сушили траву, стирали, вырезали деревянную утварь, сучили нити, ткали, вышивали и делали еще множество дел, привычных для крестьянского быта века так два — три тому назад. Разве что поля не засеивали, ввиду отсутствия места. Ни электричества, ни водопровода в человеческом поселении не имелось. Часть местных жителей и вовсе работала на Затронутых напрямую. Как, например, Тамара, бывшая в доме Ани и горничной и кухаркой в одном лице. И теперь именно Тамара хотела о чем-то поговорить.

Девушка и правда ждала ее около сарая. Выглядела она разом напуганной и решительной.

— Госпо... Александра. Нам нужно поговорить. Наедине — кажется, даже эти простые фразы требовали от Тамары мужества — где нас не услышат. Вы же можете сделать так?

— Тогда придется прогуляться.

— Идемте, г... Александра.

Пока они пробираются через лес, удаляясь все дальше и дальше от поселения, Тамара ни словом, ни взглядом не намекает на причину своего внезапного желания поговорить.

Только когда Саша наконец ощущает исчезновение наручников, она делает знак остановиться и, сосредоточившись, устанавливает вокруг них двоих разом щит невнимания и сокрытия слов. По иронии судьбы этим чарам научила ее Аня. Первым — еще в самом начале обучения в Ордене, на одном из сборов в ее собственном, теперь далеком, доме. А вторым — в день приезда сюда, загадочно улыбнувшись.

Теперь знания пригодились. Хотя большого опыта ни в той, ни в другой защите у Саши не было, сомнений в правильности заклинаний не возникло — появившиеся щиты она ощущала на Изнанке очень и очень хорошо. Как и то, что стоящая рядом Тамара мучается разом от страха и боли и чего-то еще, смутно видимого на Изнанке как темное, тяжелое облако вокруг головы.

— Что с тобой? Я могу помочь? Как с ожогом, это не будет больно...

— Вы так добры. Жаль, что я не смогла стать одной из господ, что кровь матери оказалась сильнее, — Тамара чуть улыбается, хотя улыбка выходит неожиданно жесткой. — Вы поможете мне, если выслушаете. И потом... Поймете. Мне все равно не жить. На меня пал жребий и охота скоро начнется. Времени очень мало. Но это не имеет значения. Не обращайтесь внимания. То, что я хочу рассказать, вызывает боль в моей голове.

— Я могу...

Тамара качает головой.

— Не можете. Это... обещание. Которое я сейчас нарушаю.

— Обещание? Клятва вечного служения?

Андрей что, взял клятвы и с людей?

— Вечного... Наверное. Я обещала Верховному господину подчиняться. Но сейчас... Вы не такая как они, г... Александра. Вы другая. Как только я увидела вас, я сразу поняла. И я

хочу чтобы вы меня выслушали.

Саша с некоторой нерешительностью кивает. Сколько Тамаре — шестнадцать? Восемнадцать? Двадцать? Сейчас она выглядит разом и беззащитным ребенком, и стоящей перед безнадежной чертой взрослой женщиной — из тех, кто стоял перед расстрельными командами на оккупированных землях и закрывал собой своих же детей. А в ее эмоциях, искренних и сильных, разобраться не удастся ни с первого, ни со второго, ни с третьего раза.

— Я слушаю тебя.

— Я постараюсь сказать все, что знаю — Тамара сглатывает — господу замыслили недоброе. Очень недоброе. Об этом знают все — но молчат, все обещали молчать. Мне терять нечего — жертвы охоты не выживают. Я расскажу, что знаю. Мы жили как жили много зим. Пока прошлым летом не появился человек в маске. Он говорил с Верховным господином. Сам был тоже господин, но не отсюда. И после все изменилось. Здесь, в трех часах лесными тропами, есть место, где живут солдаты. Кажется, они охраняют какую-то конструкцию из металла на горе. Верховный господин однажды ел за столом в доме господ и говорил. Он сказал, что эти солдаты сами не знают, что сторожат не только строение, но и бомбу. Яд...ядерную бомбу. Что какая-то старая воинская традиция делает все так, что почти все солдаты даже не знают о том, что она есть. И что если забрать ее и взорвать в городе, где живут люди — то начнется война. Большая война, в которой только господа и выйдут победителями. Я... — Тамара несколько раз глубоко вдыхает и выдыхает. — Я не хочу войны. Остановите их. Пожалуйста.

Саша несколько секунд рассматривает лес за спиной Тамары, пытаясь переварить услышанное. Это кажется каким-то глупым розыгрышем из киношных боевиков. Ядерная бомба, о которой никто не знает, секта, желающая войны... Или это вообще дурацкая проверка на лояльность? Но Тамара говорит искренне, Саша хорошо это ощущает в Отражении. К тому же боль девушки усиливается и тьма вокруг головы становится явной и видимой. Чернота разрастается.

— То, что ты говоришь, — Саша старается подобрать нужные слова, — не может не беспокоить. Кто-то еще об этом знает?

— Все знают. Но никто не скажет. Все обещали молчать. Я... Вы другая. Вы добры ко мне. Ходят слухи, что вы поссорились с Верховным господином. А если нет — то я готова принять кару за свой несдержанный язык.

— Ни за что я тебя карать не собираюсь, прекрати, — Саша хмурится. Ее пугает искренность в словах девушки. И то, что если все здесь и правда поклялись клятвой вассала, то они вполне могут хранить любую тайну. Даже такую

— Сегодня вновь я видела в доме господ человека в маске. Он говорил, что через четыре дня будут учения и многие солдаты уедут. И что нужно быть готовым. То же Верховный господин сегодня скажет и Владимиру, нашему старосте, и всем остальным на сходке. И сегодня ночью будет охота. На меня — и на вас. Если вы не согласитесь... С чем — я не знаю.

— Охота?

— На меня пал жребий, госпожа. Мне никто не поможет. Брат или отец могли бы, наверное, но они далеко и совсем не хотят меня знать, — чуть грустно улыбается Тамара и достает из-за пазухи мятую бумажку, морщась от боли в голове. — Держите. Это передал господин Анатолий. Мне нужно идти. Это все, что я знаю. Все, что я рассказала. Прощайте, — Тамара резким движением выходит из-за границы защиты, устремляясь глубже

в лес. — Не идите за мной, госпожа, прошу.

Саша остается растерянно стоять, комкая в руках бумажку. Она могла бы догнать Тамару. Изнанка вокруг колебалась и заворачивалась, показывая пульсирующее заклинание, все больше и больше укрывавшее голову девушки. Но все же она остается на месте, не решаясь вмешаться и не зная, что делать и что говорить. Остается и разворачивает бумагу, оказавшуюся в руках. Неожиданно это вовсе не записка, а вырванная страница из книги. Книги, явно написанной Затронутым.

«...в тех же местах, где обращенные не соблюдают Закон, практикуются порой варварские Охоты без всяких лицензий и без всякого извещением Ордена. Обращенные, охочие кто да крови, кто до плоти, а кто до самой радости убийства, охочие до самых потаенных своих глубин до чужой смерти, неважно то человека, мага или и вовсе другого Обращенного, выбирают жертву или жертв — и гонят их по лесам, полям и лугам, гонят, то отпуская, то вновь нагоняя, ради самого охотничьего азарта. Финал один — смерть. И даже сильные маги, пойманные в ловушку своей гордости, могут стать жертвами Охоты. Ночь дает сил Обращенным, питает их и поддерживает, да и нападают они вовсе не поодиночке, находя в соревновании, призом в котором будет чужая жизнь, искреннее удовольствие...»

С другой стороны шел какой-то текст об особенностях Обращенных, но Сашу привлекло не это, а написанные от руки слова между строк.

Этой ночью будет Охота. На Т... ту, кого выбрал жребий и на ту, кто вновь откажется от в последний раз предложенной клятвы верности. И за второй будут охотиться и чудовища по крови, и чудовища в человеческом обличи.

Серый ждет на дальнем рубеже.

Несколько минут Саша стоит на месте, раздумывая, должна ли она догнать Тамару. Найти ее за пределами щитов не было сложным делом, но с другой стороны — девушка сама просила оставить ее в покое. И, если признаваться честно, Саша понятия не имела, что это было за разрушительное воздействие, витавшие вокруг ее головы и как его снять. Темное по природе, оно могло и не быть колдовским. Неужели и правда — кара за нарушение клятвы? Но почему так? Впрочем, она мало что понимала в происходящем. Что это за история про бомбу? Почему Анатолий решил предупредить ее? Что за Охота? Об этом ли говорила Аня?

И был только один вариант узнать и один человек, который мог быть хоть на что-то ответить. Точнее, двое, но заявляться на поляну Затронутых Саша не горела желанием. Чуть подсказывало ей, что Андрей там, и он потребует немедленной клятвы, и если она откажется — последствия будут действительно паршивыми. Потенциал — потенциалом, но этот маг был в несколько раз ее старше и знал, и умел несравнимо больше.

Саша была на Дальнем Рубеже всего однажды, но сейчас, стоя за кольцом защитных и следящих чар, способная в полной мере ощущать Изнанку, найти верное направление для пути туда Саша смогла без труда. Идти придется несколько часов вокруг всех защит, но в любом случае стоять на месте и ждать у моря погоды было самым бесполезным и бессмысленным из возможных решений.

Саша на мгновение вновь оборачивается к месту, куда отправилась Тамара. Возможно, то, что она делает сейчас — огромная ошибка. Но что-то, определенно, делать нужно. И она, еще раз сверившись с направлением в Отражении, припускается легкой трусцой к Дальнему Рубежу, небольшому домику в лесу за рекой, стоящему на самом краю обрыва, с которого прекрасно видны все подступы к территории Свободы.

— Серый уверен, что не хочет рассмотреть тебя.

Саша замирает на полдороги, так и не переходя небольшую речушку вброд. Тропа за рекой ведет наверх, буквально через два десятка шагов приводя к Дальнему рубежу. Анатолий сидит тут, за пределами защитного купола, поглаживая пса. Спинай к ней.

Саша замирает, не зная, что ответить.

— Серому отдан приказ — если он тебя увидит, ему придется напасть. А он совершенно этого не хочет. Но сейчас он никого не видит и может говорить о чем угодно. Возможно, он услышит, если кто-нибудь обратиться к нему — слышать ему не запрещали. Возможно, он сможет ответить. Умный зверь, — оборотень треплет пса за ушами. Тот в ответ изворачивается и лижет Обращенного в щеку. — Но для начала он скажет, что об Охоте все правда. Серый не любит охоту, но инстинкты выше разума. И когда солнце зайдет — спасения не будет. За годы, что Серый здесь, не было раза, когда кровь жертвы не обагрила землю. Так что тот, на кого пал Жребий, обречен. И смерть его не всегда быстра. И даже если гонят несколько целей, то итог всегда один. Так что если кто-то вдруг мог поссориться с уважаемым главным волшебником, то его Затронутые уничтожат этой ночью. И никакая сила не поможет.

Анатолий замолчал, продолжая гладить пса.

Несколько секунд на поляне висела тишина, а потом Саша, пытаясь понять привила игры, спросила на пробу:

— Серый должен убить того, кто поссорился с главным волшебником?

— Серый, бурый, любой... Угрозу нужно устранять, так считает важный человек. И все остальные согласятся с ним, кто из верности идеалам, кто из верности ему самому. Ярмо давит на всех. Так что если кто-то поссориться с главным волшебником — ему лучше бежать. И бежать далеко, семимильными шагами. Иначе догонят. Леса здесь глухие, на многие часы пути вокруг. И живущие здесь знают их как свои пять пальцев.

— Серый, — Саша запинается. Может ли это все быть просто розыгрышем? — Почему... Почему ты говоришь это мне?

Пес облизывается и качает головой, словно ее недоверие кажется ему смешным. Словно и правда именно он говорит с ней.

— Ты спасла меня. Ты — другая. У тебя есть шанс вырваться отсюда, а у меня давно нет.

В этих словах оборотня сквозит такая горечь, что никакого Отражения не нужно чтобы в них поверить.

Саша медлит. И спрашивает.

— Серый, ты что-то знаешь о ядерной бомбе?

Теперь медлит уже Анатолий. Его рука напрягается на шерсти зверя. Мужчина цедит слова по одному, явно пытаясь подобрать подходящие.

— Серый много знает. Но мало может сказать. Он знает, что однажды в ныне ушедшем государстве с красным флагом создали протокол «Чердак», и теперь некоторые бомбы лежат там, где о них не знает ни вероятный противник, ни многие из собственных солдат. Он знает, что если найти ту, что будут охранять мало, и правильно взорвать, то мир вокруг изменится и Свобода будет везде. Серый знает, что тогда ему выпадет шанс править

сотнями или тысячами. И он знает, что смертельно всего этого боится — и ничего не может сделать. Никому не может рассказать.

Видно, что каждое слово дается Обращенному нелегко. Саша замечает в Отражении легкую пульсацию тех же темных нитей вокруг головы оборотня. Таких же, что были у Тамары. Только эти, кажется, сейчас не причиняли боли, хотя и чуть двигались, словно гигантские отвратительные черви.

— Серый, через четыре дня случится то, что изменит мир?

Пес чихает, заставляя Сашу вздрогнуть. Да и оборотня тоже. Но Анатолий отвечает, так же медленно.

— Серый не знает, изменит ли.

— Серый, через четыре дня что-то произойдет в воинской части рядом с этим местом?

— Что-то. Больше Серый сказать не в силах.

Саша ощущает отвращение, видя, как темные черви вокруг головы оборотня начинают шевелиться активнее.

— Серому нужно идти на пост. Он сказал что мог. Если кто-то его слушал, то он надеется, что его услышал, и что жизнь будет мирной. Без войны.

Оборотень рывком поднимается и почти бегом устремляется вверх по тропинке. Пес следует за ним.

Саша делает несколько глубоких вдохов и выдохов. Оборотень не сказал ничего прямо — но и ни с чем не стал спорить. Анатолий ведь рисковал. Темные черви вокруг его головы, следы... Чего? Заклинания? Клятвы? В любом случае они явно не были безобидными. И судя по реакции Тамары, темнея и разрастаясь, они причиняли боль своему владельцу. К тому же Серафим как-то говорил, что очень часто в форме наказания за нарушение верности сюзерену вассала ждала смерть.

Каким бы это не казалось безумным... Вся эта история с бомбой могла быть правдивой. Может и не быть, но... Но что если, решив не придавать этому значения, она совершит гигантскую, ужасную ошибку? Которую потом не исправить. Никак не исправить.

Нужно рассказать Ордену. Плевать, что будет с ней. Если местные Затронутые и правда хотят взорвать бомбу...

То ничего не получится. Мы ведь не в голливудском фильме.

Ага, в реальности, где магия существует, — только фыркает про себя в ответ надоедливому внутреннему голосу Саша. В минуты сомнений он говорил особенно громко. Но она более-менее научилась ему оппонировать. Иногда. Или соглашаться — если это казалось лучшим вариантом.

В Ордене ты лишишься за того пацана и силы, и жизни ради рассказанной сказочки о великом зле.

— Или лишусь сна, зная, что могла вмешаться и не вмешалась, — неожиданно для себя вслух говорит Саша, понимая, что только это и правда важно. Выбор. Ее выбор.

Возможно, она сейчас сделает только хуже. Возможно, все это только проверка лояльности, которую она с треском провалит. Возможно, это безумно-наивный план сумасшедшего, который никогда не сработает.

Но возможно этот безумный план — правда. И пока есть хоть один шанс, что это так — нельзя игнорировать такую вероятность. Конечно, война едва ли начнется — мировая, с ядерными ударами. По крайней мере сразу — запустить по чьей-то территории именно ракету с атомной боеголовкой местные точно не смогут, ракету-то взять негде. А вот

притащить ее куда-нибудь и взорвать... И неважно, будут ли потом наказывать террористов войной в Ираке, как было с Башнями-Близнецами. Неважно, кто и какие санкции наложит. Погибнут люди. Если хоть один шанс что все это — правда, и что у Свободы все получится, то погибнет множество людей. И если сейчас Саша не сделает ничего, то больше возможности вмешаться и спасти эти жизни уже не будет.

Во сне Черный Человек говорил, что она поймет, когда все изменится. А еще он говорил, что камень может отдать ей силу. Стоит проверить, ведь просто бежать прочь через лес наобум нет никакого смысла. Она просто не знает, куда. Да и четыре дня... Пешком она может просто не успеть выбраться. Мотоциклы — в сарае на поляне, а там, под вторым куполом, Андрей почти всевластен. И неясно, кому можно довериться, ведь в любой момент что селянин, что Затронутый могут воспылать верностью сюзерену и попытаться ее прикончить.

Значит, нужно добраться до камня.

Расстояния на Изнанке не имеют значения. В нескольких книгах говорилось, что за пять и больше Шагов за Грань Отражение отличается от реальности настолько, что своей волей маг может навязать ему собственные законы, используя для этого одну только силу. Такой побег через Глубину опасен, но там за десяток шагов можно приблизиться к цели на километры, даже не зная верного направления, достаточно понимать, куда желаешь попасть.

Возможно ли это на самом деле? У Серафима Саша так и не успела спросить.

А теперь и не придется — она выяснит сама. Главное — добраться до Камня и выбрать его силу. Он под внешним куполом защиты, а это значит, что о ее присутствии быстро узнают все, кто захочет. Ну хоть не под внутренним куполом менгир, и то ладно. Андрей явно не желал, чтобы все поняли то, что он черпает силу из камня, вот и создал этого «близнеца», подобие, на поляне. Но сейчас это на руку ей. Если действовать быстро, Саша успеет добежать до камня и вычерпать силу до того, как кто-то придет. Если повезет, Андрей не оставил охранника рядом с камнем.

Отсюда до менгира не меньше сорока минут бегом, от которого Саша успела устать, добираясь до Дальнего Предела. А шагом — не меньше полутора часов. В любом случае доберется она до камня после заката. После начала Охоты. Возможно, все же не сильно после. Для этого все-таки стоило поспешить. Саша прикинула расстояние и побежала, держась вдоль границы внешнего купола защиты, простиравшейся по правую руку, но не пересекая ее. Ни в коем случае не пересекая. Не стоит облегчать жизнь тем, кто решит искать ее.

Дважды Саша едва не свалилась на землю, запнувшись о торчащие корни. Один раз с трудом выпуталась из перегородивших путь колючих кустов, едва не потеряв цепочку, на которой по-прежнему висел подаренный бывшим наставником амулет. Вероятный щит. Не использовать ли его? Но пока ничего не предвещало катастрофы прямо сейчас, и Саша отложила эту идею. Возможно, позже амулет и правда пригодится. Не стоит тратить его понапрасну.

Она замирает, как спортсмен перед прыжком в холодную воду, в тот миг, когда проходит сквозь внешний щит. Камень близко. Но и закат уже отгорает. Камень пульсирует, словно живой, зовя ее. Монументальная в своей смерти Ось Мира из сна и одновременно живое, бьющееся сердце из реальности.

Саша бегом взлетает на холм, вглядываясь в Отражение.

Никого. Она успела. Камень кажется отливающим странным, неестественным цветом.

Менгир притягивает ее внимание, словно зовет, словно сердце в нем стучит все быстрее и быстрее.

— Здравствуйте, — Саша зачем-то здоровается с камнем. Говорит она быстро, шепотом, боясь, что в любую секунду на нее нападут. Но все же начинать без слов кажется ей невежливым. — Мне очень нужна ваша сила. Я буду рада, если вы мне ее одолжите. Пожалуйста.

Саша резким заклинанием Лезвия рассекает себе ладонь, прикасаясь к холодной поверхности камня. Сердце пропускает удар. И ее собственное сердце, и то, каменное.

Андрей пытался забрать силу отсюда — на правах предыдущего владельца. И выбрал почти половину. Но есть еще. Достаточно. Она чувствует — достаточно. Саша зачерпывает, выпивает, усваивает, словно бы вбирая в себя... Ветер? Воду? Огонь? Тьму или свет? Разум? Миллионы образов, ни один из которых не подойдет полностью, но каждый из которых все же подходит.

Она — одно целое с камнем. Два сердца бьются в унисон несколько мгновений.

А потом Сашу отбрасывает в сторону, разрывая связь.

— Хитрая паскуда, — раздается сзади смутно знакомый голос.

Тот самый мерзкий колдун, что преследовал ее на фестивале. Антон, подручный Андрея, виденный в деревне несколько раз.

— Третий раз от меня не сбежишь, — Саша чувствует, как все ее тело обхватывает чужое заклинание. — Попрощайся с жизнью. Нету здесь мага, что тебя спасет. Ночь Охоты, крошка, и все в Свободе знают, где ты. Все желают тебя убить, но это сделаю я, — пути черной, отвратительной магии на шее начали медленно затягиваться, разрывая кожу, — не представляешь, сколько сил даст твоя смерть. Ты словно прекрасный плод, который раскроется лишь передо мной. Мой прекрасный, только что сорванный плод... Твоя смерть будет великолепна на вкус.

Саша не может ответить. Воздуха не хватает. По ее венам течет дармовая сила. Сила камня. Но какой в ней прок, если нечем дышать? Огонь спалит ее дотла, вода, свет или тьма... Как она поможет?

Сила может многое.

Саша на секунду каким-то чудом отрешается, нащупывая верную мысль. Она — камень. Камень не волнуют люди. Камню не нужно дышать. Камень силен. Ему плевать на все ограничения, наложенные на него кем бы то ни было. Плевать на наручники. Она — камень.

Саша смеется, чувствуя, как ее сила вырывается в мир, минуя все ограничения, и рвет на куски заклятие колдуна.

— Падла, — колдун резким движением выбрасывает руки вперед.

В нее летит что-то еще, но это не имеет значения. Вырвавшаяся из ладони энергия сжигает заклинание на подлете. И следующее. И следующее. Сила горит в жилах — и Саша разворачивается, ощущая дикую, невероятную ярость. Колдун вновь заносит руку для очередного заклинания.

Он больше никого не убьет.

Самодовольное лицо рыжеволосого ублюдка перекашивается гримаса страха, когда осязаемая яростным огненным ветром невообразимая сила с легкостью подчиняется ей, устремляясь вперед. Поток чистой энергии разрывает на куски защиту колдуна, отбрасывая его в ближайшее дерево с такой силой, что многовековая сосна буквально сминается от удара с громким треском.

Изнанка подергивается тревожной рябью, и Саша ощущает, что кто-то еще бежит сюда. И еще. И еще.

Сила камня, вся вложенная в яростный удар, покидает Сашу, оставляя после себя лишь ощущение недавно завершеного отдыха и готовности ко всему. Очень кстати — ограничители вновь обхватывают запястья.

Нужно бежать — иначе ее убьют прямо здесь.

И Саша бежит. Со всех ног по ночному лесу, не раз и не два едва не падая, запинаясь, продираясь через кусты, царапая лицо и руки. Она бежит что есть силы, выбирается из-под внешнего купола — и бежит дальше, надеясь, что преследователи, смутно ощутимые за спиной, все же отстанут. Куда именно она хочет прибежать нет ни малейшего представления. Но времени на раздумья тоже нет.

— Стоять, именем Ордена!

Саша резко затормозила, едва не протаранив лбом дерево — и медленно обернулась, чувствуя, как все больше и больше ощущений Отражения врезаются в разум, вызывая недоумение и страх. Обычным зрением она видела человека среднего роста в тяжелом плаще и маске. Самой натуральной серой безликой маске, в которой только и видно было, что темные, чуть отсвечивающие глаза незнакомца. Или знакомца? Какое-то отстранённое чувство узнавания, шедшее больше с Отражения, чем из реального мира, пригвоздило Сашу к месту.

Она встречала его уже когда-то. Это орденец. Она могла дать голову на отсечение — орденец. Настоящий орденец — здесь. Тот самый маг в маске. О нем говорила Тамара. Именно он стоял за этим идиотским планом с ядерной бомбой. Как такое возможно? Но раздумывать над этим времени не было.

Это был орденец, явно не желающий задерживать ее — только убить. Саша понимает это за мгновение, когда Отражение идет тревожной рябью, а маг в маске поднимает руку, сплетая пальцы в сложный жест. Никогда раньше она не видела этого движения, но внутри все сжимается от резко накатившего страха. Как в тот миг, когда разгорался активированный артефакт в руках мальчишки.

Только против пацана помогла простая глушилка. А сейчас ей угрожал обученный маг, которому оглушающее заклинание — меньше комариного укуса. Вокруг незнакомца в Отражении аура защиты была настолько плотная, что, казалась, ничего в мире не могло бы не то что повредить ему — хотя бы отвлечь.

Тьма сплетается, тянется к Саше гибельными щупальцами, прикосновение которых будет последним, что она почувствует. Самое длинное щупальце почти касается шеи.

Шеи, где висит, по-прежнему висит на тонкой цепочке отданный бывшим наставником в прошлой, кажется, жизни, амулет. Вероятностный щит. Другого шанса нет. Саша коротким импульсом активирует чужие чары, чувствуя, как шею ожигает на секунду огонь...

И ничего не происходит. Тьма все так же тянется к ней, к ее голове, шее, рукам, ногам, тянется, сплетаясь в полноценное воздействие по воле человека в маске.

Почти сплетаясь — собачий лай неожиданно врывается в мир, разрывая разом и реальность, и Отражение. Меняя что-то важное. Вызывая рябь на Изнанке. Маг в маске отшатывается, и заклинание комкается за мгновение до завершения. Щупальца так и не дотрагиваются до ее тела, опадая, рассеиваясь, исчезая. Глаза мага расширяются от изумления. Саше кажется, что ее кожу буквально сдирает брошенный орденцом сканер. Ощущение длится мгновение, пока маг в маске не находит что-то, ведомое только ему. Находит — и Изнанка полнится уже не изумлением, а страхом. Самым обычным страхом.

В тот же миг маг Шагает и исчезает из реальности.

Собачий лай приближается, и на поляну выскакивает Серый в компании с уже виденным однажды волком. Волк на секунду исчезает за Гранью и возвращается в реальность в человеческом виде. От Анатолия вокруг расходятся волны столь ярких эмоций, что Саша жалеет о своей неспособности закрыться от ощущений Изнанки так же, как человек закрывает глаза и затыкает уши.

— Александра, уходи. Андрей узнал о смерти Антона, он идет за тобой. Уходи, сейчас

же!

— Моих сил теперь не хватит чтобы уйти, — Саша, несмотря на бешено бьющееся сердце, старается говорить спокойно. На удивление после всего не утратив соображения от страха и усталости.

По разуму лихорадочно метаются образы, из которых нужно... Выбрать? Придумать? Собрать? Неважно. Ей нужен план. Хоть какой-нибудь. Сколько она сможет сбежать по лесу? И — куда? Сейчас у Саши не было и тени представления о том, где она находится и где вообще хоть одно поселение обычных людей за пределами этой Свободы. Без энергии из камня шансов уйти по Отражению не было.

— Ты можешь сбежать отсюда. Можешь остановить это, — взгляд оборотня полон лихорадочного безумия. Вокруг его головы Саши видит темную, закручивающуюся, набухшую черноту. Клятва карает своего нарушителя. — Забери мою силу. Ты — маг, я — оборотень, но мы оба Затронутые. Этого хватит чтобы пройти по Глубине. Тебе — хватит. Орденцы выслушает тебя, что бы ты ни натворила до этого. Точно выслушают. Расскажи им. Пожалуйста. Это шанс. Ты — шанс остановить все это.

Саша выдохнула. Она знала, о чем говорил Анатолий. Каждый Затронутый знал. Силу можно было передать напрямую. Ничего сложного. Вот только если отдавать слишком много, то себе не останется ничего. И это — смерть. Мгновенная смерть от силового истощения. Но выбирая подчистую другого Затронутого, даже Обращенного с его нежизнью, можно было обрести невероятные, исключительные силы, пусть и на время.

Оттого колдуны и маги подчас превращались в безумцев, выпивая всех на своем пути. Оттого полное выбирание каралось смертью.

— Я не смогу. Это невозможно.

— Возможно. Саша, забери все.

— Это убьет вас!

— Я уже мертв. Я — Обращенный. Я мертв, — оборотень качает головой и продолжает говорить с какой-то лихорадочной злостью. — Я знаю, что принуждаю тебя стать убийцей. Но это добровольно! Закон карает только за насилие! Прошу — сделай это. Я не хочу, чтобы моя дочь жила в мире, что будет. В мире, где вообще есть те, кто способен замыслить такое. Пожалуйста! Это ее шанс, меня уже не спасти. Не убьешь ты — прикончит клятва. Но Аня не знала иной жизни, выросла здесь, но она еще может измениться. Сделай это. Не ради меня — ради нее. Прошу!

Саша только и могла, что ошарашенно разглядывать оборотня и слушать его сбивчивую речь, не в силах пошевелиться. Амулет на шее по-прежнему пульсирует, словно живой. Анатолий захлебывается словами, выплевывает их, спеша. Желая объясниться? Исповедоваться?

— Услышь меня. Ты думаешь, что я сошел с ума. Но это не так. Я чудовище — и я устал им быть. Тридцать лет назад молодым парнем я с другом увлекся мистикой и оказался в итоге здесь. Я погнался за шансом стать особенным, стать по-настоящему сильным, соблазнился открывающимися перспективами... Но я не рожден волшебником. Я юлил, предавал, лгал и дрался ради места под солнцем. И в ту ночь Обращения, когда властвовал зверь, я бегал по лесу, как безумец. А утром нашел себя у тела своего друга. Единственного человека, кто был со мной. Единственного, кто поддержал меня после смерти семьи. Единственного, кто сам был моей семьей. Я хотел умереть... Прямо там. Но Света сказала что у меня будет дочь. И я остался в живых — ради нее. Ради нее. Я хотел уехать, надеялся

забрать Свету и Аню... Но на мне — поводок клятвы, которую я дал в погоне за ослепившим меня могуществом. Если все случится как задумано — мне все равно не жить. Времени мало. Тебе нужно бежать, иначе Андрей уничтожит тебя. Он зол. Саша, ты свободна, ты не в чем никому не клялась. Ты можешь уйти и рассказать. Об этом должны знать. Пожалуйста. Прими мой дар. Прими мою силу. Ради Ани. Ради ее будущего. Проси... Скажи — пусть Орден не уничтожит мою дочь сразу. Прошу тебя. Умоляю.

Саша вздрагивает. И от боли в словах мужчины, и от ощущения приближающейся угрозы.

— Андрей близко. Саша, — оборотень сжимает ее руку с нечеловеческой силой. — Прошу. Сейчас. Прими мою силу. Прими мою жизнь.

Она чувствует, как от Анатолия к ней тянутся нити. Не тьмы, пусть и темные. Темные, поросшие словно бы тонкой шерстью, нити силы. Чувствует, как, нагреваясь, все быстрее и быстрее пульсирует амулет на шее. Чувствует, как приближается опасность с Изнанки, неся за собой смерть.

— Ради Ани, — в глазах оборотня стоят слезы.

Саша сглатывает, ощущая, как тают секунды. Потом открывает рот — и словно бы чужой голос произносит:

— Я принимаю твой дар.

Слова — лишь формальность, необходимая для мага и Обращенного. Ритуальные слова, вроде «доброго дня» или еще чего-то подобного. На деле все происходит на Изнанке.

Даже раньше, чем Саша успевает открыть рот, нити силы бросаются к ней, обволакивая. Саша чувствует, как они вьются и вьются, вьются и вьются. Серый начинает выть, выть надрывно, выть, понимая все куда лучше, чем сама Саша. Но напасть не пытается.

Она пьет чужую жизнь. Это нельзя назвать никак иначе. Нельзя описать. Просто с каждым ударом сердца она чувствует растущую мощь, безумную, пьянящую силу. А глаза оборотня все тускнеют и тускнеют.

В один момент Саше кажется, что она может свернуть гору. В самом деле — просто взять и уничтожить все, что решит встать на ее пути. В этот же миг последняя, самая широкая нить протягивается от оборотня к ней и истаивает. Анатолий на секунду улыбается и падет безжизненным, изломанным, ссохшимся телом глубокого старика.

А Саша Шагает в тот же момент, когда на поляне появляется Андрей. Шагает глубоко за Грань, в недра Отражения. И начинает идти к цели. Сила кипит в крови. Саша может свернуть горы, но лишь разрезает пространство. Она доберется до города, доберется, с каждым шагом сейчас преодолевая несколько километров. С каждым шагом приближаясь к цели.

Мир вокруг окончательно утратил краски и цвета, превратившись в серое переплетение форм и размеров без верха, низа, без «право» и «лево», без «далеко» и без «близко». Мир, где любой шаг приведет к цели, если захотеть к ней идти.

А она очень, очень хочет.

Саша может свернуть горы. Шаг. Гору. Шаг. Холм. Шаг. Большое дерево. Шаг. Шаг. Еще и еще. Она должна добраться до города. Должна — и сделает это. Обязательно. Пусть с каждым шагом утекают силы. Пусть лицо умирающего оборотня стоит перед глазами. Пусть Андрей дышит в спину — она должна дойти. И будет идти, пока не придет. Хотя с каждым шагом окружающий мир все сильнее затягивает ее, засасывает, словно болото, со всех сторон. Болото сверху, снизу, справа и слева, и в измерениях, недоступных ощущениям, но

все же существующим.

Силы кончаются быстрее, чем она добирается до цели.

Саша чудом успевает сделать последний Шаг, вырваться с Изнанки до того, как ее бы затянуло в бесформенный мир окончательно. Это было похоже на попытку пройти сквозь метры застывшей грязи, вдруг оказавшиеся повсюду. Попытку всплыть уже не с большой глубины, а из недр бесконечного, бескрайнего болота. Но ей все же удается. Как именно — Саша не знает, чудом ухватываясь за почти истлевшие, смешавшиеся образы другого леса и другого Шага, который она уже делала, вырываясь в мир.

Амулет на груди обжигает кожу и рассыпается в прах в тот миг, когда ноги подламываются и Саша падает прямо на мокрую после недавнего дождя землю. Настоящую землю, землю в реальности. Все, что она чувствует — это откуда-то взявшийся холод в груди, чудовищную слабость и далекий, едва слышный шелест шин. Ее вынесло в раскисший от дождя ночной лес, казавшийся отдаленно знакомым. Кажется, такой был где-то недалеко от города. Но недалеко сейчас было далеким. Слишком. Далеким от города, от цивилизации. И от людей, к которым она так стремилась.

Саша все еще падала, и падение, не бывшее физическим, но от того не становившееся менее реальным, остановить было невозможно. Она падала через слой листвы, через грязь и гранит, через земную кору, падая и взлетая разом.

Мир отдалялся. Саше казалось, что сейчас она могла ощутить, как замедляется и замедляется неспособное больше биться сердце, как останавливаются до того исправно двигавшиеся легкие, как застывает в жилах кровь, больше никуда не спешащая.

Ничего больше. Ни пробегающей перед глазами жизни, ни света, ни тьмы.

Только холод и горькое сожаление о том, что не успела, что не удалось. Цель была так близка... Но все кончено.

Такова смерть, — пронеслась последняя мысль в голове. И мир померк, растворившись в темноте забвения.

Часть 3. Клятвы и свобода. Глава 1

Она лежала на уже знакомой лесной поляне.

Только теперь здесь властвовала ночь. Рядом горел, потрескивая, костер, и после непродолжительного удивления Саша поняла, что лежит на земле, одетая в совершенно незнакомую, но приятную на ощупь куртку. Откуда она взялась? Чья это одежда? У нее такой не было. Черная ткань с какими-то выцветшими красочными надписями словно бы хранила в себе тепло. По крайней мере, сейчас она, спрятав руки в рукава, чувствовала себя не так уж и плохо, несмотря на неожиданно сильный мороз вокруг. В этот раз в лесу было невероятно холодно, так что земля промерзла, кажется, на метры вглубь, пусть ни снега, ни льда на ручье не было.

Но не это интересовало Сашу. Ее занимали другое.

Откуда куртка? И почему здесь костер?

Это не сон, — мелькает отдаленная мысль.

Она ведь не засыпала. Это что-то иное.

Последнее ее воспоминание — размытый дождем незнакомый лес, где закончился побег по глубине Изнанки. Она бежала из поселения. Хотела добраться до города. Рассказать планы Свободы. Про бомбу и все остальное. Тот последний миг не то полета, не то падения... Она не заснула? Или заснула? Но, по крайней мере, проснулась ведь, так?

Значит еще есть шанс. Только нужно понять, куда идти и кому рассказывать.

Саша пытается сесть. Правда, требует этот каких-то невероятных усилий. Тело, кажется, весит сотни тонн, а вместо расплывчатости мира, навалившейся после прохода по Изнанке, теперь ее преследует слабость. Несмотря на то, что место кажется знакомым, ощущение власти над окружающей реальностью исчезло, как и монументальность камня. И все же не с первой попытки, но ей удается принять сидячее положение. Почти сразу Саша встречается глазами с Человеком в Черном, который обнаруживается совсем рядом.

Теперь он тут без приглашения — она очень и очень хорошо это ощущает. Но сил прогнать гостя нет. Да и теперь пустота мира вокруг кажется Саше стылой и холодной, какой-то до жути глубокой. Пробирающей до костей. Станный внутренний голос подсказывает, что это пройдет. Когда-нибудь. Возможно.

Здесь и сейчас тепло костра ей нравится. Оно необходимо, притягательно, но Саша не уверена, что сама сможет поддерживать его. Кажется, Человек в Черном следит за ее мыслями и чуть улыбается им. Без всякой насмешки, скорее с пониманием. Потом он встает, подходит ближе, и только теперь Саша понимает, что он одет в легкую, не по царящему вокруг холоду, футболку.

Человек присаживается рядом, разглядывая ее. Теперь у него не лицо отца и не маска. Саше кажется, что еще немного — и она узнает, поймет, кто это перед ней. Но мысль прерывает толчок в плечо. Чужая рука заставляет ее вновь лечь. Сопротивляться не хватает сил, да и от ладони Человека в Черном идет странное ощущение силы, обволакивающее, затягивающее и лишаящее всякой воли к борьбе.

Костер горит так ярко и так спокойно, что просто невозможно сопротивляться желанию снова заснуть. Никак невозможно.

Саша открывает глаза, пробуждаясь от странного видения. Веки кажутся необычайно тяжелыми, да и, подняв их, она на секунду замирает, понимая, что совершенно точно не помнит, как оказалась на диване в знакомой комнате.

Гостиная Серафима не изменилась. Даже несколько валявшихся в углу пивных банок никуда не делись. Возможно, бывший наставник считал их чем-то вроде талисмана, оставляя рядом с неплохой, хоть и покрывшейся пылью гитарой. Да и все остальное было на своих местах, ровно так же, как было на последнем занятии, бывшим, кажется, вечность назад.

Соображала Саша ну очень медленно, пытаясь понять, как вообще она могла здесь оказаться. Это ведь не было сном, верно? Для верности она ущипнула собственную руку. Больно.

Откуда-то из-за приоткрытой двери доносились голоса. Казалось, что Серафим с кем-то спорил. Стоило его отвлечь? Он ведь так и не появился тогда, после того происшествия с исчезнувшим артефактом. Но сейчас она как-то оказалась у бывшего наставника дома. Как он нашел ее? Почему не сдал в Орден? Что вообще будет дальше? Стоило просто подождать или обозначить свое присутствие?

Несколько минут Саша раздумывала над этим. А потом вспомнила, почему она оказалась в лесу, вспомнила камень, колдуна, Андрея, человека в маске и причину своего побега. И, нетвердо поднявшись на ноги, направилась в сторону голосов, доносившихся с кухни.

— Речь шла об обеспечении безопасности — это была единственная причина, по которой я согласился на эту авантюру, — говорит Серафим недовольно.

— Все было сделано в рамках протокола, — возражает ему незнакомый женский голос.

— Значит, было сделано недостаточно, — отрезает Серафим

— Ксандр, ты ведь понимаешь нестандартность ситуации, — при звуках голоса Михаила Ефимовича Саша замирает и начинает медленно пятиться назад

— Прекрасно понимаю. Как и то, что слепое следование протоколам никогда ни к чему хорошему не приводило. Саша, — Серафим был явно осведомлен о ее пробуждении, — подойди сюда, пожалуйста.

Бежать некуда, да и сил на то нет, и Саша направляется в кухню. Была она тут лишь раз, но помнит и высокий потолок, как и во всей остальной квартире, и массивную духовку, и кухонные шкафы из самого обычного, хотя и даже на вид прочного дерева, и небольшой обеденный стол, одним краем притиснутый к стене в явном желании сэкономить пространство.

Сейчас помимо стоящего около плиты наставника на кухне еще двое. Сидящий спиной к окну Михаил Ефимович кажется расслабленным, пусть и его лица Саша не видит, а вот молодая блондинка, разместившаяся за столом спиной к бывшему наставнику, выглядит изрядно волнуемой.

Серафим ловит взгляд Саши и показывает на незанятый стул.

— Садись. Нужно поговорить. Михаила ты помнишь, а это — Анжелина, член Ордена из Москвы.

Словно ничего не произошло. Не побега... Ничего. Впрочем, глава Ордена тоже не пытается накинуть на нее наручники и вернуть в камеру. Только пока?

— Держи, — откуда бывший наставник достал чашку с теплым чаем, Саша так и не поняла. — Выпей. И выслушай меня для начала.

Чашка греет пальцы, и Саша понимает, что пить действительно хочется. Тем более что чай оказывается вкусным, хоть и неожиданно терпким.

— Орден обеспечивает безопасность мира, останавливая разрушительные действия Затронутых. Мы работаем в том числе и с предсказаниями, пусть наука о будущем и неточна.

— Это нарушение протокола... — начинает было женщина, представленная Анжелиной, но холодный взгляд Серафима заставляет ее замолчать. Бывший наставник вновь поворачивается к ней.

— Ты знаешь, что будущее не предопределено, есть лишь вероятности. Но и они важны. Несколько лет назад появилась вероятность, ведущая к большим смертям и боли в нашем городе, которая постепенно крепла. Удалось узнать, что некая община Затронутых, живущая в лесах края, напрямую связана с этой вероятностью. Но община закрытая, и внедрить туда своего человека не представлялось никакой возможности. Уничтожение же общины силой вело в вероятностях к еще большим жертвам и многим горестям. Поэтому было решено внедрить к этим живущим замкнуто Затронутым того, кто придет туда не как агент, а как новый член братства, искренне в это веря. Иначе подлог был бы быстро обнаружен. Мы предполагали, что тот, кто это должен сделать, узнав о чем-то, что могло бы привести к серьезным разрушениям и смертям, постарается найти способ предотвратить их, связавшись с Орденом и рассказав о планах общины. Тем более, что шанс успешно провернуть все это был высок благодаря тому, что один из оборотней просил об обучении дочери-волшебницы. Увы, и он, и его дочь, ничего не могли рассказать, даже если бы хотели — глава общины об этом позаботился.

Серафим усмехается про себя, вспоминая про все попытки Михаила узнать хоть что-то от оборотня или его дочери. Ничего. Вообще. И не одному орденцу вырвать нужные знания было не под силу, даже убив обоих. Вот такие вот клятвы.

Саша несколько долгих минут переваривает услышанное, сжимая в руках чашку. Потом осторожно спрашивает, не то желая, не то опасаясь подтвердить свои догадки.

— Так, значит, тот парень с артефактом был подставным?

Визг тормозов, крики, чужая боль, растекающаяся по Изнанке...

— К сожалению — нет, — отвечает уже Михаил Ефимович. — Даниил Петровский был внебрачным сыном Мартина Алирского, колдуна, лишённого силы и казнённого Орденом за убийства людей с целью извлечения энергии. Сына он не успел обратить — с детьми многие не торопятся. Но игрушек оставил вдоволь, и немало — опасных. Да и когда его еще не забрали хорошо обработал пацана. И тот, увидев, что одна из отцовских поделок магов рядом с домом обнаружила, решил, что пора мстить. Взял один из саморазрушающихся артефактов. Следы его использования потом нашли, а сам предмет был разрушен неудавшейся активацией. Твои действия были полностью правомерны.

— Я не хотела... Причинять ему вред.

— Понимаю. Ты защищала себя и напарника.

— Но решение по этому инциденту, — в разговор вновь вступает Серафим, — до твоего сведения не спешили доводить. В тот момент я был занят на одном ритуале и оборвал связь, но я знал об операции и никак в нее не вмешался, ни тогда, ни позже, позволяя тебе отправиться в общину в одиночестве. Это было сложным решением, и я не оправдываюсь. Просто излагаю обстоятельства.

Женщина фыркает — довольно демонстративно.

— Все прочие эмоциональные моменты оставьте на потом, — она переводит колючий, тяжелый взгляд на Сашу. — Вы были в Свободе. Вы бежали оттуда. Ваш наставник говорил о том, что бежали вы, желая что-то сообщить о том, что они замышляют.

Откуда эта Анжелина узнала? Откуда знал Серафим?

Впрочем — есть ли разница?

Саша осторожно обводит взглядом всех троих. Как бы то ни было — это ее шанс.

— Свобода... Андрей и его люди хотят похитить у расположенной рядом войсковой части атомный заряд, как-то связанной с программой «Чердак» по хранению ядерного оружия и взорвать его, желая начать масштабный конфликт.

— Подождите, — волшебница прищуривается. — Вы говорите о том, что община хочет притащить в город ядерную бомбу и подорвать ее, как в глупых американских фильмах? Seriously?

— За это знание отдал жизнь Затронутый, — несмотря на общую слабость, в Саше поднимается гнев. — Хороший человек. Это не единственное, что я знаю о Свободе, но то, зачем пыталась прорваться в город. Так что — да, я абсолютно серьезно.

Тишину, следующую за этими словами, можно, кажется, есть ложками — столь она густа и всеобъемлюща. Первым нарушает ее Михаил Ефимович, который, как ни странно, не выглядит слишком уж шокированным.

— Я думаю, Александра, вам стоит рассказать нам все, что вы видели в «Свободе». С самого начала.

Саша кивает, набирает воздуха в легкие и начинает говорить. Никто из магов не перебивает ее, до самого конца, даже когда она останавливается, чтобы выпить чая, который, кажется, никак не желает заканчиваться и по-прежнему приятно согревает.

По окончании рассказа вновь на пару минут устанавливается тишина. Теперь она вовсе не густая, а, скорее, почти, прозрачная.

— Из ваших слов я могу понять, что вся история с планом по похищению ядерного оружия и использованию его в городской черте вам известна со слов девушки-человека Тамары и обращенного-оборотня, верно? И никаких дополнительных доказательств того, что этот план вообще существует, у вас нет? — Анжелина выглядит задумчивой и явно скептически настроенной. От былого волнения не осталось и следа.

— А этого мало? Я говорю правду, — Саша не до конца контролирует обиду, просочившуюся в голос. Она так стремилась сбежать... и теперь ей просто не поверят? — Вы ведь сами считаете, что Свобода опасна...

— Существует вероятность, что община может быть причастна к неким будущим событиям, — Анжелина поднимает палец, говоря наставительно. — Ваше участие и ваши заслуги никто не преуменьшает, Александра. Но посмотрите на все это с другой стороны — не кажется ли вам, что вся фантастичная история с атомной бомбой, так неожиданно оказавшейся рядом с территорией общины и которая Затронутым там якобы нужна выглядит как провокация?

— Провокация?

— Неприемлемая провокация, — качает головой Анжелина. — Вы еще очень молоды. У нас, безусловно, есть материалы на этого... Андрея. Боготов, так? — она поворачивается к Михаилу Ефимовичу.

— Он самый, судя по всему.

— Андрея Боготова. Он и Затронутые общины, безусловно, нарушают Закон, хотя и их действия можно классифицировать скорее как правонарушение, чем как преступление.

— Но рассказывать людям правду о нас...

— Формально не запрещено, — Анжелина прищуривается. — Иначе как было бы возможно становление? Вы помните Основные статьи Кодекса «О Мире»?

Саша кивает с некоторым сомнением. Основные статьи Кодекса «О Мире», или Кодека Перемирия, как его еще называли, было одной из тем, рассматриваемых в самом начале обучения и повторяемых вновь и вновь. Закон, по которым больше двенадцати веков жили Затронутые, был важнее, чем умение правильно ставить щит или бросать глушилки. По крайней мере, по мнению преподавателей Ордена. В чем-то их можно было понять. Не все обученные маги останутся орденцами, но все останутся Затронутыми. Так что даже сейчас большую часть Основных статей, самых древних и самых простых в своей сути, Саша помнила. Но упорно не понимала, к чему ведет речь эта женщина. Анжелина ей не нравилась. Что-то в ней было...неприятное. Не то в идеально ровно нарисованных бровях, не то в длинных, явно наращённых ногтях, не то в превосходстве, с которым она теперь смотрела на Сашу. Словно знала что-то такое, только ей ведомое.

— Тогда вам не составит труда процитировать то, что было сказано о контакте с людьми.

Прочитать? Саша напрягается, подбираясь. Наизусть она кодекс не помнила никогда. И... какое это вообще имеет отношение к делу?

— Это лишнее, — негромко говорит Серафим.

Несколько секунд Анжелина смотрит на него, но в итоге только пожимает плечами.

— Возможно. В любом случае, строки «не раскрывать непосвящённым и неодаренным ничего о мире нашем без строжайшей клятвы молчать об услышанном и словами и делами, дабы никто больше не прознал о Грани и тайнах ее» написаны не просто так. Орден раскрывает правду о себе нужным людям в правильном месте и в нужное время. Иначе у нас были бы бесконечные проблемы со всевозможными бюрократическими инстанциями, да и обнаружили бы наше существование давным-давно. А так посвященные люди при власти сами охлаждают горячие головы тех, кто начинает копать под наш мир. Иногда этого недостаточно, но на то есть и предсказатели, и команды менталистов и целая структура тех, кто охраняет покой людей от ненужных им знаний. Но факт остается фактом — мы не имеем право говорить о нашем мире с теми, кто может свободно донести эти знания кому-то еще. Но, судя по рассказу, Боготов взял клятву и с людей в своем поселении. Это, безусловно, требует всестороннего изучения и проверки, ведь по косвенным источникам информации община обращает людей без согласования с Орденом, ровно как и проводит среди них лотереи с этой... «охотой». Но все это нуждается в проверке и подтверждении, мы не можем просто так начать силовую операцию против тех, кто лишь решил жить вдали от города. Это их выбор.

— Но как же хотя бы то, что они творят магию вне Ордена? Это ведь запрещено?

— Для магов — да. За Обращенными следит Ковен, — Анжелина чуть улыбается. И улыбка эта Саше не нравится. — К тому же с ваших же слов единственный маг, творивший на ваших глазах колдовство, кроме вас самих — ваша подруга, адептка, еще не прошедшая посвящения, которая в Ордене состоит. Так же как и вы. И, вы, разумеется, сами никогда не использовали магию вне территории Ордена, верно?

Саша вздрагивает, понимая, что если понадобится подтвердить это в Круге Правды,

То...

— Мы не безгрешны — вот я о чем говорю. Подобное нарушение... Тогда логичным было бы осудить и вас. Участие в ритуале. Ментальная активная защита в ответ на атаку. Жесткое оглушение...

— Колдун собирался меня прикончить! — Саша чувствует, что вновь начинает злиться.

— Дважды — исцеление, — игнорирует ее протест Анжелины. — Об атаке на вас колдуна Антона известно только с ваших же слов.

— Я не лгу. Вы же можете проверить. Круг Правды и все такое.

— К сожалению сейчас это невозможно, — Михаил Ефимович качает головой. — Круг Правды, как и любая подобная ментальная практика, примененная к вам в ближайшую неделю, после столь сильного истощения и долго пребывания на Изнанке во время побега, не только не даст достоверных результатов, но и может повредить. Это бессмысленно и опасно.

— Так что пока у нас только ваши слова, — подхватывает Анжелины. — И, безусловно, мы не собираемся оставлять из без внимания.

— Нужно спешить. Учения будут через четыре дня после Охоты... Уже меньше, так? — Саша несколько вопросительно смотрит на Серафима, словно пытаясь понять, сколько прошло времени с момента ее появления здесь.

— Если ты отсчитываешь дни с момента своего побега, то теперь до указанного дня трое суток, — негромко, спокойно говорит маг. Кажется, даже чуть сочувственно.

— Три дня! Это...

— Это не имеет значения, — в голосе Анжелины прорезается сталь, — без должных доказательств развязывать войну с кем-либо никто из членов Ордена не имеет никакого права. Мы — защитники порядка, а не линчеватели. И какие бы истории вам не рассказали члены общины, без проверки верить им не стоит. Не говоря уже о том, что план о «господстве над ядерными пустошами» просто смехотворен. Это вам не детские книжки нерадивых писателей. Все изложенные факты будут проверены, и если община и правда занимается всем, чем вы описали — с ней разберутся. В рамках закона. Санкционировать же силовые операции без должной базы никто не намерен. Ваша работа будет оценена, а изложенные факты проверены Орденом. Примите благодарность от Совета за продленную работу, а остальное предоставьте полноправным магам.

— Но маг в маске, тот, что покрывает все...

— Член Ордена? И это основано только на ваших предположениях. Опять же — никаких доказательства кроме употребленной фразы и маски, за которой мог скрывается кто угодно. Но и это будет проверено, не сомневайтесь. Верно?

— Безусловно, — кивает Михаил Ефимович. — В ближайшее время мы начнем самое тщательное расследование известных фактов.

— И только после них можно говорить о санкциях на силовую операцию. Когда будет ясно, что речь не идет о провокации, — Анжелины переходит совсем уж на официальный тон. — Совет Ордена в моем лице услышал ваш доклад об итогах операции. Можете быть свободны, если понадобится — с вами будет еще один разговор.

Саша глупо моргает. Наверное, ей нужно спорить. Но после всего этого рассказа она так устала... Серафим прерывает ее вялые размышления на эту тему.

— Саш, подожди меня в гостиной, хорошо? Есть еще вещи, которые нужно обсудить после того, как мы закончим.

Саша кивает, ощущая, что тело одеревенело, а мысли медленно кружатся в голове. Мгновенно вспыхнувшая ярость прогорела, и она только не слишком проворно встает из-за стола и покидает кухню, медленно добредая до гостиной. Там она и садиться на диван, никак не в силах совладать с пустотой в голове.

Орденцы выслушает тебя, чтобы не натворила до этого. Точно выслушают. Расскажи им. Пожалуйста. Это шанс. Ты — шанс остановить все это.

Прости, — все, что может сказать Саша, обращаясь к Анатолию. Повторяя его слова в своей голове. — *Я тебя подвела.*

Она прижимается щекой к обивке дивана и закрывает глаза. Сон не идет, но чувствует она себя как словно после долгой лихорадки. Мир расплывается, плавно подрагивая, и никакой четкости в мыслях. Кроме одной-единственной фразы, которая, наоборот, четка как никогда.

Все было зря.

В странной прострации Саша лежит на диване час. Другой. Третий. За окном уже начинает темнеть, и нужно встать, пройти до двери и отправиться домой. Ее квартира оплачена вперед, копия ключей должна была остаться у соседки, пожилой женщины, с которой у Саши сложились приятельские отношения. Надо было еще раньше встать и уйти, сразу же за гостями Серафима, выйти в коридор, когда хлопнула дверь. Маг хотел о чем-то поговорить — но какой в этом смысл? Ей нужно остановить Андрея. Нужно что-то сделать.

Но Саша просто лежит, рассматривая ничего не видящим взглядом выключенный телеэкран. В голове пустота, а в теле такая слабость, словно она пробежала марафон. Все зря. Все вообще было зря — все переживания, смерть Анатолия и все те усилия, потребовавшиеся, чтобы добираться сюда. И не только ее усилия, определенно.

Ей просто не поверили. Такого исхода Саша не ожидала. Эта наманекьюренная фифа из Москвы просто... Проигнорировала все. «Дополнительные доказательства», «провокации», «косвенные источники информации». Красивые слова, за которым скрывалась простая истина — все было зря. Сашу выслушали, услышали и проигнорировали.

И что теперь? Как добираться обратно? Она обещала Анатолию. Она обещала Тамаре. Она должна остановить готовящееся безумие, а не сидеть здесь и пялиться в одну точку, в конце концов.

Сидеть и страдать проще всего, — внутренний голос опять вмешался в размышления.

Да пошел ты.

Пойду — когда ты перестанешь себя жалеть, а начнешь действовать.

А вот и начну, — в мыслях проскакивает придающее сил раздражение.

Саша поднимается, отталкиваясь от мягкой обивки, и на нетвердых ногах устремляется в коридор. И в прихожей нос к носу сталкивается с Серафимом, теряет равновесие от неожиданности и едва не падает. Маг успевает схватить ее за плечо, удерживая от знакомства с твердостью пола.

— Спасибо, — Саша делает шаг к двери, но дальше Серафим ее просто не пускает.

— Куда это ты? — в вопросе слышится один только интерес, без каких-то других эмоций.

— Домой. Извините, нужно было уйти вместе с остальными, я...

— Ты остаешься здесь. И возражения я и слушать не хочу — ты не в том состоянии, чтобы куда-то идти, не говоря уже о том, что это попросту опасно.

— Я не...

— Саша, — Серафим качает головой. — Пойдем, поговорим. Нормально, без всех этих официальностей.

Маг мягко подталкивает ее за плечо в сторону кухни. Сейчас, когда здесь нет ни Михаила Ефимовича, ни Анжелины, ни кого-то еще, это место кажется почти уютным.

— Сядь, — Серафим кивком указывает на тот же стул, с которого она поднялась, кажется, вечность тоскливых раздумий назад, а сам принимается заваривать чай, вытащенный откуда-то из верхнего шкафчика. — Еда будет чуть позже, я давно и прочно подсел на услуги доставки, так что холодильник пуст. Пока. Разве что яблоко предложить могу.

— Спасибо, я не голодна, — на самом деле есть хотелось. Но вышло как-то

некрасиво. Саша и так понятия не имела, как оказалась на диване бывшего наставника и что произошло в том лесу.

Ты и так принесла ему достаточно проблем. С поиском еды сама справишься.

Отстань, — вышло это не слишком убедительно.

Саша могла себе признаться — в детской наивности правда хотела, чтобы Серафим, который до того помогал разобраться в новом для нее мире, тогда вступился и вытащил ее из той камеры предварительного заключения. Теперь она знала, почему этого не произошло. И, как ей казалось, Серафим был искренен в своем сожалении о случившемся, высказанном, к тому же, прилюдно. Но это знание вовсе не значило, что теперь нужно напрягать бывшего наставника своим присутствием.

Больше всего она хотела оказаться дома, свернуться на кровати под одеялом так, чтобы никто никогда не нашел, и просто забыть о последних месяцах. В идеале — о последнем годе своей жизни.

— Саш, не дури, — маг ставит перед ней приятно пахнущую чашку с чаем, от которой, кажется, тепло исходит даже в Отражении. Или не кажется? Сам Серафим садиться на другой стул, не приближаясь. Саша ему благодарна, так хотя бы создается иллюзия, что рядом никого нет. — Ты хочешь есть, пить, помыться, получить ответы и больше всего свалить подальше отсюда туда, где обо всем пережитом ничего не будет напоминать. И я тебя прекрасно понимаю. Но, к сожалению, пока последнее мало выполнимо. Не потому, что я злобный тиран, а потому, что и твое состояние пока не самое лучшее из возможного, и шанс, что до тебя решат дотянуться члены общины или их прикрытие из Ордена слишком высок. Не говоря уже о ком-то, кто может узнать о твоей связи с менгиром и пожелать воспользоваться ей с самыми неприятными для тебя последствиями. Пока о том, что ты жива, знаем я, Миша и Анжелина. И пусть так и остается на данный момент. Так что пока мы не разберемся со всем этим дерьмом придется немного потерпеть мое общество.

Саша, словно против воли, обхватывает чашку руками. Теплая. И тепло это почему-то успокаивает.

— Я справлюсь сама. Доберусь домой.

— Я не сомневаюсь. Но ты уже достаточно пострадала во всей этой затеянной мной и Михаилом операции, чтобы дальше увеличивать риски.

Саша чуть сдавливая чашку. В ее голове витают самые разные образы. И она слишком устала, чтобы их отгонять. Кажется, недавний разговор отнял все ее силы после пробуждения, и оставшихся хватает только на самое поверхностное осмысление сказанного.

— Я рассказала все, что знала. Даже если я связана с тем камнем... Не все ли равно теперь?

— Нет, — твердо отвечает Серафим. — Совершенно точно нет, — он продолжает на порядок мягче, — Выпей, Саш. Ты устала. Да и со всеми этим разговорами и я устал.

Она только сейчас замечает, что рядом с магом стоит такая же кружка. И Серафим выпивает ее в пару глотков. Саша колеблется пару мгновений, но все же следует его примеру. Травяной чай не похож на первый сегодняшней напиток, но все же, на удивление, приятен на вкус.

Серафим смотрит на нее со странным выражением явного... Сожаления? Вины?

В Отражении пусто. В этом доме сейчас Саша вообще ничего не ощущает — хотя за прошедшее в Свободе время привыкла чувствовать Изнанку и все, что она рассказывала о мире. Но Серафим явно не в курсе этих переживаний. Или делает вид, что не в курсе.

— Давай по-честному — я поступил по-свински. Я привел тебя в наш мир, я стал твоим наставником — и оставил тебя один на один со всей этой историей с пацаном колдуна и доморощенными феодалами. И ты имеешь полное право на меня злиться, меня ненавидеть, обижаться и не желать видеть никогда в жизни. После того, как все закончится, я не буду тебя ни в чем ограничивать, ты сможешь поступить, как считаешь нужным. Послать меня, Орден, мир Затронутых... Но пока я просто не могу отпустить тебя. Здесь ты в безопасности, хоть и взаперти. За пределами моего дома я не способен это гарантировать, даже в Резиденции может быть небезопасно. Предатель среди Ордена — это серьезно.

— Я не могу сидеть здесь просто так, — Саша качает головой. — Я обещала... — образы проносятся перед глазами, и она сглатывает, стараясь отвлечься от навалившихся эмоций. — Неважно. Я должна помешать Свободе и их плану.

Ради этого она пришла сюда. Если ей не поверили... Что ж. По крайней мере, дома должны остаться украшения. Наследство от матери. Карт и паспорта у нее нет, но если пойти в ломбард, то будут деньги. Потом в интернет-кафе узнать, где там военная база по спутникам или прямому поиску, и попробовать...

Что именно попробовать она не успевает додумать — Серафим отвлекает ее.

— Ты уже им помешала, — говорит маг весомо. — Ты серьезно считаешь, что Миша даст каким-то сектантам, пусть и с предателем во главе, проверить такое на своей территории? Он может быть и не самый приятный человек в мире, но такого не допустит. А предателя ждет отправка за Грань.

— Но... Он ведь согласился с этой... Анжелиной. Сначала расследование, потом все остальное.

— Согласился — официально, — чуть пожимает плечами Серафим. — Но это вовсе не значит, что Новгородский будет сидеть сложа руки до того, как центр даст добро на операцию. С предателем в наших собственных рядах все придется делать в разы осторожнее, но и только. И не из такого выбирались, поверь мне. Не взваливай на себя все. Ты и так сделала невозможное, добравшись сюда. Да, оборотень отдал тебе силы, но шла по Глубине ты, а не он.

— Я... Никуда я не шла, — Саша проводит рукой по волосам, словно это поможет вспомнить что-то кроме незнакомого ночного леса. — Мне не хватило сил. Я оказалась где-то... Не знаю где. Шагнула с Отражения вовсе не в городе. Но... Почему я здесь? — спрашивает она с некоторым замешательством и страхом.

Что произошло? Почему она ничего не помнит?

— Ты сбежала от Свободы. Пройшла на шестом Шаге, при том не закончив еще и первого года обучения, а это и для опытного волшебника даже с заемными силами невыполнимая, считай, задача. Но ты хотела рассказать, хотела дойти — и дошла, сама выбралась с Отражения. Это было не так далеко от города, как тебе кажется. Побег по Глубине забрал и заемные, и твои собственные силы. Почти все, поэтому ты ничего больше не помнишь. Я перенес тебя сюда, едва понял, что в Ордене есть предатель и что тебе там находиться небезопасно. После побега по Глубине ты еще несколько раз порывалась рассказать, вредя своему телу и разуму, уже не отдавая отчет ни в чем, и я позволил себе прочесть твою память, желая понять, что именно подвигло тебя на такой риск. Ментальное вмешательство в этом случае не несло для тебя угрозы потому что ты являешься моим учеником. Так что я знаю все, что ты видела, и полностью разделяю твои выводы о произошедшем. Мне очень жаль, что тебе пришлось пройти через все это. Но усилия не были напрасными, теперь мы

можем остановить фанатиков.

— Они не фанатики. Они просто принесли клятву в надежде на лучшую жизнь и теперь никуда не могут деться, — машинально отвечает Саша, все еще осмысливая то, что сказал Серафим. — Вы... Нашли меня?

— Давай все еще на «ты», хорошо? Иначе я и прям чувствую себя древним, — усмехается маг. — Да, нашел.

— Но... Как это возможно? Я ведь... Я даже не знаю, где была. И где точно находится община... Хотя Камень, мне кажется, найти смогу, — чуть смутившись, говорит Саша. Эта мысль пришла к ней не так давно, но прочно засела в разуме. Камень она наверняка могла бы найти. Могла бы пройти к нему, если бы захотела, просто ощущая верное направление.

— Сможешь, — кивает Серафим. — Вы связаны, пусть и настройка менгира займет годы, а то и десятилетия. Но спешить все равно некуда. А нашел я тебя и из-за того, что сработал амулет, и это привлекло мое внимание, и потому, что ты — мой ученик. Пусть я заблокировал связь, чтобы тебя приняли в общине, совсем эта связь не исчезла. И я почувствовал, что тебе грозит опасность, и вмешался.

Связь и правда не исчезла — сейчас Саша могла это ощутить. Слабая, почти незаметная, но она все еще была. Только почему?

— Аня говорила, что это связь и вообще все это... Зависит от отношений. Что не обязательно обучать становленного.

Почему она об этом вспомнила сейчас? Саша понятия не имела. Но это почему-то казалось важным. До визита в Свободу она была уверена, что традиция наставничества — часть какого-то закона среди Затронутых. А Аня говорила, что это вопрос выбора.

— Не обязательно, — кивает Серафим. — Это традиция, но как и любые традиции, эту можно нарушить. Грань за это не карает, Отражение не говорит о произошедшем всем желающим, да и совесть у некоторых молчит, не противясь такому. Но привести в наш мир того, кто о нем ничего не знает — и бросить на произвол судьбы... Жестоко — самое меньшее, что я могу сказать. Возможно потому, что сам не был оставлен и чувствовал, что могу рассчитывать на совет того, кто знает больше и больше понимает. И я, несмотря на некрасивый поступок, сделанный ради предотвращения большого зла, никогда не переставал считать тебя своим учеником.

Саша вздрагивает и поднимает глаза на Серафима. Кажется, впервые с начала их разговора.

— Я — та еще сволочь. И понимаю, что заставил тебя пережить не самые лучшие мгновения. Но сейчас все позади. Мы разберемся со всем этим, и никакой бомбы никто не взорвет. Все, что ты пережила, не будет напрасным.

Саша вглядывается в глаза древнего мага. Не то ища подтверждения его словам, не то надеясь уличить во лжи. С его жизненным опытом он наверняка знает, что и как говорить, чтобы достичь того, что хочет.

Саша наивна, но хочет ему верить. Правда хочет. У нее масса вопросов, нет никаких ответов, и чувствует Саша себя так, словно ее в финале марафона сбил грузовик. Но то, что говорит бывший — бывший ли? — наставник так...Притягательно.

Она против воли чуть улыбается, понимая, что сомнения никуда не делись.

— Я не прошу тебя безоговорочно мне верить, — Серафим тоже улыбается. Не грустно, скорее понимающе. — Но давай ты, пока все не закончится, не будешь неоправданно рисковать, хорошо? Я хочу, чтобы мы могли объединиться и расстроить планы этих

фанатиков. И для этого пока тебе нужно остаться здесь. Договорились?

Саша медленно, осторожно кивает. Звучит вроде логично. Ее слова помогут наказать виновных. Она ведь свидетель, так? И теперь у нее нет амулета чтобы сбежать от человека в маске. Черные ленты смерти дотянутся до нее. Да и если бы и был амулет... Куда бежать-то?

— Да. Хорошо.

— Отлично, — Серафим улыбается чуть мягче, — тогда для начала нужно поесть. Со всеми этими разговорами и важностью бывшей здесь гостыи я сам проголодался, а есть в одиночестве просто моветон. Ты ведь не против суши? Составишь мне компанию?

Саша с некоторым сомнением кивает. Составить компанию — это можно. Вполне. Если маг так хочет...

— Вот и прекрасно, — раздается звонок в дверь, которого мужчина явно ждал. — Потому что курьер уже подъехал. Держи пока, — Серафим передает ей еще одну кружку с только что разогретым отваром и идет открывать дверь.

Саша обхватывает пальцами керамику. Ей кажется, что тепло от предыдущей порции настоя, наконец, добирается до разума и окутывает его приятной, расслабляющей пеленой. Хотя, возможно, дело в чем-то другом.

После еды, душа, курьер принес еще целый ворох более-менее подходящей одежды из какого-то спортивного магазина, и чая с необычно сладкими печеньками, Саша чувствует себя по-прежнему чертовски уставшей, но вовсе не нашедшей ответы на все вопросы.

Она сидела на диване, завернувшись в плед. Пальцы вновь грела очередная чашка с чаем. Точнее, с настоем трав. Саша была уверена, что эта чашка сегодня будет лишней, но, как ни странно, пить ее не было каким-то невероятным издевательством над собой. Серафим сказал, что это восстанавливающий отвар и что пить его придется еще не одну неделю. Что ж, хотя бы не совсем противно. Сам маг сидел рядом на кресле, меланхолично поедая мармеладки из вазочки и просматривая что-то на планшете. Около него тоже стояла чашка, только чай в ней был самый обычный. Удивительно, что не пиво.

Часы показывали самое начало десятого, но Саша чувствовала, что еще немного, и появившиеся было после отвара и еды силы закончатся совсем, и ее начнет клонить в сон, несмотря на ранний час. Впрочем, в Свободе она как-то привыкла ложиться с закатом, особенно за то недолгое время, что провела с селянами. Но пока у нее были вопросы к Серафиму.

— Спрашивай, Саш. Миша прислал мне кое-какие данные, — маг, словно ощущая ее взгляд, поднимает голову от планшета. — И, возможно, я сам кое-что у тебя уточню завтра. Но пока — спрашивай ты. Все, о чем хочешь спросить.

— Я... Я могу как-то помочь с расследованием?

— Можешь, — легко улыбается маг. — Будь здесь, восстанавливался и делай, что я скажу, пока мы не разберемся с фанатиками. Тем более что сегодняшней ночью Миша будет трясти своими связями, а я — кое-что уточнять в собственном архиве и разбираться с тем, что узнал от тебя. Нужно составить полную картину, и заодно выяснить, что там за база, что за «Чердак» и что за уголок феодализма имени себя Боготов устроил. И после этого планировать наши действия.

— Мне рассказать о чем-то конкретном?

— Да нет, — Серафим качает головой. — Разбираться я буду с образами. Ты видела и слышала намного больше, чем можешь понять. Я в некотором роде скопировал специальной техникой эти воспоминания, но пока не просматривал их детально. Как ты с Камнем, только тебе не стоило даже пытаться анализировать полученные знания. Опыта бы не хватило и все бы могло очень печально закончиться. Со временем научишься.

— Во сне... Мне Человек в Черном тоже так сказал. Это... ты знаешь, кто это был?

Серафим кивает.

— Ментальная проекция.

— Кто?

— Ментальная проекция. Часть личности, не обладающая собственным сознанием, но запрограммированная определённым образом. Чаще всего они воплощают какие-то намеренья, а ресурсы для их исполнения берут у основной личности. Любые ресурсы, вплоть до конкретных умений и навыков. В твоём подсознании, в мире образов, эта проекция старалась помочь тебе справиться со всем увиденным и услышанным.

— А... Проекция чего? Или кого? Я видела... Мертвого человека. А потом и вовсе — маску.

— Сны полны иносказаний и символов, — Серафим чуть улыбается. — Но, очевидно, эта проекция не несла ничего разрушительного.

— И кто... Любой может так прислать кусок себя? А если это захочет сделать Андрей или тот человек в маске? — от мысли, что кто угодно может оказаться в том приятно-пустом лесу, Сашу передернуло.

— Пусть попробует, — улыбка мага стала откровенно хищной. — Тогда мы изрядно сэкономим времени и сил на всем этом расследовании и поимке гадов. Не бойся. Для этого нужен целый ряд условий, да и вообще — ты была в мире собственных образов. И ты чувствовала там свою власть, верно?

— Да.

— Вот именно. Даже проекцию ты могла сломать или разрушить, или, наоборот, призвать, как в последний раз, пусть и с эмоциями порой сложно было справиться. Так что в своем собственном разуме ты — властелин всего и вся. И теперь ты об этом знаешь, так что никакая зловредная часть чужой личности к тебе не просочится без твоего ведома и согласия. Не переживай.

— А кто это был? — любопытство, смешанное со страхом, не отпускало Сашу. Да, во второй и третий раз она точно контролировала ситуацию. Но в первый... Лжеотец просто пришел.

— Пусть ответ на этот вопрос будет тренировочной задачей. Попробуй найти его сама. Мышление ассоциативно, так что сам облик проекции имеет значение. Если зайдешь в тупик совсем, то я приоткрою завесу этой тайны. Пока отмечу лишь, что это реальный человек и тебе он знаком.

Саша несколько секунд недоверчиво смотрит на Серафима.

— Все, что связано с ассоциациями и подсознанием, внутренним миром, мировым образом, внутренним космосом и как его только не называли, ценно для понимания самого себя. А без этого понимания много где будут лишние сложности, и для тебя как для человека, и как для мага. Поэтому я не говорю ответ, хотя и знаю его. Сейчас не ищи ничего, позже будет проще, и ты все поймешь. К тому же у тебя есть еще вопросы, а времени не так много. Тебе нужен отдых. Следующие два дня будут определённо нервными. Спрашивай, пока есть возможность. Лучше выяснить наверняка, чем строить домыслы.

Саша кивает. Серафим знает, но не сказал, чья это была проекция... почему? Но, кажется, это не было опасным. И у нее правда были еще вопросы.

— А эта... Женщина на кухне. Блондинка.

— Анжелина?

— Да. Она... что-то вроде начальника для Ордена?

— Для Михаила, ты хочешь сказать? — Серафим усмехается. — Вроде того. Вообще-то мы сами разбираемся с проблемами на своей территории, и еще и всех этих соседних областей и краев начальников Ордена назначаем и убираем. Так сложилось что, именно у нас, на этой земле центр южнорусских магов. История — штука хитрая. Ну да, ладно, лекцию о том, как управляется Орден, на другой день оставлю. Если коротко — есть Совет в Константинополе, вроде как самые главные, но по бумагам. А по местам, по странам местные руководители всем занимаются. У нас страна огромная, как ты понимаешь, плюсом еще и союзные территории вроде Украины или Белоруссии. Это у людей попроще — взял, поменял границы. У нас такие смены некоторые Затронутые видели по десятку раз в жизни. Но, в общем, у нас страна разделена на довольно большие области, и главы их — с большими

полномочиями. Но все же подчиняются Совету Ордена в России, который подчиняется Верховному Константинопольскому. Анжелина — представитель российского Совета. Не его член, но одна из тех, кто, по сути, говорит его голосом. Так что в некотором роде — да, начальник. Вся эта угроза от общины была подтверждена прорицателями из Москвы, вот Совет и насторожился, и Анжелину отрядил присмотреть за всем. В обычном случае никаких разрешений нужно не было, но теперь вот бумаги решают больше, чем здравый смысл.

— А то, что Андрей заставил принести клятву вассалов, не позволит арестовать его? Ведь Аня была в Ордене, и ее отец тоже, Михаил Ефимович сам сказал, что они ничего не могли рассказать...

— Саша, — Серафим морщится. И поясняет: — Увы, некоторые законы нашего мира несколько...устарели. Или, скорее, меньше похожи на людские законы. Формулировки таковы, что вассальная клятва сама по себе не запрещена, как и многие другие. В стремлении сохранить тайну чего бы то ни было нет злого умысла. Скажем, век так назад не менее строгие клятвы брали, например, с членов клубов пикантных развлечений во избежание провокаций и скандалов. А вассальные клятвы Обращенные и поныне приносят магам в случае, если кто-то решит за них поручиться и тем самым спасти от приговора по какому-то доказанному обвинению. Да и не только Обращенные, иногда и для самих магов такое допускают. Это вовсе не то поручительство, о котором я писал Мише письмо, — улыбается Серафим, видя явный промельк мысли на лице Саши. — Но суть похожа. Если кто-то страстно желает спасти от казни приговоренного преступника, то для уважаемых членов Ордена возможно Поручительство Сюзерена. И — да, такой поручитель берет с приговоренного именно вассальную клятву. Есть и другие случаи... Да что там — в некоторых странах члены Ордена вполне могут вызвать друг друга на дуэль чести, если происходят из враждующих кланов, и победитель становится сюзереном проигравшего. Опять же, нужно знать, как и зачем Андрей пользовался своей властью, но сама по себе клятва — не преступление, хотя и повод к расследованию. Расследованию, а не аресту.

— Как это сложно, — бормочет Саша себе под нос.

Серафим слышит и усмехается.

— Еще бы. Попытка создать единый для всех Закон привела к таким сложностям и «необходимостям верных трактовок», что Верховный Совет только этим и занимается, уточняя, что можно и что нельзя в каждом конкретном случае с учетом всякого и этнического своеобразия и традиций. Например то, что вполне допустимо, скажем, в Японии между старшими и младшими магами, у нас бы назвали рабством.

— И пока все занимаются бумагами Андрей и остальные все сделают. Может они уже, ведь они знают, что я сбежала...

— Щиты Миша в любом случае усилил. В наш или любой другой город точно никто ничего не привозил пока, так что расслабься. Сейчас и полиция, и много кто еще следит за дорогами, благо через Отражение атомный заряд военных не протащишь, это не артефакт какой.

— Я понимаю, что это даже звучит глупо, — Саша отпивает чай. — Но, черт, Анатолий бы не стал врать, и Тамара... Они были искренними. И Валентина в своей истории про гибель возлюбленного. Глупо магам тащить и взрывать бомбу как какие-то террористы, да и ядерная война после... Это вообще возможно? — с замиранием сердца спрашивает она.

Неужели то, что даже в книжках казалось глупым сюжетным поворотом и нагнетанием

ненужного драматизма и правда происходит? Она всегда считала героев, спасающих мир от ядерного апокалипсиса, персонажами безмозглых боевиков, где реалистичность происходящего не имела никакого значения. Вот только теперь она стала частью такого вот боевика... Или драмы, как знать.

— Да нет, конечно, — Серафим отмахивается. — Еще с пятидесятых у Ордена есть протокол на случай, если люди и правду решат начать ядерную войну. Со времен, когда мы лучше их понимали все опасности такого противостояния. Так что чтобы не рассказывал Боготов своим вассалам — никакого перерождения цивилизации не случится. В теории от бомбы, конечно, погибнет огромное количество народу, и страна, а то и весь мир будет скорбеть и злорадствовать разом, как было в том сентябре. Но на этом все и закончится — никто не даст нажать на заветную кнопку. Орден не только удерживает Затронутых подальше от людей, но и людей — подальше от друг друга и глобальных войн.

— Тогда... Тот человек в маске. Он ведь... Зачем ему это? — Саша почти поверила сказанному. Почти — потому что теперь некоторые вещи перестали быть понятными.

— А вот это нам и предстоит выяснить.

— Тогда... — фразу Саши прерывает чудовищный зевок.

— Тогда тебе нужно отдохнуть, — мягко, но очень весомо говорит Серафим. — Пройшей ночью ты отдала прорву сил, и этим днем — тоже немало. Так что поспи пока, гостиная с диваном в твоём распоряжении, белье, подушки и это все сейчас принесу. Располагайся. Только телевизор без света не смотри, если не хочешь выяснить, как приобретенная на фоне энергетического истощения эпилепсия лечится. Меня найдешь в соседней комнате, или по связи позовешь, если что, хорошо?

Саша кивает, чуть не уверено.

— Может мне стоит все-таки...

— Даже не думай. Не раньше, чем урезоним этих свободолюбивых фанатиков, — и маг скрывается за дверью гостиной.

Возвращается Серафим меньше чем через пять минут. С охапкой постельного белья в одной руке, а в другой — амулетом на тонкой цепочке. Амулет кажется теплым. Еще более теплым чем тот, что покинул Сашину шею после побега по Глубине.

— Носи. И не снимай. Позже я заряджу старый щит и верну его тебе, но пока пусть у тебя будет эта штука. Принцип похож. Здесь до тебя никто не доберется, но мне будет спокойнее, если это будет у тебя.

Саша поднимает глаза на Серафима. Она так и не может понять его эмоции. Да и раньше, надо сказать, не до конца могла. Но он всегда казался ей искренним. Искренним в желании чему-то учить, пусть по-своему, в своем понимании роли наставника... Искренним в своем исчезновении перед всей этой «операцией». Но как бы то ни было... Серафим ей верил. Он в конечном счете спас из того леса, из того падения-полета, несшего... Ничего хорошего не несшего. Не говоря о том, что именно данный им амулет каким-то образом отпугнул человека в маске. Опасался что ли, что сам наставник появится? И поэтому у предателя так легко поверил и сам Серафим, и Михаил Ефимович?

Как бы то ни было — умом Саша понимала, что здесь сейчас ей и правда безопаснее, чем где-то еще. Хотя бы потому что там, в этом «где-то еще» никто так вовремя не отвлечет внимание человека в маске и черные ленты дотянутся до нее. Или кое-что похуже. И бежать будет некуда. И не к кому. Не к коту же...

И она правда очень устала. Слишком устала, чтобы пытаться куда-то бежать, и что-то

предпринимать сейчас, как бы не хотелось. Слишком устала, чтобы противостоять, драться до конца... Да и к тому же — в этом доме она пришла в себя. Пила, ела, наконец-то облачилась в новую собственную одежду, за которую потом расплатиться из стипендии, хотя Серафим настаивал вообще на отсутствии всякой платы.

Саша пробегает пальцами по резной пластине амулета. Прошлый не подвел... Она не могла сказать, что не чувствовала где-то в глубине души боли от тех часов в камере, от сомнений, так никуда не исчезнувших, как бы по-детски все это не было. Но сейчас они, по крайней мере, делали одно дело. Анатолий просил ее остановить Андрея. Тамара просила. И Серафим был согласен помочь. Так же как раньше она не могла бы относиться к наставнику... Но, определенно, он за эти сутки сделал для нее очень и очень много.

— Спасибо, — она говорит искреннее. Насколько вообще может.

— Отдыхай. Увидимся утром. И зови, если что-то понадобится. Доброй ночи.

— Доброй, — в некоторой растерянности отвечает Саша, глядя на закрывающуюся дверь.

И отгоняя от себя непрошенные воспоминания о собственной семье. Удачно отгоняя, ведь никто из прошлого не приходит в мешанине сонных образов. В этих образах вообще ничего нет — ни плохого, ни хорошего. Только приятная тяжесть теплого одеяла, смутно различимая на грани сознания.

— В общем ситуация складывается... интересная, — Михаил Ефимович сидит, оперев руки на заваленный бумагами стол и с усилием скрестив перед собой пальцы.

Кухня Серафима буквально забита людьми. Точнее — не совсем людьми.

Помимо Саши, старающейся не отвечать на собрании, на которое ей точно в другой ситуации не попасть, и главы южных магов, тут был и сам Серафим, прислонившийся к плите и разглядывающий мир за окном в подступающих сумерках, и двое черноволосых близняшек из Ордена, и, что самое неожиданное, коренастый невысокий вампир дальневосточной наружности. А рядом с Сашей на соседнем стуле Олег Васильевич, тот самый мощного сложения оперативник, которому она трижды пыталась сдать практику, кажется, в какой-то другой жизни.

— Я бы даже сказал — крайне интересная, — Михаил Ефимович чуть поморщился. — Настолько, что я прошу покинуть это собрание тех, кто не готов принести клятву о неразглашении.

— Сурово, — одна из близняшек, одетая в довольно откровенный наряд, больше подходящий для посещения пляжа, а не для деловой встречи, улыбается. — Но когда ты позвал нас сюда, а не к себе, то и так стало понятно, что мы не иначе, чем тайный заговор по свержению правительства организовываем.

— Леса, — одергивает ее сестра, на вид больше похожая на офисного работника со своей белой блузкой, черной юбкой и собранными в пучок волосами. — Не паясничай.

— Отстань, Антонина.

— Узнаю вас, — усмехается Серафим. — Поразительное единение.

— Мы в деле, Ксандр, — отмахивается та, которую назвали Лесой. — А иное значения не имеет.

— Прекрасно. Остальные? — Михаил Ефимович обводит глазами кухню. На Саше он словно на секунду задерживается, и она вздрагивает.

Клятва?.. Но, впрочем, уходить Саша все равно не будет, так что какая разница?

— Не тяни, — вампир говорит с еле слышным тихим шипением. — Мы знаем, что значат такие приглашения.

— Прекрасно. В таком случае — начнем.

Михаил Ефимович размыкает руки, делает ими резкое, выверенное движение — и в тот же момент Саша замирает, ощущая, как нечто врезается прямо в центр ее лба, пробираясь сквозь все щиты, и исчезает. Не тает, не разрушается, а исчезает, словно бы прячась где-то, пока не придет нужное время. А маг начинает говорить, громко и четко.

— Обсуждать то, что сказано отныне и навсегда вы можете только с присутствующими здесь, не давая ни словами, ни жестами, ни действиями понять никому другому ни о том, кто вел речь, ни о том, о чем была речь.

Саша ощущает, что эти слова словно бы волновали Отражение, заставляя сплетаться силу вокруг всех собравшихся во что-то... Во что-то, чему не было названия.

— Без моего дальнейшего соизволения да будут ваши уста замкнуты навеки от разговоров нечестивых, и да будет добровольное их отмыкание нести за собой кару смертную.

На секунду Саше кажется, что она перенеслась веков эдак на десять назад, а говорит эти

слова вовсе не плотный лысеющий мужчина в добротном костюме на самой обычной человеческой кухне, а как минимум главный волхв где-нибудь на капище. Волна силы пробегает по помещению, задевая всех вокруг, и исчезает, словно впитываясь куда-то. И вместе с ней исчезает и странное ощущение безвременья. Тем более что Михаил Ефимович дальше говорит уже совершенно нормальным, современным языком.

— Итак, к делу, — маг вытаскивает на центр стола какие-то из горы бумаг. — Вот более полное описание нашей последней операции против общины Андрея Боготова, кто хочет — ознакомьтесь, вы все здесь допущены. В нынешнее время мы имеем подтверждение информации о том, что Затронутые и люди общины намереваются стащить отсюда, — он вытаскивает еще один лист, на котором Саши видит большой четкости спутниковый снимок, — атомную боеголовку и использовать далеко не в мирных целях. По протоколу еще от 1972 года проект «Чердак» предусматривает хранение по всей стране в таких вот небольших воинских частях малых частей ядерного арсенала, которые можно было бы поставить на вооружение в случае массированной атаки на главные и известные вероятному противнику места размещения атомного оружия России. Не самый практичный подход, но кому-то в свое время захотелось перестраховаться и иметь что-то кроме подводных лодок и самолетов, так что инициатива была одобрена и принята к реализации.

Олег Васильевич морщится.

— И именно поэтому у нас вечно командировки то туда, то сюда для поддержания защиты. Гениальная идея людей, ничего не сказать. А оперативникам отдуваться.

Вампир в ответ хмыкает, но молчит.

— Да, поясню — Орден осведомлен о проекте и тратит немало сил по поддержанию защитных чар в таких местах. У нас уже были... Инциденты. С попытками похищения затронутыми оружия массового поражения, — Михаил Ефимович в упор смотрит на вампира.

— Я за это свою повинность отбыл, господин Новгородский, — чуть кланяется тот. Саша понимает, что говорит он с явным акцентом. — И не отрицаю ничего из прошлого. Нс с тех пор ваша защита не оставила нам ни единого шанса. Я говорю и как частное лицо, и как представитель Ковена.

— Я прям чувствую, что тут во всем этом есть подвох, — Леса склоняется над фотографиями. — Ведь не могут же ребята Андрея всерьез на успех рассчитывать? Я помню его — способный парень, но и только. Или он там вырастил у себя в лесах отряд великих магов?

— Великих — нет, но Затронутых у него много, — отвечает Михаил Ефимович. — А подвох в том, что, по нашим данным, этой воинской части вообще не существует.

— Что? — Олег Васильевич, буквально впивается взглядом в начальника. — Она действующая?

— Более чем. Так что, Леса, отвечая на твои слова — думаю, Андрей и его люди имеет все основания рассчитывать на успех. Современных наших щитов там нет.

— И все же. Они что, рассчитывают эту дуру ночью разобрать и по кускам вынести? Это ведь не чертеж какой украсть, а здоровенную и тяжеленую штуку.

— Мы предполагаем, что послезавтра, когда большая часть личного состава части отправится на учения, община с помощью добровольных помощников из числа людей, проживающих вместе с Затронутыми, отрежет кроанокским куполом территорию и захватит боеголовку, — вступает в разговор Серафим. — В дальнейшем вероятен или шантаж Ордена

прямо на месте, или физическая транспортировка на захваченной военной технике куда-то в населенные пункты и там уже применение заряда или вновь шантаж таковой возможностью, или нуль-переход. Предположительно второй вариант наиболее вероятен.

— А силенок у них хватит? — со скепсисом отозвалась Антонина. — На купол Андрей может и достанет мозгов, но вот точно не сил. Хоть если он три десятка своих под нож пустит, как баранов.

— На территории общины есть сталесский менгир.

— Черт.

— Именно. Эта первый важный момент. И второй, — Серафим поднимает палец. — Совет не дал согласия на срочную силовую операцию.

— Идиоты, — фыркает Леса. — Форменные.

Вампир только тихо смеется.

— Косвенные доказательства их не устраивают, — объясняет Михаил Ефимович. — И на данный момент вмешательство представляется для Москвы приносящим дестабилизацию в обстановку, а не ее стабилизирующую. Нам предписано установить наблюдение и ожидать дальнейшего развития событий. И даже тот факт, что в нашей собственной системы охраны данная часть может быть не первой «исчезнувшей» из архива, никого не смутил.

— Бумагомаратели, — Леса откидывается назад, ставя стул на две ножки без усилий. — Исчезнувшей... У нас завелась крыса, так? Отсюда вся секретность и сборы на этой, прости меня, Ксандр, крохотной кухоньке?

Михаил Ефимович кивает.

— К сожалению, — Серафим вновь берет слово, — кто-то из Ордена действительно работает вместе с Андреем. По нашим данным, именно мистер икс вдохновил Боготова, заигравшегося с властью над общиной, но дружившего до этого лета с головой, на планирование столь прекрасной авантюры. И кто-то, кто держит руку на пульсе действия Ордена. Он едва не убил нашего внедренного агента сам, до того полностью саботировав всю протокольную страховку. И без любых следов.

— Саботировал? — Лекса поднимает бровь, — ну пусть полевых только дурак не обдурит...

— Так, Тимирязева, — вскидывается Олег Васильевич, но Михаил Ефимович поднимает руку, и начавшийся было спор утихает.

— Достаточно. Да, были нейтрализованы и полевые агенты, а они были с нашей подготовкой и даже не пикнули, и наблюдатель — ему подправили внимание. Тонко и тихо. Очень тонко и очень тихо.

— Значит, о всей вашей операции по внедрению крыса была осведомлена, — Антонина кивает на бумаги

— Да. Именно поэтому здесь именно вы. И действовать нам надо будет без санкции руководства.

— Как будто в первый раз, — Лекса еще сильнее откидывается на стуле. — Ты лучше скажи — где Андрей свил гнездо? Пойдем и вытащим его оттуда, и пусть все рассказывает как на духу.

— Сказать могу только то, что чар достаточно свито вокруг, чтобы перелетные птицы не залетали, — в тон девушке отвечает Михаил Ефимович и указывает пальцем на еще одну валяющуюся на столе карту. — Предположительно гнездышко здесь. Заброска на вертолёт, его скрыть будет проще, чем нашу дружную компанию, топающую по Изнанке. Высадимся

как можно ближе и возьмем Андрея. Он остальных на вассалитете держит. Предатель, если будет там — вторая цель. Там минимум два купола защиты, так что будьте предельно внимательны.

— Хитрая падла, — Леса с грохотом ставит стул ровно. — До невозможности. Не зря я в свое время с ним рассталась. А напрямую щит сломать и повязать там всех? Шок и трепет, для собравшихся здесь таких Боготовых и двадцати не хватит, чтобы хоть как-то помешать. Если Ксандр с нами...

— С нами, — кивает Михаил Ефимович. — Как и я. Но Боготов неплохо присосался к менгиру. Сейчас он потерял полный контроль, но перестройка только началась, так что что Андрей в загашнике держит даже я вам не предскажу. Предположительно он не осведомлен, что наш агент жив и что весь его план раскрыт. Предположительно. И это помимо того, что там есть люди, которых могут выставить заложниками. И если заготовка кроанокского купола доформирована хотя бы процентов на девяносто, то силовым сломом щита мы можем форсировать события. Андрей может влить жизнь кого-то из своих и поставить все за секунды. И будем мы не просто ловить Боготова, а ловить Боготова, держащего руку на атомной бомбе. И не без потенциальных жертв среди военных.

— Крыса, загнанная в угол, может и в шею впиться попробовать. Да, пожалуй, — Леса рассматривает карту. — Тут черт ногу сломит. На местности ориентиры есть?

— Нет, но в группе будет связанный с менгиром, — Михаил Ефимович кидает взгляд на Сашу.

— О. Ладно, тогда без вопросов. Что, когда выступаем?

— В полночь сбор в аэропорту.

— Прекрасно. Я успею на маникюр, — усмехается Леса.

— Ты невыносима, — бормочет под нос Серафим.

— Женщины, — вампир скалится. — Нужным мои кровники, Новгородский?

Михаил Ефимович качает головой.

— Чем меньше нас — тем лучше.

— Как знаешь.

— Что ж, все свободны. Готовьтесь, если необходимо. Александра, останься.

Немного шума, разговоров, проходящие мимо люди, и вот на кухне кроме Михаила Ефимовича и самой Саши остается только Серафим.

— Жестокая идея собраться здесь, но отдаю тебе должное — все прошло быстро, — усмехается Михаил Ефимович.

— Иначе вместо сбора перед операцией мы бы получили встречу старых друзей с пивом, закусками и рассуждениями о прошедших днях, — фыркает Серафим. — Я что, не помню, как Леса с Тоней в прошлый раз ухитрились кривым телекинезом телевизор мне на куски разбить, а пытаюсь его в угаре починить — сжечь к чертям всю проводку и подстанцию заодно из строя вывести? Догадались чистую же силу использовать. «А что, электричество же энергия...». Хватит. Не сейчас.

— Ладно, не кипятись.

— Я не люблю, когда у меня дома бардак.

— А кто любит... К делу. Александра, — Михаил Ефимович оборачивается к Саше. — Я действительно хочу, чтобы ты отправилась с нами. Менгир начал на тебя настройку и ты сможешь найти его через любые щиты. Я дам тебе восстановитель, — маг достает из кармана небольшой кусок хрусталя, зачем-то обернутый кожей. — Выберешь силу из него,

если что, Ксандр... Привычка, Серафим, покажет тебе, что именно делать. Но по прилету на место ты остаешься в вертолете, ясно? Под щитами.

— Но... — Саша пытается было возразить, несмотря на тон мага.

— Это приказ.

— Анна...

— Я знаю о просьбе ее отца. Ей не будет причинен вред, насколько это возможно. Но ты остаешься в вертолете. Серафим был против и этого.

— Я и сейчас против.

— Я справлюсь, — Саша ощущает медленно поднимающуюся злость.

Она как-то справлялась все последнее время без чужих указаний.

— Не сомневаюсь. Но риск слишком велик. Если было бы возможно, я просто снял координаты и оставил бы тебя здесь в безопасности, но слишком большая погрешность. Тебе придется отправиться с нами на место. И там ты останешься у вертолета. И Олег с тобой. Я говорю это сейчас, чтобы не было никаких неожиданностей.

— Самое худшее на войне — это неожиданности, — подтверждает Михаил Ефимович. — Я могу рассчитывать на твое понимание?

Саша кусает губу, но все же кивает. Если не согласится — точно оставят здесь. И что-то подсказывает, что сбежать еще раз через окно в туалете уже не выйдет. Слишком уж серьезно настроены маги. Но как бы то ни было, сидеть и просто ждать она не намерена. Так что хоть так.

— Хорошо. Я предупредил, чтобы ты не пыталась ничего предпринимать и планировать. Твоя цель — указать место. И оставаться в живых, чтобы потом отправить всех, кто того заслуживает за решетку. И все.

Саша кивает.

— Рад, что ты это понимаешь.

— Спокойно, Саш, — Серафим сел рядом на диван. — Не убегай никуда, сейчас покажу, как с восстановителем работать. И объясню пару вещей.

Саша чуть нахмурилась. Не то что ее напрягал тот факт, что маг сидел всего в полуметре... Но что скрывать — напрягал. Не потому, что он был мужчиной — волноваться об этом она никогда не умела в достаточной мере. Тусовки едва ли не с восьмого класса, походы, ночевки... И никаких проблем. Саша эти проблемы не искала — и они ее не находили.

Но что-то было такое в тоне мага в только что прошедшем коротком инструктаже, что заставляло ощущать смутную тревогу. Возможно потому, что все эти могущественные Затронутые на кухне признавали главенство Серафима не меньше, чем Михаила Ефимовича. И если с последним все было понятно — глава Ордена на местных территориях, то столь большая власть наставника была открытием. Хотя, если учесть его возраст... Когда Саша узнала, о том, сколько наставнику лет, то успокоила себя простыми отговорками, поведением Серафима, никак не показывающим истинное положение дел. После она старалась не брать это в расчёт, коль он сам не хотел. Теперь же в разум вновь вторгся затаенный страх, рождавшийся разом и могуществом мага и его положением. Ну нельзя относиться спокойно к тому, что сидящий на том же диване, что и ты, был старше кремлевских стен и вполне мог видеть Москву без них, а город, в котором ты родился, запомнить безымянным болотом. Возможно, это происходило потому, что в последние пару дней Саша видела мага в непривычной ипостаси, жесткого и собранного, готового в любой момент обрушить на врагов что-то поистине ужасающее. Пусть наставник, не то бывший, не то нынешний, и пытался оставаться беззаботным в общении с ней.

Она мало знала о Серафиме. Еще меньше чем об Анне, хотя многое о подруге по правде Саша предпочла бы не знать. И никогда не встречать Анатолия, никогда не появляться в Свободе, никогда вообще не идти на дурацкую практику, не ездить на фестиваль...

Хотя они и делали с Серафимом одно дело, тревога в глубине души не отпускала ее. Возможно, потому что один раз она надеялась на вмешательство наставника — и этого не случилось. Искреннее надеялась, на самом деле, что случалось редко. А теперь вдруг выяснилось, что все это был план, о желании участвовать в котором ее даже и не спросили, а Серафим теперь вдруг начал не просто принимать деятельное участие в ее жизни, но и диктовать, что делать. Домой не ходи, в операции не участвуй, или участвуй из необходимости, но никуда не лезь. Отыграла свою роль и больше на сцену не выходи, не твоего ума дело.

Рассуждения обиженного ребенка. Но с собой Саша ничего не могла сделать. В конечном счете эмоции и их контроль никогда не были ее сильной стороной, а в последние дни слишком много навалилось.

— Не дуйся, — неожиданно усмехается маг. — Потом спасибо скажешь.

— Наверное, — неуверенно соглашается Саша.

Серафим наверняка мог с легкостью читать ее мысли. Он вообще много мог, и она мало что о его возможностях знала. И теперь это пугало. Раньше Саша не задумывалась с подобных вещах. Магия и новый мир манили ее, несмотря на все сложности с Законом, Обращенными и всем остальным. Несмотря на новые не самые позитивные знакомства, на

этого Азамата, чей один вид разворошил оставленные воспоминания. Магия казалась ей чем-то гармоничным и прекрасным, чем-то всегда бывшим частью ее самой, до того просто не замечаемой. Чем-то таким же важным, как рука или нога, пусть и из-за дурацких наручников пользоваться ей приходилось украдкой. Да что там — она и сбежала-то из Ордена ради магии, желая сохранить дар.

И увидела, как в Свободе Затронутыми руководил тот, кто принудил всех к магической клятве вассалов, убедив в ее необходимости, и теперь заставив вовсе не злодеев по натуре выполнять безумный план. И это при том что девушки-близняшки, могущественные, по ощущению в Отражении, волшебницы назвали Андрея не слишком сильным магом. А что тогда мог достаточно сильный? Например тот, кто прожил не меньше семи веков и все это время был магом и познавал магию?

Серафим помог ей. Спас из леса. Дал шанс выжить. Дал шанс остановить то безумие что замыслила Свобода. Он дал ей кров и за последние дни сделал много хорошего.

Но почему тогда эта тревога никуда не уходит?

Потому что отвернувшийся однажды отвернется дважды. И этого не изменить. Не стоит никому доверять

Так было нужно.

А тебе не наплевать ли — нужно, не нужно? Тебя предали, и неважны причины. Не я обижаюсь — мы обижаемся.

Ты ведешь себя как ребенок.

А ты — больно взрослая. Смирись — я часть тебя. Или ты меня, если угодно. Ты хотела ответ на вопрос, и вот он. И то, что он тебе не нравится — не мое дело.

Отвали.

Саша встряхивается, понимая, что уже несколько секунд как Серафим смотрит на нее каким-то тяжелым и почему-то, как на секунду кажется, грустным взглядом. Но ничего не говорит.

Он мог слышать наш разговор?

Спроси.

Больно надо.

— Держи, — Серафим берет с придиванного столика кристалл и протягивает Саше. — Возьми в обе руки. Это — универсальный восстановитель. Он не избавит тебя от истощения как такового, но поможет улучшить нынешнее физическое, энергетическое и психическое состояние. Внутри артефакта заключенная заемная сила, и при активации она адаптируется под твой организм и встроится в его циркулирующую энергию. Но я хочу сразу предупредить — это временная мера. Как все эти порошки растворимые при простуде — симптомы пройдут, причина — останется. Так что пользование восстановителем не решает всех проблем, твое тело все еще не будем само вырабатывать достаточно сил для полноценного функционирования и если ты истратишь и заемную энергию — окажешься истощена даже больше, чем раньше. Что очень опасно. Доступно?

Саша кивает.

— Хорошо. У тебя нет опыта использования восстановителя, и с учетом всего произошедшего, если хочешь, сейчас я могу повести это воздействие в качестве примера.

Повести. С этим на занятиях в той, прошлой жизни, Саша уже сталкивалась. Один волшебник объединял с другим свою магию и вел воздействие — заклинание или ритуал. Второй при этом ощущал все так, словно делал все сам. Пример. Образец, который можно

было использовать позднее. Такой процедурой обучали и на занятиях Ордена, и в частных встречах. Так Серафим учил ее азам целительства и менталистики. Увы, самостоятельно понять, что и как нужно делать, Саше, к ее стыду, не всегда удавалось. Тогда это было несколько... Напрягающее ощущение, словно кто-то взял твои ноги в руки и двигает ими, показывая, как правильно ходить и бегать. Теперь же...

— Спасибо, мне хотелось бы попробовать это сделать самостоятельно.

Маг кивает.

— Хорошо. Здесь нет ни слов, ни жестов. Просто коснись заключенной внутри энергии и позволь ей проникать в твое тело, равномерно и постепенно. Не спеши.

Саша кивает, разворачивая кожу, в которую завернут кристалл. Артефакт, кажется, тоже пульсирует, как и камень в далеком лесу, только слабо-слабо. Она прикасается ладонью к теплой поверхности и ощущает, как внутри плещется сила. Сила...

Прими мою силу. Прими мою жизнь.

Это не то же самое. Отвали.

Не то же. Но все-таки...

Пошел ты.

Пошли они все. Она справится. Что — теперь рыдать каждый раз, когда что-то намекнет о том бледнеющем лице оборотня в ночном лесу? Черта с два.

Это — кристалл, артефакт, а вовсе не человек.

И Саша зачерпывает бьющуюся внутри силу. Выбирает, тянет на себя, жадно припадая к истоку, выпивает так, словно вновь это менгир, вновь рядом Обращенные, вновь надо бежать, вновь...

Она теряет контроль в один миг, делая очередной глоток и понимая, что полученная сила не заканчивается и не заканчивается. Что она льется водопадом, бездонным потоком, захватывая с головой и унося.

Пытаясь унести. Подчиняясь — но вовсе не ей. Чужая воля сдерживает прилив, и Саша не сразу понимает, что до того не могла даже дышать, растворившаяся в дармовой энергии. Она с некоторым трудом вновь возвращается в реальность, глупо моргая и озираясь по сторонам.

Серафим сидит чуть ближе, чем раньше, обхватив своими ладонями ее руки. И именно он удерживает силу артефакта.

— Спокойно. Не спеши.

Теперь она при всем желании не смогла бы спешить. Волна силы больше не может поглотить ее. Этой волне просто не дают.

Саша делает несколько глубоких вдохов и выдохов. Ей не нравятся чужие руки, но сейчас она способна ощутить, что маг помогает ей удержать силу, помогает не захлебнуться в ней, помогает распределить полученное по всему телу. С каждым вдохом энергия растекается по жилам, попадая в кровь и проникая в каждую клетку.

Когда все заканчивается, Саше кажется, что последних дней вовсе и не было. Что она не убегала никуда по Изнанке, не разбиралась с колдуном, не смотрела на приближающиеся черные пути. Сила бурлит внутри, наконец не сдерживаемая ничьим умыслом.

Серафим убирает руки. Саша двигает затекшими конечностями и понимает, что кусок хрустала в ее ладонях теперь просто безжизненный холодный камень.

— Только не впадай в эйфорию, — Серафим отодвигается, но смотрит довольно пристально. — Это заемные силы.

— Понимаю. А почему это было так сложно? — любопытство берет верх над чувством неловкости

Потому что раньше ты убила за силу, а?

— Сложно? Неплохая оценка, — Серафим, судя по всему, все-таки не в курсе ее внутреннего голоса. — Причин несколько. Первая — восстановитель действует по заложенной программе. Из менгира и из живого носителя вычерпывала силу ты по своей воле, условно открывая кран на нужную скорость потока, здесь и поток регулировать нельзя, можно повлиять только на распределение полученной «воды», а для этого нужен опыт. Вторая — твой последний опыт получения чужой силы был весьма болезненным. Ну и третья — сейчас ты отчаянно стремишься что-то доказать, и себе, и мне, не знаю уж почему, и уделяла этому времени больше, чем самому процессу.

— Я не... — а не хотела ли она в самом деле показать, что вести ее не надо и что с артефактом она сама справится? Как и со всем остальным?

Показать, что она не доверяет Серафиму? Несмотря ни на что.

Маг чуть улыбается, и улыбка эта не несет в себе радости. Скорее — подтверждает ее мысли.

— Если ты захочешь говорить — то пожалуйста. Нет — твое дело. Я подвел тебя, и ты имеешь полное право злиться и не доверять мне. Полное право на все что угодно. Только запомни одну вещь, хорошо?

— Какую?

Серафим смотрит на нее спокойным, каким-то чересчур пронизательным взглядом. Хотя сказать, что этот взгляд несет в себе неприятные ощущения, Саша не может.

— Я не идеален. Но я на твоей стороне, — маг, кажется, хочет сказать что-то еще, но потом только качает головой и продолжает уже несколько иным тоном. — Отдохни. Ну или хотя бы не стой на голове и не трать силы понапрасну. Через несколько часов выдвигаемся в аэропорт.

С этими словами Серафим неожиданно треплет ее по плечу и поднимается на ноги, покидая комнату. Дверь закрывается, и Саша просто смотрит на нее несколько минут, пытаясь подобрать нужные мысли для выражения своих чувств.

Неудачно.

Саша ощущает камень-менгир настолько четко, что смогла бы найти его и с вдвое большей высоты.

Непривычно быть возле пилота в вертолете. Необычно вообще находиться в вертолете. Она до того летала всего пару раз, на самолете. В экономклассе, но, по крайней мере, в пассажирском салоне. А сейчас она сидит в кресле второго пилота в окружении всех этих стрелочек, компасов и приборов и тонет в шуме винтов и странном ощущении от низких дождевых облаков вокруг и от высоты, видимой сквозь толстое стекло. Впрочем, чувства ее смешанные не только из-за проплывающих мимо деревьев. Просто все было какое-то непривычное и знакомое разом.

Поездка на такси в аэропорт была почти обычной. За исключение того, что ехала она туда с Серафимом, который казался разом собранным и отстранённым, и Михаилом Ефимовичем, еще больше собранным и еще больше отстранённым. Маги молчали, явно ведя безмолвный диалог — это можно было ощутить хотя бы по царившему в салоне напряжению, и по слабому волнению Отражения. И потому, что никто из них не сказал ни слова во время поездки. Даже тогда, когда они выехали за город, и Саша про себя удивилась столь странному маршруту.

Но ответ отыскался быстро — ехали они в частный аэропорт. Саша никогда не была поблизости, а сейчас времени рассматривать небольшие самолеты, виденные до того только в кино, не было.

Невысокая блондинка-человек, поздоровавшаяся с обоими волшебниками и не заметившая Сашу, быстро провела их через какие-то технические помещения прямо на взлетную полосу. Там около небольшого, но довольно грузно выглядящего вертолета, стояли все четверо Затронутых, принимавших участие в недавнем собрании на кухне Серафима.

Близнецы все еще разительно отличались друг от друга. Одна из сестер предпочла камуфляжную форму, тогда как другая оказалась одета в полурасстегнутую блузку и коротенькие шорты поверх веселеньких желтых колготок с ярким цветным принтом. Саша на секунду даже залюбовалась нарядом, за что была вознаграждена широкой ухмылкой.

Вампир стоял чуть поодаль от курящего Олега Васильевича, сложив руки на груди, и выглядел совершенно спокойным и невозмутимым. Оперативник же явно нервничал. Отражение, ставшее ближе, словно бы на секунду раскрыло перед Сашей все тайны этой небольшой компании. Все чувства.

Боязнь высоты. Веселая бесшабашная удаль. Дисциплинированная, отстраненная сосредоточенность. Безразличие. Смутная тревога о том, что нельзя изменить. Расчеты и вновь расчеты.

Прислушавшись, она, наверное, смогла бы четко понять даже почему каждый из собравшихся именно этими чувствами искрился на Изнанке. Но это было невежливо. Да и пилот, седой высокий мужчина невзрачного вида в истрепанной кепке из тех, что были так любимы воротилами двухтысячных, дал знак забираться внутрь вертолета.

Салон Саша видела мельком. Все порядком потертое — жесткие лавки вдоль стен, низкий потолок, явно требующий хорошей такой очистки пол. Серафим указал ей на кресло второго пилота, на что владелец вертолета не возражал. Он вообще был на все согласен. Слабый инкуб, судя по Сашиним ощущениям.

Единственный раз, когда владелец их нынешнего средства передвижения вздрогнул и хоть как-то показал свои эмоции от соседства с магами, был момент после взлета, когда в самый разгар набора высоты в Отражении появился мощный пузырь, быстро расходившийся из салона во все стороны, охватывая все больше и больше пространства. Сила прошла сквозь Сашу, и ощущение было не из приятных. Инкубу оно понравилось еще меньше, судя по искажившемуся на миг выражению лица и болезненному вздоху. Пузырь окружил машину и спрятал ее от посторонних глаз. Несколько секунд после его наложения Саше казалось, что мир вокруг давит на уши, как при резком подъеме в гору, при том, что поднимались они в реальности медленно и невысоко. Но потом ощущения камня-менгира, который словно звал ее к себе, стало столь сильным, что все остальное перестало иметь значение. Зато, когда возник вопрос о направлении полета, никаких сомнений не осталось.

И теперь она сидит в кабине пилота вертолета и летит сквозь ночь к камню-менгиру, к Свободе, к тому, о чего несколько дней назад едва сбежала... И сама не знает, что чувствовать по этому поводу.

Шесть бойцов спецназа в ночной темноте собираются проникнуть на охраняемую территорию и обезвредить опасного террориста, о котором узнали по наводке гражданского лица, сидящего в одном с ними вертолете. Командование отказывается верить в готовящийся теракт, и теперь нужно действовать на свой страх и риск, нарушая закон и устав...

Звучит как сюжет для средненькой такой игры на один вечер. Или фильма.

Но это реальность. И в ней Саша чувствует разом и страх, и предвкушение, и какое-то любопытство, и больше всего — зов камня, который нуждается в ней, словно маленький обиженный ребенок. Теперь его сердце ранено, повреждено, и бьется в сорванном, сломанном ритме, вызывающем желание прикоснуться, успокоить... Сердце кровотоцит.

Странное сравнение, но близкое к истине. Саша не знает, как еще описать свои чувства. Но точно знает, куда ей нужно попасть, и чем скорее, тем лучше. Приближение к камню приносит эйфорию. Оно правильное каким-то непостижимым образом. Необходимое.

— Мы сможем сесть здесь? — голос Серафима позади едва не заставляет ее подпрыгнуть.

— Здесь — нет, — пилот вглядывается в лес внизу. — Но я могу найти место где-нибудь рядом.

— Валяй.

Саша бросает взгляд на мага. До камня по ее ощущениям осталось прилично.

— Близко мы подлететь не можем, не задев сигнальный купол. Так что садимся. Сейчас и я чувствую менгир, — усмехается маг. — Хотя и запрятали все ребята неплохо, не знал бы что искать — в жизни не нашел бы, нет у меня привычки птицей над лесами летать.

— Как и у меня, — отзывается Михаил Ефимович.

— Что, мы наконец добрались? — Саша краем глаза видит, как близняшка в блузке с наслаждением потягивается. — А то это похоронное молчание мне приелось.

— Меньше слов — меньше щитов, — отмахивается Серафим. — Но — да, мы на месте.

— Можем сесть у реки, — пилот указывает на небольшую площадку в русле горной речки, явно в другие дни затапливаемую водой. — Только это не самое простое дело. Могу ли я...

— Вперед, — отмахивается Серафим, — никто на тебя не донесет. Да и кому, собственно?

Пилот кивает и Саша ощущает слабую рябь в Отражении. Глаза мужчины становятся

черными без всяких зрачков. Жутковатое зрелище.

Но садятся они быстро и легко, хотя как иначе должен был бы сесть вертолет, Саша понятия не имеет.

— Сколько мне вас ждать?

— Пока не вернемся, — отрезает Михаил Ефимович. — За мной, господа. Олег Александра — остаетесь тут до дальнейших распоряжений.

Саша прикрывает глаза и прикусывает язык. Жесткий голос мага не оставляет простора для сопротивления. Да и не нужно сейчас оно. Камень зовет ее. И, Саша ощущает это невероятно ясно, вскорости она сможет ответить на его зов. Просто не нужно торопиться, все само собой сложится.

Поспешишь — людей насмешишь.

Вот именно.

— Надеюсь на твое благоразумие, — Серафим на секунду касается ее плеча, ровно так же, как после работы с восстановителем.

Саша чуть улыбается.

Зря надеется. Чего у тебя никогда не было, так это благоразумия.

Соглашусь.

Близняшки с вампиром и старшими магами покидают вертолет. Выходит и пилот, затягиваясь сигаретой, хотя и не покидая защитного купола, по-прежнему скрывающего машину.

Саша чуть пожимает плечами и вылезает из кресла, поводя плечами и разминая руки.

— Тебе нужно остаться здесь, — Олег Васильевич поднимает на нее несколько напряженный взгляд.

— Знаю. Я никуда и не собираюсь, — она садится на лавку напротив оперативника.

Сердце менгира плачет, призывая.

Но сражаться с обученным волшебником — себе дороже. Хотя план, который приходит в голову Саше, изяществом не отличается, но все же он не так уж и плох. Никаких драк.

Сил на него точно хватит. Хватило бы еще терпения. К тому же оперативник заметно нервничает, отвлечь его не должно быть большой проблемой.

— Что-то не так?

— Да нет.

— Я вижу.

Оперативник морщится — и кидает заглушку, явно не желая, чтобы инкуб их услышал.

— Не люблю я вот так сидеть сложа руки. К тому же Обращенные рядом, чувствуешь?

Саша прислушивается к своим ощущениям. Больше из любопытства, для себя она решила, что будет делать. Но все-таки интерес был. Она и до того чувствовала в отдалении слабый запах чего-то животного, но только сейчас поняла, что этот запах доносился именно с Отражения.

— Чувствуешь. По лицу вижу, — усмехается оперативник. — Для меня мокрой псиной все пахнет, но это у каждого свое. Знаешь, что их в старину двоедушками звали?

— Кого — их? Обращенных?

— Обратней по большей части. Ну и Обращенных заодно — те, кто в этом хоть что-то смыслят. Они ведь все в каком-то смысле нелюди.

Саша скашивает глаза на кабину пилота, в которую пока седовласый инкуб так и не вернулся. Но все равно это не значит, что он их точно не слышит.

Оперативник качает головой.

— Обращенные не лучшие разрушители заклинаний. На это вообще способны только колдуны. Это не значит, что вампиры, оборотни или суккубы не опасны. У них свои таланты. Например, ни от кого из них нельзя сбежать — найдут, по запаху то ли, по крови или по эмоциям. И прятки в Отражении не помогут. Им нравится вот так ловить добычу и вновь ее отпускать. И колдуны туда же, не стоит и о них забывать. В иные дни вся свора Обращенных догоняет и отпускает избранного человека, а то и мага, искушая мнимой близостью свободы. И превращает его в ничто по своему желанию, отнимая эту свободу.

— Охота.

— Именно. Обращенные не могут без нее жить. Все эти сказки о самоконтроле, о том, что чудовища только те, кто чудовищами выбрал быть... Глупости, на самом деле. Рано или поздно каждому из них нужно охотиться. Смерть продлевает жизнь тем, кто уже умер — вот и вся история. А знаешь, кто выбирает жертв для Охоты?

— Ковен, — это Саша хорошо помнила из уроков в самом начале сентября, когда говорили об устройстве мира Затронутых. О Законе. И о Ковене, объединяющему хоть какой-то властью Обращенных.

— Верно. А кто указывает Ковену, на кого может пасть жребий, а на кого нет? Кто говорит Ковену, сколько можно погубить людей и сколько из них создать живых трупов, нужных только для новых смертей и страданий?

Саша с некоторым удивлением смотрит на оперативника, словно впервые его видит.

— И кто же?

— Орден, Саша, — Олег Васильевич усмехается. — Орден. Маги по праву рождения распоряжаются судьбами всех, от последнего бомжа до других магов, которым не повезло родиться позже. Самое настоящее рабство, не находишь?

Саша чуть пожимает плечами.

— Мир таков, какой он есть.

— Рабы так и говорят, разве нет? И ничего не меняют до тех пор, пока не находится тот, кто сможет показать иной путь. Пусть иногда на этом пути не обойтись без пролитой крови.

Сердце Саши пропускает удар в тот момент, когда она понимает смысл сказанного. И кто именно ей это говорит. Она медленно поднимает голову, чувствуя, как сгущается рядом Отражение, как медленно, но ощутимо скользит по шее тонкая черная линия.

— Что... Что вы делаете?

— Выполняю приказ, — чуть улыбается оперативник. С некоторым... Смущением? — Иногда приходится идти на крайние меры ради действительно важной цели. Не бойся, я тебе вреда не причиню. Лишь направлю в нужную сторону.

Саша медленно-медленно прикасается рукой к черной полосе на шее, похожей на... Ошейник? Вот только какой-то уж больно пугающий ошейник. О каком приказе шла речь? О чем приказе?

Олег Васильевич вовсе не был человеком в маске. Никак не был. Просто не мог быть. Она не могла бы такое пропустить ведь, верно? Она бы узнала, если бы он был тем человеком в маске, так?

Серафим мог приказать накинуть эту удавку ей на шею? Или Михаил Ефимович? Браслеты-то уже были...

— Даже не думай использовать амулет, — холодно говорит оперативник, по-своему расценив ее движение. — Один раз ты уже наломала дров, достаточно.

— Каких дров?

Оперативник фыркает.

— Не твоего ума дело. Лучше знай, что за неверное движение головы лишишься. И за попытку позвать своего наставника. Вылезай из вертолета. Сейчас же.

— Но Михаил Ефимович...

— Он занят. Все они заняты, — усмехается как-то хищно и жестко Олег Васильевич. Он делает резкий жест рукой, и на секунду у Саши перехватывает дыхание от затянувшейся на горле ленты. — Никто тебя не услышит. Обращенные достаточно их развлекают. Идем.

Оперативник жесткой рукой буквально вытаскивает Сашу из вертолета.

— Ты так хотела к своему камешку — теперь радуйся. Туда мы и идем.

Саша вздрагивает, чувствуя, как в спину упирается холод кинжала.

— И без глупостей. Дернешься в Отражение опять — поводок начнет душить больно и медленно. Может и успеешь рыпнуться. Но один порез этим — и никто тебя не спасет, даже твой обожаемый наставник. И через Грань клинок пройдет, как через масло.

Саша сглатывает, чувствуя, как сердце устремляется прочь из груди. До этого момента у нее был план. И всего происходящего теперь этот план точно не включал.

Они идут по лесу. Не раз и не два у Саши в голове промелькивает искушение свернуть куда-нибудь не туда. Но вот беда — где «туда» и не «туда» она представляет себе довольно слабо. А просто бежать наобум... Безумие. Обученный маг-оперативник справится с ней в два счета. Не говоря уже об ошейнике.

Они идут прямо через лес, по берегу реки, благо подлесок тут совсем мелкий. Продираться и шуметь не приходится, и это радует. Саша время от времени отмахивается от мелких веток и паутины, лезущей в лицо, и пытается осмыслить происходящее. Ветер унялся, и сейчас это кажется тяжелым предзнаменованием грядущих бед. Каких только — понять никак не удастся.

— Олег Васильевич, что вообще...

— Замолкни, — отрезает оперативник. — И иди. Без глупостей, иначе скрочу в бараний рог. И головой не верти — заняты все твои покровители по самую макушку. Бессмертными и всемогущими себя возомнили.

— Я не понимаю...

— А и не нужно ничего понимать. Иди к менгиру. Ты его чувствуешь. Вот и шевели ногами к нему. Сейчас же.

И она идет. Менгир по-прежнему влечет ее... И холод клинка по-прежнему утыкается в спину.

— Вы ведь работаете на Орден...

— Безусловно.

— Защищаете людей. Почему тогда...

— Не твоего ума дело, — холодно отвечает оперативник. — Ты в этом мире без году неделя, и думаешь, что все о нем знаешь? Думаешь, Орден и Закон на деле защищают хоть кого-то? Только тех, кто их создал — от всех остальных. Такова правда. Таков мир — и его сегодня мы сможем изменить. Наконец-то.

— Изменить? Но войны не может случиться, протокол...

Олег Васильевич усмехается. Не из-за ее слов, не то оттого, что Саша едва не падает запнувшись о какой-то торчащий из земли сук.

— Великий Ксандр поведал тебе эту тайну Ордена? Впрочем, зачем ему все ограничения, ведь он может творить все что хочет и рассказывать то, что посчитает нужным... Как узнаваемо. Открою тебе тогда другую тайну — война никому и не нужна. Только как сказка, которую пришлось скормить Боготову. И, кстати, он не очень-то в нее поверил, но пришлось что-то рассказывать своим лизоблюдам и самому себе, убеждая в важности миссии. И эти лесовики вполне поверили в этот бред. Понабрал отбросов, посадил на поводок и решил построить рай. Прекрасный уголок земли с древним камнем, о котором никто не знает... Кроме тех, кому это нужно. И даже не понадобилось искать массовку для этого представления. Удобно вышло.

— Очень удобно, — неожиданно раздается мелодичный голос откуда-то сбоку.

Саша поворачивается вместе со своим сопровождающим — и застывает на месте.

Из-за широченного дуба, совсем близко от знакомой поваленной осины, выходит прекраснейшая лесная нимфа. Невысокая и чуть полноватая, сейчас она кажется совершенством идеальных форм, настолько соблазнительных, что на секунду создается

ощущение живого, бесконечно прекрасного божества...

Которое тут же пропадает. Как и ощущение поводка на шее.

Саша отряхивается, словно только проснувшийся пес, и оглядывается вокруг. Перед ней и по-прежнему застывшем оперативником стоит совершенно обнаженная Валентина. И теперь Саша хорошо ощущает, что чары Обращенной словно бы ее огибают, сосредотачиваясь на Олеге Васильевиче.

Суккуба неотрывно смотрит в глаза оперативнику, совершенно неспособному отвести от нее взгляд.

— Беги к Камню, котенок. Сейчас же.

— Но...

— Беги, — суккуба говорит мягко, хотя в Отражении ее голос резонирует с огромным напряжением. — Мои силы не безграничны. Сделай то, что должна и что хочешь. Лиши клятву силы. За меня, за Толю, за Петра и за остальных. Беги.

И Саша срывается с места. Она и так чувствует, что время на исходе, ощущает, как отражение пульсирует, как зовет ее камень, и как истекает отпущенное время до чего-то... Поистине ужасного.

Почти не задумываясь о прошлом опыте, она шагает в Отражение. Иного выбора нет. Так быстрее. Намного быстрее. И так она намного, намного больше узнает о происходящем вокруг.

Саша бежит, чувствуя образы, стекающиеся к ней отовсюду. Словно картинки, мелькающие в разуме, и показывает эти картинки Отражение само по себе, просто делясь всем вокруг. Она видит, как противостоит суккубе воля оперативника Ордена, чей разум обвит клятвами и обещаниями — и обещаниями не только добра и мира, но и справедливой, наверное, в чем-то, войны. Слышит, как где-то между внешним и внутренним куполом защиты поляны Затронутых, на которой она не так давно жила, четверо магов и вампир отбиваются от пары десятков новообращенных голодных оборотней, подпитывающихся от местных щитов. Отбиваются, обезвреживая множество артефактов и проклятий, пытаются пробиться к невесте как оказавшемуся в одном доме с желтыми стенами совсем небольшому ядерному снаряду, похищенному до всяких учений. Бомбе, окруженной сплетением резко пахнущей хитрой магии и технологий, способным и взорвать ее по мысленной команде, и усилить эффект взрыва в сотни тысяч раз. Чувствует Саша и как бьется, задыхаясь в предчувствии чего-то чудовищного, сердце камня-менгира, созданное разумными и для разумных. Как воют и скулят оборотни и вампиры, как давят боль маги, чувствуя приближение неизбежного. Как совсем рядом с маленьким двойником древнего камня творит свою магию Андрей, желая наказать посторонних и черпая, черпая силу, стоя под защитой...

Саша пробивает Грань, вновь Шагая и появляясь в реальности прямо там, где хотела быть. Она знает то, что должна. Знает как — Отражение подарило ей это знание. Открылс его. Или просто заставило вспомнить? Неважно.

На сей раз она решительно опускает руку прямо на окровавленную поверхность менгира. Совсем как в разом далекий и близкий день защитного ритуала. Только теперь она не отдает силу. И не забирает. Саша прикасается к уставшему, тяжело бьющемуся сердцу, словно бы в немой ласке и одним движением подхватывает чужеродную нить, высасывающую кровь, животворящую силу. Нить Андрея, правившего камнем до ее прихода, а теперь пьющим силу менгира, в надежде устоять, уцелеть в буре судьбы. Нить мага,

возомнившего себя властителем судеб, и отправившего своих верных вассалов на смерть. Нить волшебника, пожирающего силу камня так давно, что отказаться от нее он просто не может. Даже после того, как всякая истинная власть над древним артефактом была утеряна. Саша касается нити-артерии и дергает за нее, выдирая из тела местного царька и все награбленное, и все имеющееся. Лишая его силы, вырывая с корнем вросший в тело канал передачи. Превращая мага, ставшего годы назад полностью зависимым от дармовой чужой силы, в обычного смертного, прожившего слишком много. Смертного, тело которого без магии теперь не способно жить дальше и дальше бороться с неумолимым бегом времени.

Кажется, каменное сердце вздыхает с облегчением в тот момент, когда иссушенный труп Андрея Боготова, столь много отобравшего, падает на землю, а тонкие нити, связывавшие клятвами его последователей, истаивают навсегда. Саша еще раз гладит менгир, почти нежно. Она отнимает руки от камня, чувствуя, что это краткое воздействие отобрало у нее очень, очень много сил. И устало выдыхает, понимая, что до того не могла вздохнуть. Она убила человека. Вновь. Но почему-то сотворенное кажется правильным. Словно она в последний момент все-таки успела сделать что-то нужное, хотя и не до конца понимала, в чем именно был истинный смысл произошедшего.

Саша делает еще несколько глубоких вдохов и выдохов, стараясь успокоить трясущиеся от волнения руки. И понимает, что все это время ощущала на себе чужой взгляд. Саша медленно оборачивается и видит, что Аня стоит на краю поляны, сжимая в руках ружье, направленное прямо на нее.

Волшебница — и с ружьем, — отстраненно думает Саша.

— Ты свободна, — вслух говорит она, словно надеясь, что это смягчит подругу.

— Ты. Убила. Моего. Отца, — с каждым шагом Анна подходит все ближе и ближе. — Я бы вышибла тебе мозги, дрянь, без всякого пороха, но ты гребаный уникам, и вышибить их из дустволки куда надежнее.

Саша пытается отступить, чувствуя, как тело с трудом ее слушается. И видит, как на краю поляны зажигаются желтые огни. Попарно приближаясь, как и их серошкурые обладатели. Ближе всего, на расстоянии одного прыжка, оказывается здоровенная волчица с кровавленной мордой и знакомым взглядом.

— Мама, уходи отсюда, — ружье чуть дрожит в руках Ани. — Я все сделаю сама.

Волчица скалит пасть.

Саша открывает было рот, чтобы хоть что-то сказать, но по Отражению проходит густая рябь. И в этот же миг волчица истаивает, проваливаясь за Грань.

На поляне появляется маг в маске, делает неуловимое движение рукой — и оставшихся зверей за тут же охватывает пламя. Вой поднимается, закладывая уши, и за секунду переходит в скулеж, а после сходит на нет, когда опаленные волки падают на землю, не успев помыслить о побеге.

— Глупое зверье, — глухой голос мага кажется Саше знакомым даже больше, чем раньше.

Аня разворачивается к пришедшему с перекошенным от злости лицом, но сделать ничего не успевает. Ружье выпадает у нее из рук, а сама она падает на колени, хрипя от недостатка кислорода. Поводок, совсем недавно покинувший Сашину шею, находит себе новую жертву.

— Тупая дочурка леса, караулившая добычу с той минуты, как почуяла ее близость, но неспособная выстрелить когда нужно, растроганно чувствуя, как ее освобождают от давней

клятвы и разом убивают ее неземную любовь... Все в сборе.

Саша, все еще в шоке смотрящая на сгоревшие тела и пытающаяся отогнать тошнотворный запах горелой шерсти и мяса, не успевает даже вздрогнуть, когда на поляне, почти не тревожа Отражение, появляется Олег Васильевич.

— Пришлось побегать за тобой, — голос человека в маске глух и безэмоционален, но Саша ощущает тяжелый взгляд, полный ненависти, и чувствует безмерное, колышущееся ликование, расходящееся по Отражению. — То еще развлечение было запихать тебя сюда. Но мне нужен был тот, кто притащит с собой не только оперативную шелунь, но и рыб покрупнее, давно травящих местные воды. Параноик Боготов связался с менгиром и уговорам не поддавался, да еще и разумы своих людей закрыл. А ты... Ты другое дело, Александра. Ты мне поможешь.

— Что вам нужно? — ровно говорить тяжело, но Саше все-таки удастся. Как и понять, что Олег Васильевич вовсе не удивлен приходом человека в маске и... Боится его?

— Маленькая услуга, — из-под маски доносится смешок. — Сними все щиты вокруг этого места. Сейчас же.

— Какие щиты?

— Не будь идиоткой, — черные ленты с руки мага устремляются к ней, застывая в считанных сантиметрах от лица. — Ты знаешь, что будет, если эти маленькие черные змеи до тебя доберутся. Медленная и болезненная смерть. На менгир Боготов запитал две сферы — внутреннюю и внешнюю, защищая жизни всех, кто внутри. Уничтожь обе. Сейчас же.

— Все? Но по плану щит Ломбарда должен был обезопасить нас и замкнуть все последствия взрыва во внутренней сфере, — в голос Олега Васильевича, до того молчавшего, прорывается страх. — Чертовы волки разбежались, наши гости у нужного дома, сейчас самое время, но без этой защиты разнесет не только чертовых древних пердунов, но и все вокруг, и мы сами...

— Заткнись. А ты, делай, что я сказал, сейчас же, — бросает маг в маске Саше.

Саша чувствует, как чужая сила давит на разум с чудовищной, неотвратимой настойчивостью, заставляя подчиниться. Она на негнущихся ногах делает шаг к менгиру. Саша с трудом осознает, что на груди у человека в маске целая россыпь амулетов, и что один из них сейчас пробивает прочную пленку щита, окружавшего ее разум доселе.

— Мы так не договаривались, — Олег Васильевич пытается спорить с подельником. — Мы не успеем сбежать, взрыв уничтожит всех в радиусе километров, нельзя убирать этот тип защиты, необходимо избирательно...

— Это ты не успеешь, — холодно отвечает маг в маске. — Неродова, снимай щиты, живо!

— Речь шла о четырех трупах, а не о четырех тысячах! Мы так не договаривались, я не намерен убивать невинных! Тут Матвей, два десятка людей и сотни вокруг, твоя чертова же...

Черные ленты срываются с места, за секунды преодолевая метры пространства и окутывая оперативника. Вырывая из его горла полный боли крик.

Взбешенный маг в маске переводит взгляд на Сашу.

— Снять щиты! — чудовищно крепкая плеть силы ударяется о разум.

Повеление окончательно разбивает защиту, но Саша чудом удерживается от прикосновения к устало бьющемуся каменному сердцу. Она не будет подчиняться этой твари. Никогда. На груди зажигается что-то в тот миг, когда окутанный тьмой,

вгрызающейся в тело, оперативник дергается и выбрасывает в направлении подельника кинжал.

— Ах так... — маг в маске делает движение рукой и Саша видит, как на его ладони формируется плетение цвета крови и смерти. — Сдохни, неблагодарная тварь!

Саша вздрагивает, сквозь пелену усталости понимая, что именно происходит. Однажды она читала о таком. Проклятие кипящей крови, бьет в пределах нескольких метров по всем живым целям и убивает мучительно каждого, у кого не останется сил на щиты. Аня умрет. Олег Васильевич, сам, кажется, не понимающий, что происходит, но все же обернувшийся против тирана в маске — умрет. На ее глазах. Сейчас.

Достаточно с нее трупов.

Саша делает шаг вперед, с трудом отдавая себе отчет в происходящем. Шагает, прикасаясь мысленно к каменному сердцу в прощании. Второго удара принуждения от мага она не выдержит, сломается, подчинится. И случится что-то страшное.

Какая разница, как умирать?

Прикосновение к каменному сердцу приносит знание. На миг все тайное становится ясным.

Те щиты, что поддерживала Саша по просьбе Анатолия ритуалом, щиты во внутренней сфере, что накрывала жилую поляну Затронутых, не давали убить никого под ними. Вообще никого. Как и не давали уйти по Отражению и не давали ничему опасному просочиться за свои границы. Потому оборотни и продержались так долго против сильнейших магов. Идеальная защита для всех живущих на поляне, идеальный контроль и идеальное предохранение от плодов проводимых там экспериментов всех окружающих.

Простой и элегантный план — заманить к бомбе нужных людей, отключить защиту и мгновенно взорвать заряд, пока никто не успел опомниться. Если оставить тот щит, который предохранял окружающее от всего, вылетающего из внутренней сферы, то вместо поляны останется выжженной пятючок земли, а все, кто был там, сгорят быстрее, чем волки у менгира. Но дальше из сферы не вылетит ни единой частицы или волны энергии. Если убрать все щиты... Тогда сгорит все вокруг.

Надеюсь, ублюдок не успеет ничего дерьмового сделать после моей смерти.

Ответить внутренний голос не успевает. Красный росчерк врежется в грудь — и мир заволакивает тьма.

Саша пришла в себя на земле около камня, но теперь вокруг не было ни обгорелых тел оборотней, ни Ани, ни человека в маске, ни оперативника Ордена. Вообще никого.

Только уже знакомый волк смотрел на нее из-за ближайшего дерева.

— Ты вновь мой проводник? — от усталости не остается и следа. К тому же здесь все как-то... Знакомо, что ли. Как-то даже по-домашнему, ведь вид мощного дикого зверя успокаивает.

Волк, словно в ответ на ее слова, чихнул — и направился куда-то вглубь леса, без всяких тропинок и дорожек.

— Хорошо, пойдём.

Саша пожала плечами и пошла за зверем, бросив последний взгляд на камень. Теперь в нем не было ничего монументального и основательного. Просто... Просто камень, и все. Хотя эта самая монументальность и основательность, кажется, полностью перешла к ней. Никогда еще Саша не чувствовала себя настолько хозяином чего-либо, не ощущала настолько полной власти, полной свободы делать все, что захочет.

Короткая мысль — и вот уже деревья расступаются перед волком и перед ней. Не пробираться же через буераки, в самом деле?

Она идет за пушистым проводником, чувствуя, что нынешняя лесная тишина давит на уши. Как и то, что больше тут никого нет и не будет. Никогда — ведь этот мир только ее. Ее и ничей больше. Саша тут хозяйка и единственный обитатель. Вслед за волком она проходит по лесу. С запозданием понимая, что теперь нет под ногами мягкого мха, а вместо дымки в верхушках деревьев над ними стоят грозные тучи. Первое ее расстраивает, второе, как ни странно, скорее воодушевляет.

Что-то словно нависло над этим местом. Наверное, кого-то это должно было испугать. Должно было вызвать желание разогнать тучи и вернуть на небо предрассветную дымку или и вовсе разместить в вышине яркое солнце. Но Саше всегда нравился дождь. Где угодно — и это странное место не было исключением.

Волк привел ее к пещере, узкий вход в которую обнаружился в одном из лесистых холмов. И остановился как вкопанный.

— Ты считаешь, что мне сюда?

Зверь кивнул.

— А ты со мной не пойдешь?

Вместо ответа волк только лег, вытянув лапы и положив на них голову.

— Будешь здесь ждать? Ну хорошо. Ладно, тогда я пойду без тебя.

Саша садится на корточки и запускает ладони в мягкую шерсть зверя. Волк покорно переносит ласку, и даже раз выворачивается, задевая ее кожу шершавым языком. Он виляет хвостом, и умные глаза смотрят... С тревогой? Или это отражение ее собственных тревог?

Саша чувствует — ей туда, в пещеру. Там что-то... Что-то есть. Что-то, что способно изменить все вокруг.

Вот только она не уверена, что хочет что-то менять. Но ее никто не спрашивал.

— Надеюсь, я скоро вернусь, — она в последний раз треплет волка по голове и поднимается.

Не без внутренней дрожи Саша ступает в темный проход. Это длинный узкий тоннель,

который во многих местах касается ее кожи. Камень неприятен и шероховат, и каждое прикосновение словно бы отдирает кусок плоти, пусть нет ни крови, ни боли. Но она продолжает идти, видя вдали слабый свет и чувствуя желание прийти к нему.

Свет приближается, и едва протиснувшись около очередного каменного выступа, Саша оказывается на пороге пещеры. И замирает, чувствуя, как сердце готово выпрыгнуть из груди.

Пещера не слишком большая, но все же здесь нашлось место для ручейка, протекающего буквально в паре шагов от ее ног. А за ручейком стоит накрытый стол, за которым сидит ее семья. Улыбающаяся мать, отец, который, кажется, помолодел на десяток лет, Виталик с неизменной ухмылкой и теплотой в глазах, бабушка Марта, дедушки Толя и Артем, еще одна женщина, так похожая по фотографиям на мать мамы, Софию Алексеевну, которую Саша так никогда и не видела. И другие — мужчины и женщины, незнакомые, но похожие на нее лицом и телом.

Стол накрыт словно на Новый год. Оливье, селедка под шубой, запеченная утка, так любимая мамой, нарезки хлеба и колбасы, апельсины и мандарины, даже так знакомая маленькая нарядная елочка в центре.

Из двери в дальнем конце помещения появляется смутно знакомая Саше женщина. Память подсказывает, что ее зовут Марина. Мамина сестра, погибшая тогда, когда самой Саше едва исполнилось восемь. Марина выносит здоровенный торт «Наполеон» из кухни. Саша почему-то уверена, что за этой дверью скрывается именно кухня, и ставит его прямо напротив единственного пустого стула.

Никто из сидящих не говорит ни слова. Или говорит, но крошечный ручеек отрезает произнесенное от Саши. Но она и без слов знает — это пустое место осталось для нее. Место там, где она вновь встретит их всех. Там, где они соберутся за столом, где будут разговаривать, где мать наконец расскажет рецепт утки, а тетя так хорошо получавшегося у нее торта, где Виталик поделится последними футбольными новостями...

Саша заносит ногу, желая переступить текущую воду, единственную преграду на пути к семье — и почему-то бросает взгляд на отца. Он смотрит на нее с каким-то странным, теплым сочувствием. И единственный без улыбки на лице.

На секунду Саше на ум приходит Человек в Черном.

Осколок чьей-то личности, который ее собственный разум облачил в одежды отца и в его тело. Кто-то, кто хотел ей помочь. Зачем? Кто-то живой, что странно, ведь вся ее семья здесь.

Да и они тебе не слишком-то рвались помогать, а? Когда еще были живыми.

Прекрати — обрывает она сама себя. И вздрагивает от едкого слова внутреннего критика.

Когда были живыми.

Саша смотрит на собственную занесенную над тонкой водной преградой ногу.

Были живыми.

Она не сможет вернуться, если сделает шаг. Навсегда останется здесь.

Не все ли равно?

Нет, — неожиданно понимает она.

Вовсе не все равно.

Семейная идиллия. Прекрасная семейная идиллия вместо мудака с атомной бомбой и безумным планом по уничтожению могущественных магов, просто магов и вообще всех

вокруг.

Разве не лучше присоединиться к торжеству?

Саша не знает, что ответить. Желание вновь оказаться вместе с родными никуда не исчезло. Она будет дома. Вернет то, что потеряно. Забудет обо всем, что случилось. Наконец-то освободится от боли и сожалений, перестанет жалеть о том, что не остановила в тот вечер отца, не отговорила брата ехать в ночь выпив, не отвела мать вовремя к врачу...

Саша вновь почти делает шаг — и вновь ловит взгляд отца. Теперь уже почему-то грустный.

Если она перейдет ручей — то не сможет вернуться обратно. Ни в свой грозовой лес, ни куда-то еще. Не сможет узнать, кто был Человеком в Черном и зачем пришел к ней на помощь. Не сможет выполнить волю Анатолия, отдавшего жизнь за свою дочь, ведь некому будет рассказать о его подвиге на суде. Черт, да тогда она не сможет помещать безумному предателю в маске сделать все, что он хочет, с камнем и щитами.

Не все ли равно, что там? Краткий миг бессмысленной жизни, в которой тебя никто не ждет.

Никто?

Никто...

Кот, любимый Боня, больше никогда не вернется к хозяйке. Аня, так и не выстрелившая в спину... Сколько она стояла вот так с ружьем, чувствуя, как истаивает клятва и видя перед собой убийцу отца? Аня, за которую Анатолий отдал жизнь, и которая погибнет во взрыве или лишится силы в застенках Ордена. И...

Я на твоей стороне.

За столом она освободится от воспоминаний. От боли. Но возврата не будет. Она больше ничего не сможет сделать, ничего не изменит, ни на что не повлияет.

Хорошенький выбор: жалеть о том, что случилось с ее семьей и что нельзя изменить, или о том, что она могла бы изменить, могла бы сделать — но отказалась, оставшись здесь. Может, вернувшись, она проживет всего секунду... Но Саша ничего об этой секунде не узнает. Как не узнает и то, могла ли в самом деле за эту секунду хоть кого-то спасти...

Тут, за столом, будет спокойно.

Но и там, за пределами этого места, вовсе не непроглядный холод. Не тишина, на самом деле.

Я на твоей стороне.

И волк так и останется лежать у входа в пещеру, не дождавшись своей хозяйки.

Саша чувствует, как в сердце зарождается боль, грызущая тоска. Она сглатывает и отступает, отдаляя себя от стола и семьи. Делает шаг назад, подальше от воды. И еще, и еще — под осуждающие взгляды сидящих.

Пока еще есть время. Пока еще она может сделать хоть что-нибудь.

Саша отступает еще на шаг, разворачивается и бросается по тоннелю обратно, страстно желая, чтобы стены не сомкнулись у нее над головой, а ручеек-река позади сдержала натиск тех, кто пожелает отправиться в погоню. Она с трудом протискивается сквозь своды тоннеля, продирается к грозовому лесу без всякого света впереди, просто желая выбраться, в какой-то момент обдирая себе разом и лицо, и руки, и спину, но, кажется только собственной волей не давая камню рухнуть на голову прямо сейчас.

Она — хозяйка этого места. Она выберется отсюда. Ей нужно на воздух, туда, где бомба, к менгиру, к настоящему небу...

В какой-то момент стены тоннеля становятся столь узки, что она ползет, лихорадочно отталкиваясь коленями и локтями, ползет, зная, что она выберется отсюда во что бы то ни стало. Стены смыкаются, пытаюсь раздавить ее, смыкаются — и она не может больше мешать им.

Но кто-то иной, что-то иное — может. И делает это.

Саша ползет изо всех сил, желая выбраться, прочь из пещеры, прочь из этого проклятого места. Саша ползет — и не сразу понимает, что тоннель заканчивается, ощущая это только в тот миг, когда ее накрывает шум дождя, а руки вместо камня нащупывают размокшую в кисель землю.

Она делает еще несколько движений и выползает из пещеры, исчезающей за ее спиной. Болит все тело, болит сердце, готовое выскочить из груди. Ливень с небес в мгновение ока заставляет одежду намокнуть и прилипнуть к телу, но Саше все равно. Она с трудом переворачивается на спину, желая видеть небо после сводов пещеры. Желая видеть дождевые капли, застилающие весь мир.

Волк подходит к хозяйке и тыкается ей в шею, облизывая шершавым языком, и ложиться рядом, кладя голову на грудь.

Саша закрывает глаза, ощущая, как капли дождя все падают и падают на лицо. Вместо слез. Или вместе со слезами.

Ей хорошо и почти спокойно.

Саша не сразу понимает, что через шум воды пробивается еще какие-то звуки.

Человеческая речь. Слова ей незнакомы, да и доносятся они словно издалека, но это определенно разумная речь.

В ее лесу нет людей. Нет никого кроме самой Саши или тех, кто приходил по ее позволению. Только раз чужак надевший лицо отца вторгся туда, куда его не звали. И... Это происходит вновь? Она с трудом, но все же концентрируется на речи. Голос кажется ей знакомым, и Саша пытается открыть глаза, чтобы понять, не послышалось ли. Не сразу, но ей это удается. Тело весит десятки тонн, и слабость такова, что поднять веки кажется подвигом. Но она справляется.

И встречается глазами с сидящим рядом на земле Серафимом.

Маг держит одну руку у нее на груди, а второй резко чертит в воздухе какие-то сложные знаки. И именно он говорит что-то четко и быстро на совершенно незнакомом языке. Волка рядом больше нет, хотя дождь идет по-прежнему. Или идет еще и здесь. Саша с запозданием понимает, что по краю поляны мелькают какие-то фигуры, вполне реальные, и говорят о чем-то, пусть их голоса и скрывает дождь, размывая и искажая.

Серафим делает резкое движение рукой и прикасается к Сашиному лбу. От прикосновения пробегает ток, и следом за ним волна тепла, окутывающая тело и устремляющаяся куда-то к стопам.

Мир приближается. Становится более четким.

Слабость только усиливается, хотя теперь она может куда лучше слышать обрывки слов, шум дождя, далекие взмахи винтов вертолета, ощутить раскисшую землю под спиной и слабый запах гари откуда-то слева. И даже обволакивающую в Отражении тело чужую силу, позволяющую думать и существовать вопреки слабости.

Серафим убирает руку со лба, на секунду взъерошив волосы. От его пальцев его второй ладони исходит ощутимое тепло, расходясь по грудной клетке. Приятное тепло. Но Саше кажется, что кроме тепла она чувствует сквозь собственную усталость в Отражении

затишающую тревогу и явное облегчение, исходящее от мага. Она никогда толком не могла полностью понять его эмоции, но теперь они воспринимаются весьма однозначными.

— Ты здесь. Слава богам, твоя идиотская выходка не унесла тебя в могилу, — Серафим говорит негромко, и в словах эмоций столько, что их, кажется, нарезать и подать как какое-нибудь экзотическое блюдо. — Глупое создание.

Глупое... Саша вспоминает последний момент перед тем самым лесом и пещерой. Тот шаг, то яростное и какое-то обреченное понимание... Что случилось с Анной? С Олегом Васильевичем, не то просто испугавшимся, не то не пожелавшим убивать невинных и предавшим предателя? С бомбой? Со всеми остальными, кто прибыл сюда?

Потоки воды, теперь не долетающие до лица, мешают рассмотреть окружающие силуэты и понять, что вообще произошло.

Серафим, кажется, понимает ее взгляд. Ну или просто читает мысли.

— Все в порядке. Бомба обезврежена, Аня и Олег вне опасности, хотя в ближайшие дни не придут в себя. И ты будешь в порядке, если не полезешь никуда больше, — чуть жестче заканчивает свою речь Серафим.

Что она должна была? Извиниться?

Стол. Семья. Побег... Зачем? Стоило ли убежать?

Там было так...спокойно. А теперь нужно расплачиваться за все.

Маг только качает головой и еще одним, куда более медленным и плавным движением, проводит по волосам. От его ладони физически расходитя тепло и спокойствие, словно бы приглушающее странное, иррациональное сожаление об оставленном позади столе и семье.

— Саша... Ты спасла Олегу и Ане жизни, — говорит Серафим негромко и мягко. — Безумно храбрый поступок. Я не хотел, чтобы ты пострадала и поэтому запретил тебе лезть в эту кашу.

Она и не лезла. Точнее... Не так, как задумала. Поводок, нож, это все...

Серафим неожиданно хмурится, словно видя что-то в ее глазах.

— Он... Действительно это сделал?

Да, — пытается как можно адреснее подумать Саша.

Серафим кивает.

— Я понял. Мы учтем это и выясним, почему так произошло.

Он говорил что-то про бунт против тех магов, кто решает как быть родившимся после них, знал про «Иллюминатов»...

— Кажется, я начинаю понимать. Позволь, я узнаю полную картину того, что ты видела.

Словно она может помешать... Да и зачем?

Саша чувствует, как чужой разум скользит по ее собственным мыслям. Несколько минут маг смотрит ей в глаза, а потом отводит взгляд.

— Безумцы... Но все закончилось хорошо, — мягко улыбается Серафим, и от его рук начинает исходить еще больше тепла. — Не беспокойся, все образуется. Правда.

Саша пытается слабо улыбнуться в ответ. Получается не очень. Она прикрывает глаза, чувствуя, как веки наливаются свинцом. Тепло исходит и от рук Серафима, и, кажется, от его самого, расползаясь в Отражении во все стороны и только усиливая желание заснуть. Она устала, хотя страх закрыв глаза встретить кого-то из прошлого заставляет бороться с сонливостью.

— Тебе нужно отдохнуть. Все будет в порядке.

Иррациональное ощущение тепла усиливается еще больше, заволакивая собой весь мир.

Почти наверняка воздействие на разум... Но сейчас Саше попросту плевать на это.

Оставивший однажды оставит и дважды.

Плевать.

Саша растворяется в тепле и засыпает.

Снится ей почему-то песчаный пляж на границе леса и бескрайнего моря, где светит теплое солнце и сопит, свернувшись клубком, знакомый волк, ничуть не возражающий против соседства с человеком.

— Следующая атака принудила бы к снятию щитов. И я шагнула под заклинание. Вот и все.

Саша сглатывает, ощущая, насколько пересохло горло. И быстро осушает кружку с водой, появившуюся перед ней на столе.

Теперь они сидят на маленькой кухне Серафима почти в том же составе, что и раньше. Сам хозяина дома, Михаил Ефимович, Лекса и Антонина и вампир. Только вместо Олега Васильевича Анжелины, та самая блондинка из Ордена, что Саше так не понравилась и прошлый раз.

Все смотрят на нее, кажется, ожидая продолжения. Это откровенно неудобно, особенно если учесть, что чувствует она себя крайне паршиво.

Утреннее пробуждение было отвратительным настолько, что добрый десяток минут Саша откровенно жалела, что вообще существует. Состояние было разом как после чертовски хорошей попойки, тяжелой лихорадки и какого-нибудь забега по пересеченной местности километров на сто. Она даже не сразу поняла, что проснулась опять на диване в гостиной Серафима, да еще и даже по смутным ощущениям оплетенная многими слабо покалывающими кожу чарами.

Дойти до ванной оказалось настоящим подвигом, помыться — еще большим, а после она и вовсе медленно и печально добралась до дивана и рухнула на него, проспав еще полдня. В обед объявился сам Серафим, принесся восстановитель, тарелку борща и какую-то противную травянистую гадость. Саша даже не заикнулась о том, чтобы самой выбирать силу и только покорно сидела, ощущая, как энергия медленно растекается по телу. Правда, на этот раз эффект был куда слабее. Ну хоть желание в обморок упасть в любой момент ушло и ложка в руках почти не дрожала — и на том спасибо. К тому же вечером предстояло поучаствовать в новом оперативном собрании, как назвал это Серафим, так что Саша просто покорно делала все, что он говорил, стараясь не думать вообще ни о чем посторонним.

Саша и сейчас ни о чем не думала, просто рассказывая обо всем, что произошло с ней от момента посадки вертолета до того мгновения, когда рядом оказался наставник, над головой шел дождь, а паскуда в маске, как Саша успела узнать, благополучно сбежала, воспользовавшись каким-то хитрым амулетом.

— Продолжайте, Неродова, — Анжелины, что-то отмечающая в блокноте, подняла на нее взгляд.

— А не о чем продолжать. Потом я пришла в себя и уже никого рядом не было.

— Пришли в себя? Самостоятельно?

— Не думаю.

— Определенно нет, — негромко отмечает Серафим. Маг стоит на привычном месте у плиты и смотрит на Анжелину каким-то холодно-пристальным взглядом. — Но некоторые события проходили без сознательного участия Александры и сейчас значения не имеют.

— Почему же? — Анжелины не отрывает от Саши взгляда. — Мы ведь все это знаем только с ее рассказа. Остальные свидетели пока ничего рассказать не могут и со слов присутствующего здесь главы южнороссийского крыла Ордена, на чьем попечении находятся, не смогут еще как минимум несколько дней, так что узнать их видение происходящего мы не можем. К тому же есть опасения по поводу клятв полноправного члена

Ордена, ограждающих от причинения вреда невиновным... Которых адептка Неродова не давала.

— Ты на что намекаешь? — в словах Серафима ощущается тяжелая, явная угроза.

— Ни на что я не намекаю, — Анжелина наконец перестает гипнотизировать Сашу и поднимает глаза на ее наставника. — Я стараюсь воссоздать как можно более полную картину происходящего. Совет хочет знать, почему четверо сильнейших магов юга вне всяких санкций отправились на силовую операцию против общины Боготова, в результате которой погиб он сам, четверо оборотней, пострадала адептка Анна Александрова и маг Олег Васильевич Карпишин, который в этой операции тоже участвовал. А еще была найдена пребывавшая в полной боеготовности ядерная боеголовка с несколькими маготехническими усовершенствованиями, чей взрыв мог дестабилизировать ситуацию в мире в сотни раз сильнее, чем пресловутое падение Башен-Близнецов и начать как минимум две войны в Африке, революцию в Литве и гражданскую войну в Кувейте. И хотя вы пытаетесь убедить меня, что вне этой операции эта самая боеголовка была бы непременно взорвана с худшими последствиями, я вижу здесь откровенную провокацию и, вполне возможно, не состоявшийся, но запланированный взрыв с потенциальными жертвами в виде участников несанкционированного вторжения на частную территорию и по совместительству сильнейших местных волшебников. И про «мага в маске», который вроде как является устроителем всего этого беспорядка, я знаю только со слов адептки Неродовой. Никто из вас его не видел, никто из вас с ним не сталкивался, а концентрация после всего произошедшего следов в Отражении такая, что никакая экспертиза отпечатки ауры не найдет. Считанные тобой образы свидетельством быть не могут, Серафим. И ты это знаешь. Ты не допускаешь мысли, что тебя и всех здесь присутствующих просто обманули, что никакого мага-предателя нет и в помине и что Неродова, перехватив настройку менгира и имея союзника в общине, хоть ту же Александрову, с которой была дружна, хоть ее мать, которую никто так и не поймал, сама это все организовала, а?

— Что... — начинает было Саша, но ее перебивает холодный голос, полный скрытой силы.

— Нет, — Серафим не отрываясь смотрит в глаза Анжелине. — Совершенно точно такой мысли я не допускаю, как и любой другой, в которой мой ученик преступает закон, а не старается спасти невиновных.

— А зря.

— Мы собрались здесь чтобы продвинуться в поиске предателя, а не ради непонятных обвинений к свидетелю произошедшего, — примиряюще говорит Михаил Ефимович.

— Который вполне может быть виновником, а не свидетелем.

— Смехотворно, — Леса, опять качающаяся на стуле, только усмехается. — Вы в Москве всерьез считаете, что этот младенец, прости, Саша, но это правда, Становленный без году неделя, способен заманить в ловушку опытных магов и вообще разработать весь этот план? К демоновой матери логику и смысл — силенок пока маловато. Мы теряем время. И без всякого Круга Правды понятно, что нужно искать крысу в наших рядах.

— Которой может не оказаться.

— Какой мне смысл врать?.. — слабо возражает Саша, с трудом удерживая нить разговора. История повторяется, только теперь ей не просто не верят — ее обвиняют во всем и вся. — Аня подтвердит...

— Все, что ты захочешь, — Анжелина вновь переводит на нее взгляд. — Менгир так

удачно выбрал тебя своей хозяйкой, не правда ли? Даровав рядом с собой почти неограниченную власть. Делать все что угодно. Внушать что угодно. Обходить любые ментальные щиты.

— Я не...

— Идиотизм, — Серафим явно злится, и не пытается это скрыть. — Оставив в покое тот факт, что мой ученик не сделал ничего из того, в чем ты, Анжи, его обвиняешь, а это как минимум сговор с целью убийства четырех магов и представителя Ковена, убийство четырех оборотней и мага и покушение на убийство мага и адепта. Оставим в покое тот факт, что я сам видел образы в подтверждение каждого ее слова. И даже то, что чтобы быть уверенной в гипотетическом прикрытии своей легенды Саше бы пришлось переписывать память оперативнику, чей разум закрыт мощными щитами, за минуты, в чем без опыта и знаний никакая сила не поможет. Но я очень хотел бы знать, какой, по-твоему, тут вообще может быть мотив?

— Ты и раньше был слеп, Серафим, — усмехается Анжелина. — Напомнить Миклоша?

— Это к делу не относится.

— Но хорошо иллюстрирует то, что ты не хочешь видеть многое из того, что видеть стоит. Твоего ученика с детства окружает насилие и смерть. Я, пока вы развлекались, изучила дело. Тяжелая семейная история с насилием и алкоголем, трагическая гибель отца — не из-за этого ли ты, красавица, полезла в драку прямо на территории Ордена в самом начале обучения? Смерть матери из-за недосмотра врачей, смерть брата в ДТП с еще одной жертвой... Вполне достаточно, чтобы обозлиться на весь мир, не так ли? И немного решить его изменить. Самую малость. За столь малое время обучения в ордене — драка, дисциплинарное взыскание, три проваленных практики с неподчинением прямым приказам, сокрытие нарушителя Закона и прямое нападение на человека.

— Самооборона, — поправляет Михаил Ефимович.

— Превышающая разумные пределы. Щита было бы вполне достаточно вместе с активацией амулета связи. Вы же сами продержали браслеты сколько времени — неужели безосновательно? Такая себе картина, не правда ли? И вот такой человек, явно показавший свое неумение подчиняться старшим, склонность к насилию и риску, неожиданно оказывается в общине, причем по вашему же желанию. Без всякого контроля. Никто из вас не думал, что приоритеты Неродовой могли смениться?

— Это фарс, — мотает головой Антонина. — И я не желаю в этом участвовать.

— Как и я. Благо никто не способен нас обязать, — поддакивает Леса.

Они обе поднимаются со своих мест, Шагают — и исчезают из кухни. Серафим морщится от отдачи щитов, ощутимой даже Саше в ее определенно не лучшем нынешнем состоянии.

На кухне становится просторнее и как-то в разы холоднее. Анжелина только усмехается, игнорируя демарш, и продолжает говорить.

— Никто из видевших «предателя» не сможет точно ничего подтвердить, не так ли? Достоверно подтвердить. Тело Тамары не нашли, ее мать опознана как одна из погибших новообращенных оборотней, Андрей Боготов тоже мертв, а что внушили у менгира Александровой и Карпишину мы можем только гадать. Прошу меня извинить, но поверить в то, что принесший присягу Ордена и давший достаточно обещаний не вредить людям посвященный способен устроить всю эту историю с бомбой я не могу. Хотя бы потому что никакие клятвы не дали бы ему столь далеко зайти. А вот в то, что вы своей операцией по

внедрению создали самоисполняющуюся линию вероятности, вполне верю, и, возможно, только случай спас нас всех от большой беды. Я буду ходатайствовать перед Советом о Суде Ордена над вами всеми за несанкционированную операцию, потенциально способную привести к катастрофическим последствиям. Вы ничем не хуже того, кто притащил эту бомбу в общину и кто решил взорвать ее. Отправились в частном порядке...

— По моей просьбе, и по официальному запросу Ковена, — негромким чарующим голосом говорит доселе молчавший вампир.

— Что? — Анжелина меняется в лице, налетая на невидимую преграду.

— По официальному запросу Ковена, — вампир чуть улыбается. — Нам поступила информация о неучтенном Обращении в некой общине и о том, что ее лидер, Боготов Андрей, незаконно держит в вассальном подчинении как минимум троих оборотней и суккубу. Мы были просто обязаны принять соответствующие меры и обезвредить мага Боготова, принудить его снять клятву и начать свое расследование.

— И Ковен обратился к Ордену. Очень смешно, — Анжелина поджимает губы.

— Жесткие времена требуют жестких мер. Как вам известно, мы несколько ограничены... Во многих вопросах. Боготов — маг, а не колдун, и, по нашим данным, у него в подчинении были еще два волшебника. Чтобы избежать ненужных жертв среди Обращенных Ковен обратился к сильнейшим из магов как к частным лицам, и они не отказали в просьбе. Гонорар официально оформлен.

— И совершенно случайно вы взяли с собой адептку Неродову.

— Не случайно — таково было желание ее наставника для ознакомления с проведением подобных операций в полевых условиях, — вампир пожимает плечами. — Мы не были против. На месте выяснилось, что Боготов держал в подчинении куда больше Обращенных и к тому же собирался шантажировать и Ковен, и Орден доставленным к нему в общину человеческим оружием большой разрушительной силы, равно опасным как и для Затронутых, так и для обычных людей. В ходе операции погибли четверо Обращенных и еще трое пропали без вести, среди магов погиб один, один пострадал, как и пострадали двое адептов. Орудие шантажа обезврежено, Ковен достиг своей цели и к исполнителям претензий не имеет. Я, первый заместитель главы Южнорусского Конклава Весемир Трояков, был свидетелем.

За этими словами по кухне прокатывается тихий шелест магии.

— Это ничего не значит... — в голосе Анжелины нет былой уверенности.

— Значит. И ты, Анжи, хорошо это знаешь, — Серафим буквально впивается взглядом в блондинку. — Как и то, что одно из посвящений и процедур Ордена предполагает, что любой маг может получить особый приказ от высокого начальства и будет его исполнять, невзирая на свою мораль и долг, нарушая любые лежащие на нем стандартные обеты. И не будет способен никому ни о чем рассказать. Как и то, что ты сама видела ментальное принуждение и клятвы, висящие на Олеге. Заканчивай рыть бетонную стену, иначе я решу, что ты — та, кто отдавала приказ крысе. Крысе, которую мы найдем, и найдем скоро. И хватит нести бред. Кто-то мирно сидящего в своем лесу Боготова принудил к безумию. Кто-то из наших — и кто-то, кого держит за яйца кое-кто еще покрупнее. И вот тебе крысу среди высоких рож и надо искать, вместо того чтобы прилагать свои дедуктивные способности к обоснованию самого ненапряженного варианта развития событий, при котором мы все круглые дураки, неспособные понять, кому можно доверять, а кому нет.

— На сим по праву владельца этой земли объявляю оперативное собрание

законченным, — Михаил Ефимович невозмутимо подвел итог встречи.

— А я на правах хозяина дома объявляю, что сейчас тебя, Анжи, видеть здесь не желаю. И иди через дверь, ясно? Иначе за отдачу защиты последствий не несу.

Анжелина уходит с оскорбленным видом, явно не решаясь спорить с озлобленным магом.

— Думаю, я тут тоже лишний, — криво усмехается вампир.

— На данный момент да, — кивает Михаил Ефимович. — Прими мою благородность.

— Ее на хлеб не намажешь... Но от кончины общины нам в итоге от этого немалая выгода. А еще я помню о своих долгах, Новгородский, — с этими словами вампир поднимается с места. — Сочтемся.

— Безусловно.

Весемир чуть скалится, показывая клыки, подмигивает Саше — и тоже уходит. Тоже через дверь. На кухне остаются только Серафим и Михаил Ефимович, и Саша раздумывает не должна ли она выйти.

— Останься, — Михаил Ефимович или читает, или угадывает ее мысли.

— Вот мегера, — тихо ругается Серафим. — И никакого толку от всего этого.

— Ну а что ты хотел? Она зла на тебя.

— Миша, прошло три века. Три. И те четыре года с ней в Москве я вспоминаю с ужасом. Большой ошибки в отношениях я едва ли совершал, — Серафим поворачивается к Саше, объясняя: — чтобы ты не считала, что она имеет что-то против тебя всерьез... Анжи когда-то была со мной близка. Расстались мы не слишком хорошо, и теперь она явно стремится меня задеть. И тебе досталось. Смехотворные обвинения, и не думай, что кто-то их всерьез воспринял, — при этих словах Саша чувствует явное облегчение. — Типичный Совет. Прячут голову в песок по любому поводу и ищут козла отпущения. Вместо чистки своих рядов.

— Ты думаешь... — протягивает Михаил Ефимович.

— Уверен. На сто процентов. Иначе все это теряет смысл. Ну взрыв. Ну и что? Месть нам с тобой? Допустим. Только без особого указа сверху, скрывающего все это дерьмо, ты бы уже давно знал о подобных...художествах. Месть близнецам? Просто смешно, и ты и сам это знаешь. Разве что кого-то бывшая жена похлеще, чем меня Анжи, достала, и он решил ее на атомы разнести, — хмыкает Серафим. — Или не совсем бывшая, вот была бы потеха.

Саша вздрагивает в тот момент, когда в разум врезается образ, с ним что-то доселе разрозненное начинает собираться в единую картинку. До того незамеченное, что-то вырисовывалось, разбуженное словами Серафима.

и твоя чертова же...

На меня пал жребий, госпожа. Мне никто не поможет. Брат или отец могли бы, наверное — но они далеко и совсем не хотят меня знать.

Тамара, так похожая лицом на Азамата.

Его папаша-то руководит оперотделом в Ордене.

Особый приказ.

Саша медленно вдыхает и выдыхает, чувствуя, что оба мага смотрят на нее. Неужели?..

— Простите. Мне пришла в голову одна мысль, но нет уверенности, что это все правда, — несколько несмело говорит она.

— Говори, — машет рукой Серафим. — Мы сами решим, что правда, а что нет.

— А можно как-то узнать, есть ли дети у Затронутого, если он это скрывает? Ну там не

в ЗАГС же идти.

— Можно, хотя и непросто, — Михаил Ефимович с интересом ее разглядывает, о чем-то раздумывая. — А тебе зачем?

— Может это глупо... Но Серафим сказал насчет жены, и я подумала, что Тамара, она ведь говорила, что от Охоты ее могли защитить отец или брат, и она была...

— Как две капли воды похожа на Азамата Хачатряна, — заканчивает Серафим. — Я идиот, официально признаю. Прости, Саш.

— За что? — несколько сбитая столку, Саша смотрит на наставника.

Михаил Ефимович на секунду переглядывается с Серафимом и достает смартфон, что-то начиная быстро набирать на нем. А хозяин дома поворачивается к Саше и объясняет, явно о чем-то размышляя параллельно.

— Я видел образы в твоём разуме. Как сказала Анжи — на суде или в расследовании это не принимается в качестве свидетельства, потому что многое из увиденного искажается внутренним миром того, кто это видит. Ты ведь знаешь, что каждый раз вспоминая что-нибудь, мы реконструируем воспоминание, чуть его изменяя? Изменяя. Потому иногда мы помним то, что хотим помнить, даже если все вокруг уверены, что этого не было. Или не помним, потому что не хотим. Я знал о причинах твоего... Жесткого отношения к Азамату из-за его национальности.

— Я не...

— Саша, я тебя не осуждаю. Он сам не подарок, хотя и не заслужил ненависти. Ваша драка была нелепым недоразумением, и после этого все совместные действия укрепляли неприязнь, несмотря ни на что. Пусть вас и ставили вместе в надежде, что каждый увидит в другом человека.

— Он соврал насчет артефакта у парня. Он видел...

— Или не видел. У тебя чувствительность выше, чем у многих магов, и точно выше, чем у необученного адепта. Природный дар. Не факт, что Азамат видел то, что видела и ощущала ты. Но все это сформировало у тебя некий образ. И, каюсь, я упустил твое собственное впечатление о похожести Тамары на младшего Хачатряна, зная, что тут национальный вопрос будет мешать корректному восприятию реальности. И был неправ.

— Скорее всего, — мрачно замечает Михаил Ефимович.

Серафим поднимает бровь, и глава южнороссийских магов говорит вслух, не отрываясь от телефона.

— Армен Хачатрян когда-то задерживал Боготова. За нелегитимное использование вассальной клятвы. Тот принудил вассала совершить преступление. Правда, дело развалилось — не было свидетелей, а экспертиза так ничего и не показала, и в итоге все списали на несчастный случай и недопонимание.

— И помниться мне, он и правда лишился жены что-то лет пятнадцать назад. Говорил, что уехала куда-то в другую область.

— И тогда же он брал отпуск.

— И именно он от наших ездил к армейским в восемьдесят втором, как раз по поводу их каких-то очередных бомб...

— Ладно, прижму его да все и выясню. Или нет — если и правда идет по особому протоколу. Но тогда Армен будет молчать, и этого хватит, — подводит итог Михаил Ефимович.

Он поднимается из-за стола и кивает Серафиму.

— Пойдем, ты мне можешь пригодиться.

— Саша, побудешь здесь без меня? Если все верно, то вскорости ты, наконец, сможешь спать на нормальной кровати в собственном доме.

— Да, конечно, — Саша кивает. Она слишком устала даже для того чтобы радоваться правильности догадки.

— Сейчас немного еды есть в холодильнике, это, — маг кивает на стоящую на столе бутылку с чем-то темным, — пить каждый час, пока не спишь. Магией ни в коем случае не пользоваться. Доступно?

Саша кивает еще раз.

— Библиотека в твоём распоряжении, — Серафим встает след за Михаилом Ефимовичем. — Без телевизора, уж извини.

— Ничего.

— Хорошо. Скоро вернусь, — с этими словами оба мага исчезают прямо из центра кухни, Шагая.

Саша остается сидеть на стуле в одиночестве. В голове медленно перекачиваются шарики-мысли, столь гладкие, что не за какую из них нельзя ухватиться. Тишина давит на уши. Саша как-то привыкла, что в доме кто-то есть. Хотя бы кот. Где он сейчас? Впрочем, какая разница. Скоро все разрешится. Наверное.

Она наливает себе в кружку из бутылки. Уже приевшийся травяной напиток сейчас только усиливает усталость и Саша отправляется в гостиную, забираясь с ногами на диван. И почти сразу засыпает в смутной надежде, что когда проснется — все разрешится. Больше ничего не хочется. Вообще ничего.

Просыпается она только на рассвете. Это пробуждение чуть приятнее, чем предыдущие, но все равно тяжелое. Серафима нет нигде в доме, но на стуле рядом обнаруживается ее телефон, кошелек, и все вещи, отобранные на задержании. Раньше наставник отказался их забирать, говоря, что так тайну ее выживания раскроют. Лежала тут и короткая записка.

Все разрешилось. В обед смогу подвести тебя домой, не рвись пока никуда на всякий случай.

Саша улыбается, чувствуя облегчение. Улыбается она и когда ставит телефон на зарядку и видит десятки сообщений от Коли и Кати, от вопросительных до тревожных. Правда сотовый она тут же выключает — говорить сейчас ни с кем не хочется. Но сам факт того, что они беспокоились, узнав о ее отсутствии, греет душу.

Серафим и правда заезжает в обед и отвозит ее домой. Приезжает он, внезапно, с Боней в непонятно где купленной клетке. Кот, кажется, увидев ее приобрел свойства Затронутого, просочившись через прутья решетки перевозки в стремлении оказаться на поближе к хозяйке. А говорят, только собаки преданы хозяевам...

Саша устает уже к тому моменту, когда добирается домой, сидя в машине и пытаясь успокоить Боню, который никак не может перестать тереться вокруг нее, помуркивая. Ключи, благо, подходят. Арендодатель не стал пользоваться ее отсутствием и выкидывать вещи или менять замки, селя тут кого-то еще. Квартира встречает ее тишиной, и тишиной сейчас все-таки уютной. Хотя бы привычной.

— Саша, держи, — Серафим протягивает ей связку амулетов. — Носи их. Никакой магии не используй. Даже простой, даже кому-то там что-то показать из друзей. Про операцию тебе клятва не даст рассказать, но все же. Но не колдовать. Вообще. Никак. Пока я не разрешу — даже если будешь хорошо себя чувствовать. Это серьезно. Понимаешь или

наручники одеть?

Саша вздрагивает. Опять?..

— Ладно, понадеюсь на твое благоразумие. С телевизором и приставками с ноутбуками всякими повременить, я насчет эпилепсии не врал в прошлый раз. Отдыхай, восстанавливался, звони, стипендию тебе Миша на карточку перекинул, я заезжать буду по вечерам, ближе к восьми, в гости. Если что-то почувствуешь неладное или просто непривычное — позвони мне. Или просто пожелай меня увидеть — связь ты сейчас из-за истощения не чувствуешь толком, но она есть. Не геройствуй, ладно?

Саша кивает.

Маг улыбается и мягким жестом треплет ее по чуть отросшим за все время с побега волосам.

— Ты прекрасно со всем справилась. Отдыхай.

Проходят дни. Саша много спит, и ночью, и даже днем, но постепенно все меньше. Серафим приходит каждый день поведать и новостями поделиться. Как-то само собой выходит, что Саша рассказывает ему о Свободе и обо всей этой операции. Вовсе не те факты, что так старалась поведать раньше. Какие-то образы, фрагменты, собственные мысли, иногда возникающие в разуме после пробуждения или врывающиеся в реальность откуда-то из ассоциативных глубин памяти, вызывая дрожь. Маг слушает и иногда уточняет что-то. И после таких разговоров воспоминания притупляются.

А еще иногда, когда Саша просыпается посреди ночи от смутных видений, ей кажется, что на груди тихо греет кожу один из амулетов. И точно не кажется то, что под боком мурчит Боня, усыпляя вновь лучше всяких снотворных.

И Катя, и Коля приходят через день — поиграть в настолки без всякой магии и просто пообщаться. Они знают только то, что руководство попросило Сашу помочь в каком-то деле, и поэтому она на время исчезла, и, несмотря на все свое любопытство, не пытаются выяснить подробности, просто радуясь ее возвращению.

В резиденцию ее пока не зовут, хотя и приходить не мешают. Но Саша и не хочет — от занятий ее отстранили на время восстановления, а что там еще делать? Только с Аней говорить, но та, по рассказам Серафима, на допросах молчит и видеть никого не хочет. Дважды Саша порывается приехать. Наставник мягко намекает, что бывшая подруга может быть не в восторге и что всему свое время.

На третий раз Саша не выдерживает. Тем более что ночной сон, наконец не принесший сильного чувства разбитости на куски по пробуждению, подарил ей отличную идею. И она достаточно хорошо себя чувствовала, чтобы ее исполнить.

В Резиденцию она попала без труда — никто не чинил препятствий. Да и где держат Анну Александрову дежурный на входе объяснил без вопросов. Точнее, где найти приставленного к ней охранника.

Держали Аню в том самом помещении, где когда-то коротала часы в ожидании липового приговора сама Саша. А у двери и вправду сидел охранник. Им был как-то виденный на одном из практических занятий молодой оперативник по имени Артем. Стоит только заикнуться о цели визита, и он пускает Сашу в «камеру» без всяких дополнительных вопросов. Наверное, ее велено пустить. Или он знает всю историю. Или... Какая разница?

Саша кивает парню и проходит за дверь, буквально чувствуя разлитое в воздухе напряжение.

Анна, стоящая у стены комнаты-камеры, разворачивается. От тоски и злости в ее глазах, разлитых в Отражении густым флером, у Саши начинает ныть где-то в груди.

Ее отец мертв. Мать сбежала, и, судя по всему, не собирается возвращаться, прячась где-то в обширных лесах Северного Кавказа. Возлюбленный погиб, дом разрушен, а сама Аня может лишиться силы, если будет доказано ее деятельное и добровольное участие во всей этой истории с бомбой.

Но все же она не выстрелила. Могла. Аня ведь не одну секунду стояла с ружьем, нацеленным Саше в спину — и не выстрелила. Но теперь она упорно отказывалась рассказывать следователям хоть что-нибудь молча на допросах. Копая себе могилу.

— Убирайся, — Аня делает шаг вперед. — Мне не нужны ваши льстивые уговоры,

ублюдочные убийцы. От тебя в особенности.

— Аня...

— Пошла вон отсюда, иначе, клянусь, ты заплатишь за убийство моего отца, и мне будет плевать на последствия!

— Александрова, немедленно прекратите угрозы, — вмешивается Артем.

— Аня, твой отец отдал жизнь за твое будущее, он...

— Заткнись, мразь, — Аня шагает вперед, занося кулак.

На секунду Саша встречается с ней взглядом — и убирает собственную защиту, вызывая перед внутренним взором последний разговор с Анатолием, буквально посылая его в разум бывшей подруги.

Контакт длится несколько секунд.

Потом спохватившийся Артем отбрасывает Аню с занесенной для удара рукой назад одним взглядом. Впрочем, та и не сопротивляется.

Саша покачивается от резко появившейся слабости.

— Неродова, ты как? — с участием спрашивает Артем.

— Нормально, — Саша чуть улыбается. — Все в порядке.

— Посмотри на меня, — оперативник протягивает руку, чтобы развернуть ее к себе, но Саша отшагивает назад на одних рефлексах, смутно ощущая вновь ту удавку на шее. — О, извини...

— Все в порядке. Я сама этого хотела. Я пойду...

— Ты уверена?

— Уверена, — Саша кивает Артему и быстрым шагом покидает камеру. Почти бегом.

Близость оперативника пугала. Стоило связи разорваться, а Анне покинуть ее разум, как откуда не возьмись, навалился страх.

В кармане пикнул телефон. Сообщение от Серафима с парой слов.

Зайди ко мне. Сейчас.

Уже узнал что она тут? Как?

Первой мыслью было сбежать, но ноги сами несли ее к рабочему месту Серафима. К страху присоединилась зарождающаяся в груди боль и слабость, только усиливая неприятные переживания. Вокруг проходили люди, и только ужас того, что кто-то узнает, увидит ее слабой, не давал упасть на пол и свернуться клубком.

Серафим ждал ее около поворота в тупичок, где и располагался его кабинет. «Вечный резервист», как маг сам себя называл, довольствовался очень небольшой комнатой со столом, парой стульев, крошечным диваном. И телевизором с игровой приставкой, резко контрастирующей со шкафами по периметру, буквально заваленными старыми книгами и делами. Когда-то в комнате находилась часть архива, и избавляться от оставшегося от него хлама маг не стал.

Саша застыла на мгновение, когда Серафим без слов положил ладонь на плечо. Застыла от ужаса, который буквально приковал к месту, и от глухой, тяжелой боли, непонятно с чего разливающейся по телу.

— Я ведь говорил не использовать магию, Саш, — наставник чуть подталкивает ее к двери в кабинет. Сейчас Саше кажется, что без этого она бы тут и свалилась, как куль с дерьмом.

— Что...

— Идем. Расслабься, не съем, — наставник заводит ее в кабинет и заставляет сесть на

диван.

Сердце колотится у горла, страх разливается по жилам, хотя парадоксальным образом прикосновение Серафима чуть разгоняют панику и ослабляют свинцовые объятия тяжести. Особенно когда ладонь смещается с плеча на основание шеи.

— Наклони голову. И постарайся дышать настолько глубоко, насколько можешь, — горячие пальцы словно ощупывают позвоночник.

Саше кажется, что только это ощущение не дает ей разом взлететь к потолку и свалиться в бездну. Она близка к обмороку как никогда. И вовсе не факт, что отдалившийся мир вернется хоть когда-нибудь. По спине течет пот, сердце бьется о ребра с какой-то глухой болью, и леденящий страх, чуть уменьшившийся было от появления Серафима, вновь расправляет крылья без всякой на то причины. Маг тем временем садится на подлокотник дивана, продолжая удерживать свою теплую ладонь на ее шее. Или это просто ее кожа липкая и холодная, и все это тепло прикосновения только иллюзия? Что происходит? Почему ей кажется, что еще секунду, и она свалится в пропасть, из которой нет возврата?

— Что... Со мной? — язык заплетается, и Саша чувствует подкрадывающийся ужас, понимая, что еще немного и речь ей откажет.

— Последствия истощения, — Серафим говорит совершенно спокойно, даже буднично. — Не утерпела ты, Саш, пошла к Анне общаться. Показала ей слова отца?

— Да, — в груди давит.

— Понимаю. Но я не просто так запретил тебе использовать магию.

— Я... Что... Теперь?

— Сиди теперь, — неожиданно усмехается Серафим. — Спокойно сиди, постарайся не впадать совсем уж в панику и дыши глубже. Не мешай тому, что я делаю, и не применяй магию больше. Ну и меня послушать можешь, если хочешь. Или нет — как обычно.

— Я... Не знала, что, — дышать тяжело. Почему? — Так будет, это...

— Это неудивительно, если учесть, что на половине занятий по теории целительства ты с Анной в морской бой играла.

Саша вздрагивает и чувствует, как жар расплзается по щекам. Жар стыда. Основы целительства ей были интересны, учебники вдохновляли... Пока не выяснилось, что преподающий их маг умел наводить сонливость одним своим видом, а монотонность речи и обилие специфических терминов, которые он еще и никогда не объяснял, только запутывали Сашу и не сходились с известным из книг. К стыду своему, она безнадежно упустила большую часть объяснений, просто пытаясь не выглядеть уж совсем витающей в облаках на занятиях. Стоило прислушаться к голосу сухого пожилого волшебника, как начинало тянуть в сон и болела голова, прям как на школьной алгебре. То, что рассказывал и показывал наставник, было в тысячу раз более понятно и еще и практически применимо.

Но она не знала, что Серафим был в курсе этого пробела в образовании своего ученика. И при том ничего не сказал. Саша хотела вместе с Анной после оперативной практики попробовать самой разобраться во всех конспектах, и учебниках... Но теперь, кажется, пришло время платить за свою глупость.

— Я понимаю, что Петровский несколько далек от адептов и иногда слишком углубляется в специфическую терминологию, — в голосе Серафима нет осуждения. — Так что на тему истощения и его последствий лекцию проведу сам. Короткую, не обессудь.

Все настолько плохо?

Скоро она умрет? Саша готова в это поверить, чувствуя, что буквально разваливается на

куски. Сколько еще ей осталось?

— Давай начну с простого, — голос мага размеренный и совершенно спокойный, хотя и безразличным не кажется. — Несмотря на весьма паскудные ощущения, твоей жизни ничего не угрожает.

Саша вздрагивает, словно бы ее поймали с поличным. И хочет провалиться под землю — хотя бы потому, что даже до конца поверить магу не может.

— Тебе паршиво. Истощение давит на разум, и чем больше чувствительность, а у тебя она высокая от природы, тем больше давит. Нормально что ты сомневаешься в моих словах, — маг усмехается. — Я сам, столкнувшись с этим в первый раз, думал, что непременно умру в муках, и никто не мог меня переубедить. Со своей наставницей я тогда чуть не рассорился в пух и прах. Не в первый раз, надо признать — у обоих тот еще характер.

— После... Побега из Свободы ничего такого не было.

— Не было, — соглашается Серафим. — Потому что до применения восстановителя ты не пыталась колдовать, проводила время в разговорах и чтении книг. И потому, что часть защиты моего жилища тебя подпитывала. И это было еще одной причиной, почему я тогда не отпустил тебя домой. Саша, истощение в этом виде — проблема сугубо Затронутых. Попробую объяснить механику процесса самым простым способом. Видишь ли — чтобы жизнь продолжалась, нужна энергия. Преобразование энергии. Я грубо, понятно. Если человек не будет, скажем, есть или пить долгое время, то он умрет. Ему будет не хватать нужных ресурсов, которые можно было бы преобразовывать и поддерживать тем самым другие преобразования. Это — смерть от истощения. Обычного, физического. Мы, соприкасаясь впервые с Гранью, получаем возможность, в некотором роде, использовать для своих нужд не только воздух, еду и воду, но и Отражение. Его энергию, если хочешь. С помощью нее мы позволяем нашей воле менять мир, используя жесты и слова для концентрации и формирования этой энергии в форму, наиболее подходящей для воздействия на окружающее. Плетя заклинания, проводя ритуалы. В конечном счете все слова, жесты и все остальное лишь проводники нашей воли. Но я отвлекся. Суть в том, что мы черпаем энергию Отражения, и она проникает в наше тело, постепенно занимая свое место в нем. Через какое-то время без всяких слов и жестов, одним усилием воли мы начинаем в разы лучше слышать или, скажем, видеть в темноте при необходимости, прыгать на десятки метров с места, поддерживать защиту ДНК и свои клетки в нужном виде, продлевая жизнь. Энергия Отражения проникает в нас, течет в нас, перестраивая под себя тело в некоторой мере. И мы начинаем нуждаться в ней, Саш. Пока понятно?

— Да, — Сашу все равно трясет, но голос мага звучит умиротворяюще... Словно он сказку рассказывает. Ей хочется, что бы наставник продолжал говорить. Так хотя бы страх чуть отгоняет чужое осязаемое присутствие.

— Хорошо. Следующий важный момент — нам нужна не просто энергия, а определенный ее уровень. Слишком мало — плохо, но и много тоже плохо. Как, скажем, спортсмен оставаясь без тренировок, нередко излишне инициативен, бодр и весел, а пошедший в поход домосед падает в палатку и засыпает на привале за секунды, не участвуя ни в пении у костра, ни в иных развлечениях. Мы привыкаем к определенному необходимому уровню энергии, и тяжело переживаем и ее избыток, и ее недостаток. И это отражается не только на разуме, но и на теле. Энергия нужна, чтобы сердце билось, работали легкие и все остальное. Думаю, это тоже понятно. Или?..

— Нет. Я понимаю.

— И вот тут начинается самое интересное и важное в этой истории. Умение, Саш, зачерпывать силу из Отражения со временем развивается. Крепнут энергетические каналы и все прочее. Механизм сейчас не так важен, но, по сути, это как тренировка мышц. Если ходить много — икры будут что надо. Если сидеть дома — то и прекрасных ног не видать. Потому постоянная практика приводит к могуществу... Ну или в могилу, но это отдельная история. Так вот. Я не просто так привел аналогию с мышцами. Как ты знаешь, человеческие мышцы способны на большее, чем мы привыкли думать. Скажем, под влиянием обстоятельств нетренированный человек может автомобиль поднять, если потребуется. Хотя это и травмирует мышечную ткань. Но разум говорит «Делай это — иначе умрешь». И человек делает невозможное. А потом неделями руки толком поднять не может, пока все в норму не придет. И клоню я к тому, что в стрессовой ситуации мы можем зачерпнуть из Отражения больше, чем могли бы в обычное время. Травмируя себя. Насколько больше и где будет травма — зависит от потенциала. Скажем, для одного поднять Оку — потолок, а для другого и БелАЗ возможно. У тебя, например, потенциал большой, и именно поэтому ты вообще смогла пройти на шестом Шаге так далеко. Но твое тело и разум еще не готовы к такому количеству проводимой энергии Изнанки. Могут провести в теории, но не готовы на практике. Как без должной подготовки поднять слишком тяжелую штангу. Может рывок и удастся, но это будет больно и травмоопасно. И как, я уже говорил, у Затронутого энергия Отражения проникает и в тело, поддерживает и физическую оболочку. И в итоге последствия слишком большого напряжения в творении магии вполне физические. Энергия есть энергия, и недостающую силу для больших воздействий мы вытягиваем не только из Отражения, но и из себя. Потому что из себя взять проще. Но тогда этой взятой силы неостанет для того чтобы дойти с дома до работы. Или для чтения книг. Или в самом крайнем случае — для биения сердца. К тому же после большого напряжения энергетический баланс исчезает по всем фронтам. Зачерпывать из-за Грани пока больно, как поднимать руку, которой только что поднимал тягач. Но энергия Отражения нужна, ведь тело уже привыкло к ее наличию... И тут возникают сложности. И они усиливаются тогда, когда наш атлет, подняв не меньше самосвала около небезызвестного камешка, опять идет поднимать тяжести, пусть это и пакет с покупками. Канал еще не восстановился, но провести энергию разум заставляет, и недостаток силы вновь выбирается из тела. И теперь это тело всячески мстит за такое издевательство и бунтует из-за резкого оттока энергии.

— И это...

— И это и есть истощение. Если его пустить на самотек — ничего хорошего не будет. Как образно говоря ехать на машине не заправляя ее бензином — рано или поздно топливо закончится, а заправка и неблизко может быть. Аналогия грубая, мы сами топливо и производим, но, думаю, понятная. Истощение коварно и правда может убить. Очень резкий отток сил делает невозможным сердцебиение и дыхание, и хотя их можно поддержать искусственно, это не продлится бесконечно долго. Если энергетический баланс не выровняется хотя бы на минимальной положительной отметке, то Затронутый умрет. Как остановится навсегда машина, неспособная подавать топливо мотору. Только если авто можно починить и завести, то с людьми так не получается. Декомпенсация, или энергетический коллапс, как принято среди целителей, убивает вернее, чем потеря крови. Хотя бы потому, что его не видно невооруженным глазом, а если промедлить с передачей сил, то неминуема кома и смерть.

Саша почему-то вспоминает руку Серафима на своей груди в том лесу около камня.

После того, что она видела. Вспоминает странное тепло и силу, исходившую от мага и осязаемую даже в ее тогдашнем сумрачном состоянии сознания.

— Ты выложились около менгира, Саша. В ноль — и за него. Как я говорил раньше — восстановитель не устраняет проблему. Он дает силу, но силу чужую, собственную все еще тяжело получить по совсем недавно перегруженным каналам. А ты потратила много после его применения. Шла по Отражению, лишала Боготова силы, сопротивлялась ментальной атаке предателя, боролась с проклятием, им брошенным. Ты последнего не помнишь, но это было.

— Я оказалась в своем... Подсознании, наверно, — говорить получается почти внятно, но почему-то даже озвучивать то, что она хочет сказать, нелегко. — Видела там... Семейно за столом.

Серафим, кажется, чуть сильнее прижимает ладонь к ее шее. Но молчит, и Саша продолжает:

— Там была река, и ее надо было перейти... Но я не смогла. Я... Мне казалось, что этого шага будет уже не вернуть, что я останусь с ними навсегда, а я... Мне... В общем, я пыталась вернуться, хотя в какой-то момент думала, что могу не выбраться, — сейчас ей почему-то хочется это рассказать. Сидя в маленьком кабинете, пытаюсь разобраться в происходящем и побороть нервную дрожь. И при том чувствуя теплую ладонь на шее, подтверждающую чужое успокаивающее присутствие.

— Такой риск существовал, не скрою. Саша, ты вычерпала себя до дна. Полностью. Тебя потом почти двое суток сил только на сон хватало, и то не без внешней подпитки. И хотя прошло уже две недели и ты теперь не спишь днем и чувствуешь себя неплохо, как видишь, творение магии пока слишком травматично. Это пройдет, не бойся. Истощение каждый переживал. Я однажды почти месяц пластом лежал на ритуальном столе, только на моргание силы оставались. Но выжил, как видишь. Ты же неплохо восстанавливаешься, но магия сильно бьет по телу и разуму. Пока — бьет. Не нужно спешить.

— Аня...

— Я понимаю. Но себя не ломай, договорились? Я тебе помогу конечно, но постарайся все-таки поверить моему опыту и не бежать впереди паровоза, идет?

Саша кивает, чувствуя, как усталость разливается по венам, но страх медленно исчезает, уходя туда-то в недра разума, словно вся длинная речь мага отогнала весь ужас мира — и приблизила ее саму к реальности.

— Спасибо, — тихо говорит она. — Прости, что пришлось...

— Саша, — маг ее решительно перебивает. Он убирает руку с шеи и присаживается на корточки рядом. — Не нужно извиняться. Ты — мой ученик, и я помогу тебе, чем смогу. Да, я не идеален и ошибаюсь, могу причинить боль. Я тоже человек, и время приносит силу, знания, опыт... Но и не только их. Я привел тебя в этот мир, и я постараюсь помочь тебе жить в нем. Без извинений, платы и долгов. Когда-нибудь ты сама Становишь кого-нибудь и будешь помогать ему или ей и учить. Когда-нибудь. А сейчас помогать тебе — моя ответственность. Понимаешь меня?

Саша осторожно кивает. Слова мага только начинают достигать разума, а весь их смысл, как ей кажется, придет потом.

— Вот и хорошо, — Серафим улыбается, поднимаясь. — Но я все же буду признателен, если ты перестанешь гробить себя, и не будешь использовать никакой магии, пока я или Миша не сможем точно сказать, что это пройдет без последствий.

— Обещаю.

Наставник чуть улыбается.

— Надеюсь на твое благоразумие.

Где-то в кабинете вибрирует телефон. Серафим поднимается и подходит к столу, где пытается отыскать источник звука среди горы бумаг. Находит, и, взглянув на экран, хмыкает.

— Хотя я все еще совершенно не одобряю твою выходку, плоды она принесла — Александра начала сотрудничать и отвечать на наши вопросы.

Саша чуть улыбается. Она не ошиблась в Ане.

Глава 12 и Эпилог

— Как-то это выходит... Просто, что ли, — Саша с некоторым сомнением подцепила с тарелки кусок мяса.

— Просто? — сидевший напротив Серафим с интересом поднял бровь. — Поясни, что именно тебе кажется простым.

Сейчас в маленьком ресторанчике с чешской кухней они были одни, если не считать пары официантов. Но те не обратили бы внимания на их слова. Никто не обратил бы — Серафим об этом позаботился, одним взглядом прервав попытку Саша самой поставит отвод внимания. И Саша была ему в глубине души благодарна, пусть гордость и требовала возмутиться. Хотя на шее теперь не висело с десятков амулетов, спать днем не было необходимости, и даже колдовать она могла понемногу, но все же последняя неделя ее утомила.

Допросы. Суды и опять какие-то расспросы. В детстве поездку в Москву она видела совершенно другой. Ну, по крайней мере, в ней должно было быть что-то кроме гостиницы рядом с Главной Резиденцией Ордена России, комнаты для допросов и зала суда. Но реальность была такова, что сил после всех бесконечных рассказов, ответов и вопросов ни на что другое, кроме сна, просто не было.

Но сегодня, наконец, прошло последнее заседание. И ночным авиарейсом они с Серафимом вернутся в Краснодар. При мысли об этом Саша едва не покраснела, вспомнив выражения лица и наставника и пары людей из орденских управленцев, когда она спросила, не проще ли будет дойти по Отражению. Кто знал, что на деле это доступно только для действительно сильных и опытных волшебников... И везучих недоучек, как отметил наставник. Возможно, он и лукавил, но и туда, и обратно добирались они, как все остальные заинтересованные стороны, на самом обычном самолете.

До вылета еще было время, и забросив вещи в камеру хранения, они вдвоем ужинали в довольно уютном ресторане в достаточно старом районе города.

Маг пил пиво и выглядел расслабленным, а Саше хотелось обсудить многое из услышанного. Осталось только облечь мысли в слова.

— Ну, просто... Получается, что старший Хачатрян жил, работал, потом поймал как-то Боготова, прижал его, как я понимаю, не сдал в обмен на легальную возможность отослать в его общину возжелавших стать магами без всяких способностей своих жену и дочку, и потом просто тряхнул связями, заставив на себя работать?

Сам Армен Хачатрян, связанный клятвами процедуры «особого распоряжения», ничего из этого не подтвердил. И не опроверг. А откровенно шокированный Азамат рассказал все что знал про исчезновения матери и сестры, которое едва помнил. Просто однажды шестилетнему мальчику сказали, что его мать сбежала и больше не хочет его видеть. И он поверил. А как тут не поверить родному отцу?

— Думаю, это упрощенное, но верное описание событий. Что тебя смущает?

— Да все. Ладно коррупция, вот это все... Я могу понять. Орден вроде как сила, и наверняка многие пробуют... Договориться.

Серафим кивает.

— Иногда так можно получить союзника. Или множество проблем и реальное обвинение. Но я так понимаю, тебя тревожит другое.

Саша кивает.

— Выходит, Хачатрян-старший подошел к Андрею и говорит «Мне нужно, чтобы твои люди добыли атомную бомбу к такому-то числу. Если этого не случится, то я тебя сдам Ордену». И тот согласился? Вот так, походя, обречь столько людей на гибель просто из-за шантажа?

— Ну не то чтобы походя и не то чтобы обречь, — Серафим сам отрезает приличный кусок бараньей ноги. — Я говорил с Олегом. Понятно и его, и Армена центральники у себя заперли и будут долго и нудно обрабатывать, стараясь задавать правильные вопросы. И растянется это на месяцы. Но кое-что я смог выяснить. Изначальный план, который описывал Армен, был таков. Заманить нас хотя бы двоих, меня и Мишу, в общину, помахав перед носом атомной бомбой и возможностью теракта. Пока мы пытаемся добраться до Андрея сквозь местные сюрпризы и защиту менгира, Олег притаскивает тебя к камню, как ту, что может им управлять, подходит и по крови, и по магии. Изначально предполагалась, что мы в это время заходим в дом с боеголовкой, который находится во внутреннем круге защиты. Если не вдаваться в подробности — там все устроено так, эта самая защита не дает бомбе взорваться, хотя управление снарядом дистанционное и магическое. Хорошая кстати конструкция, интересная, с ней все еще работают. В общем, мы заходим в дом, в это время местные все разбегаются, Армен принуждает тебя снять те щиты, что мешали взрыву и оставить те, что не давали ничему опасному просочиться за территорию этой внутренней сферы защиты. Бомба взрывается, тут никто бы не смог уйти, и нас размазывает тонким слоем на атомы, но за пределы щитов ничего не вылетает. Да, общине пришлось бы искать новый дом, но в случае если Армен поднял бы старое дело, пострадал не только сам Боготов, но и все его Затронутые, в особенности Обращенные. Их ведь Становили без ведома Ковена и Ордена. Так что, как видишь, для Андрея это была вполне терпимая жертва. По крайней мере, я так думаю. Хотя своим людям он рассказал несколько другую версию плана, и пока неясно почему.

— Теперь мы не узнаем, — сердце Саши кольнула боль.

— Не узнаем. Но ты все сделала правильно, иначе там бы все полегли. То, что Армен рассказал Олегу и Андрею и то, что он на самом деле намеревался сделать — две совершенно разные вещи.

— Но... Я не понимаю. Зачем? Олег Васильевич говорил что-то про новый порядок и про месть тем кто... Долго живет?

— Он говорил то, что ему поручили сказать, — отмахивается Серафим. — Хотя по тому плану, что Олег знал, все так и выглядело.

— И он... Почему он согласился в этом участвовать? И когда? Мы ведь сдавали ему практику. Уже тогда?..

Он был предателем?

— Сложно сказать, Саш. Армен заставил его принести клятву, подобную той, что Михаил взял с нас, помнишь? Только Новгородский разрешил рассказать все Анжелине, и поэтому ты ей все рассказала. А Армен Олегу ничего не разрешал, и то, что мы выяснили, стало понятно по очень косвенным деталям.

— И теперь получается, тебя заставляют поклясться в чем-то или там дают особое распоряжение и ты все, марионетка без своей воли, только подчиняйся... Такие себе порядки, — Сашу передернуло. А если бы ее заставили что-то пообещать? А если бы она не знала о вассалитете или сдуру бы согласилась на предложение Андрея? Чем бы все

обернулось...

Серафим тяжело вздыхает.

— Наш мир — несовершенное место. Но давай попробую ответить по порядку. Насчет «особых распоряжений» — здесь замешан кто-то крупный. И мы выясним кто, что и как. И в каких объемах это был приказ, а в каких — самодеятельность Хачатряна. Но вообще-то он мог отказаться, до клятв. Согласие на такие поручение добровольное, и если его не давать, то магия просто заставит молчать о предложении, и все, никаких других последствий. Но он согласился, значит, видел выгоду для себя. Или платил за прошлые прегрешения. Олега, насколько я понял, Хачатрян тоже на шантаже взял. Олег много лет работал в Ордене, был на хорошем счету, никогда не имел никаких амбиций и дело свое делал на совесть. Но и у такого человека есть свои уязвимые точки. Его жена из Обращенных, и была замешана в нескольких подозрительных смертях в краевой больнице. Но доблестный оперативник дело замаял, нарушив Закон, и на том его и поймал собственный начальник Хачатрян. Клятва, что дал Армену Олег, тоже добровольна, Саш. Он мог отказаться и иметь дело с последствиями своего выбора, и тогда бы ему пришлось ответить за сокрытие преступлений жены. Мог поговорить с Мишей, объяснить ситуацию и супругу, по крайней мере, спасти от суда и от высшей меры. Мог — но не стал, предпочел работать на Хачатряна. У всех есть свои секреты и за все приходится платить. Иногда слишком много.

Саша вспоминает Тамару и черноту вокруг ее головы, все усиливающуюся и усиливающуюся. Тело девушки нашли, насколько она знала. Как и обгоревшее, покрытое остатками шерсти, но позже трансформировавшееся в человеческую форму тело ее матери, все-таки ставшей перед смертью Затронутой. Отвратительный обугленный кусок плоти не вязался с той женщиной, что так помогла ей в дни среди селян.

Ты так дыру протрешь...

— Эй, вернись, — Серафим прикасается к ее плечу, вырывая из воспоминаний.

В последнее время Саша часто в них углубляется, пусть они и кажутся совсем не яркими. словно сцены из давно просмотренного фильма, а не что-то случившееся с ней в реальности. Да и многое уже проговорено, рассказано, а потому чуть-чуть менее болезненно. Много — но не все.

— Прости, — Саша с некоторым трудом переводит взгляд на наставника, на лице которого читается какое-то глубокое, почти нечеловеческое, понимание.

— Все в порядке. Если расскажешь, будет проще справиться.

Саша кивает.

— Понимаю. Правда. Это пройдет. Просто... Азамат. Он... Каким бы он не был — он ведь, выходит, потерял всех. Отец под следствием, мать с сестрой умерли. И Аня, ее мать так и не нашли, и едва ли она вернется. Я знаю, они не дети, но... У них нет никого больше теперь.

На самом деле совершеннолетие, что должно отличать ребенка от взрослого не делает тебя ни сильнее, ни мудрее. И вообще прожитые годы. Саша никак не могла помочь людям которых знала и которых теперь постигло несчастье. Да и говоря прямо — из-за ее действий все это и случилось.

— Саша. Все, кто погиб в общине, сами выбрали свой путь. Сами принесли клятву и сами решали, что с ней делать и как поступить. В конечном счете, у них были знакомые в городе, были возможности связаться с Орденом и попросить помощи. Даже не рассказывать про бомбу, не нарушать клятву, а хотя бы попросить убежище и шанс начать жизнь заново

где-нибудь в другом месте. Да, им бы пришлось отвечать за уже сотворенное, но, по крайней мере, после этого можно было бы начать жизнь с чистого листа. А так каждый из них сделал свой выбор. Смерть не бывает героической или бессмысленной, но она ждет всех нас. А что касается Хачатряна-младшего и твоей подруги, то у нас есть протоколы на эти случаи. Теперь ни у кого из них нет наставника, осуждение Армена не даст ему больше обучать сына, и в этом случае будет назначен индивидуальный куратор. Оба переедут с юга куда-нибудь в центральную Россию или и вовсе в Сибирь, за счет Ордена, понятно. По крайней мере, на первое время. Они изменятся, но оправятся. Как и все мы, встречаясь с испытаниями.

— Тамара и Анатолий верили, что жертвуют собой во имя спасения людей. А, получается, речь шла просто о мести... Хотя человек в маске, то есть Хачатрян-старший, и Олег поссорились у самого менгира, вроде как план поменялся.

— Да. И это самое интересное. Судя по всему, Хачатрян с самого начала собирался поступить вовсе не так, как рассказывал Олегу и Андрею. Он имел при себе артефакт, который помог бы сбежать мгновенно, и собирался на деле принудить тебя снять все щиты и таким образом убить не только нашу группу захвата, но и вообще всех вокруг, и Затронутых, и людей общины, и тебя с Олегом, и нашего пилота, и многих невиновных в близлежащих поселках. И сам по себе такой взрыв мы никак бы не скрыли. И это привело бы к огромным проблемам и большому горю.

— Но войны бы не случилось.

— Все равно многое бы изменилось. И для людей, и для нас. И, очевидно, кому-то такие изменения выгодны. Но это расследование — дело будущего, Саш. А пока имеем, что имеем. Ты спутала Армену все карты, и теперь он точно больше ничего не сможет предпринять, кто бы и что ему не приказал.

— Я спутала?

— Ты, — Серафим кивает, — нужное время было важно для его плана, и именно в него Армен не попал. Сначала ты сбежала от Олега...

— Мне помогли.

— Знаю, Валентину уже отметили за это, и, думаю, она если и получит наказание за прошлые и нынешние проступки, то максимально мягкое. И тем не менее — ты пришла к менгиру раньше, чем рассчитывал Армен. Освободила от клятвы ребят общины, и они прекратили бой с нами, да и без Андрея и его сюрпризов мы легко дошли до бомбы раньше, чем нужно было. Из-за этого Армен решил просто сломать твою защиту на силе вместо убеждения, оболыщания или косвенного подчинения. А такой путь — это чертовски энергозатратно, прямолинейно, и всегда вызывает реакцию естественных щитов. У тебя даже с малым количеством сил получилось сопротивляться. Да еще и Анна, и Олег, не желавшие, несмотря ни на что, лишних жертв, пытались Армену помешать, как умели.

— Кинжал?

— И не только, — кивает Серафим. — Ты просто не все видела и не все могла ощутить. В итоге все это позволило тебе сопротивляться и просто не сделать то, что Армен хотел. Наша группа приближалась, вырвавшись из расставленной ловушки, так что пришлось Хачатряну бить на поражение, убирая свидетелей, да драпать, сверкая пятками. И тут ты ему опять помешала, подставившись под закливание. Твои, и мои, скрывать не буду, щиты еще не все разлетелись, и ты могла эффективно сопротивляться той гадости, оттянув ее на себя и сохранив жизнь Анне и Олегу.

— Но Хачатрян говорил, что для всего этого плана нужна была я. Иначе ничего бы не вышло.

Серафим отмахивается.

— Не забивай себе голову. Армен пошел простым путем, только и всего. Предполагаю, что отдававший ему указ неплохо читает вероятности. Он не раз он шел по грани. И мы могли отправить с самого начала в общину того, на кого менгир бы не откликнулся, и твоя подруга могла не позвать тебя на ритуал, и Охота или побег по Отражению могли бы плохо закончиться. Возможно, другие варианты предполагали привлечение нас после твоей смерти или после того, как ты бы осталась в общине, принеся клятву, пойдя все по-другому. Этого мы не узнаем. Видимо, в итоге Хачатрян решил одним махом убить двух зайцев. Или больше, нас-то пятеро было. Армен надеялся выйти сухим из воды, подставив тебя и не оставив ни одного свидетеля взрыва. Едва ли он сам это придумал, как минимум часть плана ему точно подсказали сверху. Но, опять же, пусть у Совета об этом голова болит. А ты спасла кучу народу, выкрутилась из непростых обстоятельств, в которые тебя втянули против твоей воли, и теперь можешь вспоминать об этой операции под грифом «секретно» сидя вечерами с котом и книгой дома. Или с пивом. Или вообще выкинуть из головы навсегда, оставив прошлое в прошлом. И в любом случае — стоит двигаться дальше. Понятно, что никакой практики сдавать не нужно, что пропустила по программе — скажешь, прикинем что и как. У тебя, как я уже говорил, большой потенциал, и история с менгиром тому подтверждение.

— Я его теперь не чувствую, — чуть пожимает плечами Саша.

— Пока суд да дело его закрыли, разумеется. Да и после всей той феерии менгир сам по себя впал в спячку, думаю не меньше, чем на год или два. Накопленные камнем силы Андрей жег вольно, а они не безграничны. Так что потом разберешься. Всему свое время, Саш. Сейчас время расследования для нас наконец закончилось, самолет нескоро, потому у нас три варианта, — Серафим ставит пиво на стол. — Первый — мы расходимся каждый по своим делам. Честно говоря, мне это не слишком нравится, потому что бывшие коллеги и так ошиваются поблизости со своими заботами и просьбами в надежде, что я помогу им за это время, но пока отвлекать не решаются. Второй вариант — мы идем в ближайший бар с рок-тематикой и зависаем там, я пару мест уже нагуглил. И третий — я так понимаю, ты раньше в Москве не была?

Саша кивает с некоторой настороженностью.

— Я тут немало всего видел. Могу показать библиотеку Ивана Грозного. Точнее то, что от нее осталось.

— Серьезно? — Саша говорит быстрее, чем понимает, что и кому.

— Абсолютно, — кивает Серафим. — История ее нахождения — одна из немногих древних тайн, которые я могу раскрывать без всяких санкций. К тому же она просто очень поучительна сама по себе.

— Настоящая библиотека Ивана Грозного... — понимание того, что она может увидеть, всецело завладело Сашиним разумом.

Столь легенд, слухов, столько всего интересного... Ребенком она зачитывалась самыми разными теориями о библиотеке и о ее местонахождении. История всегда была Сашиним любимым предметом, а тайны прошлого увлекали ее даже в университете, пусть и сама специальность никак с ними связана не была.

— Ладно, я понял, — улыбается Серафим. — Идем тогда. Я люблю эту историю с библиотекой, пусть и стоило она мне немалых нервов и немного крови, хотя и получилось

все скорее комично, чем трагично.

— Если вы... Ты хочешь, мы можем сходить в бар.

— Будет еще время, — маг вкладывает в счет нужные купюры и поднимется на ноги. — Будет еще время, Саш. Это сейчас тебе повезло, обычно у нас все чуть более буднично и чуть менее весело. И хотя тебе довелось прикоснуться не к самым лучшим тайнам нашего мира, то справедливо будет узнать что-то удивительное в хорошем смысле этого слова. Идем.

Эпилог

— И потом Герман мне и говорит «А вот была бы ты мужиком!» И я так хрипло ему на ухо: «А я он и есть, милый. Пойдем, покажу, удостоверишься?» Как он драпал, как драпал, а потом мне же звонил, рассказывал все! — смеясь и запинаясь, нетвердым языком рассказывал Коля.

Саша тоже смеялась, хотя и нить повествования об эпичном походе товарища под недавно изученным иллюзионным обликом на какую-то костюмированную вечеринку его друга соблазнением последнего в образе Мерлин Монро она потеряла еще минут пять назад. Но никакого значения это не имело, важно было только теплое, подогретое разом алкоголем, воспоминаниями и надеждами легкое веселье, кружившее вокруг их тройки, мерно шагавшей по пирсу.

Серафим шел поодаль с так похожими друг на друга знакомыми Коли и Кати, одна из которых была одета в строгий офисный костюм, несмотря на душную ночь, а вторая носила наряд, способный смутить даже прожжённых ночных бабочек. Та, что в костюме, только подмигнула Саше при знакомстве, которое прошло с невозмутимыми лицами перед самым походом на концерт одной известной рок-группы. Дальше было пиво, музыка, слалом в партере, куда Саша слезла вместе с разгоряченной непривычной атмосферой Катей, сидевшей на Колиных плечах, толкучка и песни, тонувшие в общем разноголосом хоре. И никому не было дело до того, что товарищ Саши подмигивал знакомым ее друзей, как своим давним друзьям, когда знал, что на него никто не смотрит.

Коля и Катя давно считали своим долгом вытащить Сашу куда-нибудь, и та решила выбрать место, и, отчаянно надеясь, что наставник не подумает ничего, что она не имела бы ввиду, предложила Серафиму присоединиться. Потом появились эти вот «знакомые», отрывающиеся на полную катушку, было еще пиво и что-то еще и нанятый минивэн для поездки на море, потому что кому-то этого захотелось и никто не был против.

И вот теперь они втроем шли по пирсу, всматриваясь в луну и развлекая друг друга самыми странными и забавными историями из жизни.

Стоя у конца причала, Саша понимает, что уже с полминуты не слышит разговора за спиной. Но понимает поздно. Ровно в этот момент их всех троих толкают в спину с громким хохотом. И под аккомпанемент воплей и брызг теплое июльское море распахивает свои объятия. Саша выныривает, проплывая пару метров, и видит, как следом за ними летят вниз зазевавшиеся близняшки и сам Серафим.

— Кто последний до берега — с того отель и завтрак, — с задором кричит Коля и начинает мощными гребками приближаться к пляжу.

— Эй, а ну-ка стой, — Катя устремляется в погоню, поднимая фонтан брызг.

Саша без слов ныряет за ними, вспоминая когда-то хорошо отточенные навыки пловца, и за пару движений догоняет ушедших в отрыв.

— А первому скидываемся на самый большой арбуз, — громко заявляет она и

устремляется к берегу, видя, что к соревнованию подключаются и остальные.

Одежда облепливает тело, теплая вода заливается в уши, а свет луны вычерчивает не так уж и близкую рамку берега. Саша взмахивает руками и ногами в такт, чувствуя, как море подхватывает ее движения и дает вдоволь скользить в почти прозрачной соленой воде. И не только ей. Вокруг плывут другие, живые, настоящие люди. Вовсе не случайные люди.

Саша с наслаждением двигается, ощущая мелкие волны как раскачивание огромного, приятного на ощупь гамака, успокаивающего своим колебанием и при том приближающего к нужной цели.

Плывать на то, что будет завтра. Сейчас она счастлива, и этого достаточно.

**

Александр Николаевич Серафимов просыпается от вибрации телефона. И страдальчески морщится, читая пришедшее сообщение. Весьма лаконичное.

«Ты был прав. Совет замешан».

Телефон отправителя не занесен в адресную книгу, но он и так прекрасно знает, кто это написал. Анжи.

Иногда ему хочется быть неправым. Очень хочется.

Но не удастся. Хотя, в итоге, одну широкую нить они вытянули из этого клубка интриг. Общину разогнали. Бомбу нейтрализовали, протоколы защиты поменяли.

Справятся. Вечно находятся идиоты с амбициями — и не в первый раз в рядах Ордена. Они, определённо, справится. Справились же с той кашей от Моле и его проклятия? Значит и с этим разберутся.

Но не сегодня. И не завтра.

У него отпуск. У Саши двухнедельный перерыв в учебе, который она с одногруппниками намеревалась провести на море, не желая возвращаться в душный город. У Катерины обнаружились родственники на недалеком курорте, и теперь что-то подсказывало, что ему самому стоит сесть поутру на автобус до Новомихайловки. Так, на всякий случай. И близняшек с собой прихватить.

Жизнь, определенно, не была скучной штукой, особенно с тех пор, как он пошел за ныне покойным колдуном в лес на рок-фестивале. И Серафим не имел ничего против.

Больше книг на сайте - Knigoed.net